

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 2 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай), Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Москва), Гэй У. (США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т. (Великобритания), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Теймури В. (Иран), Коротаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия), Мазур И. И. (Россия), Назаретян А. П. (Россия), Степин В. С. (Россия), Урсул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия), Юдин Б. Г. (Россия).

Адрес редакции:

119992, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, к. 102, Президиум РФО.

Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Данилов-Данильян В. И. Структура стоимости и структура экономики в век глобализации	3
Ильин И. В., Леонова О. Г. Тенденции развития глобализационных политических процессов	21
Ивахнюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации	36
Камуселла Т. Что мы изучаем, изучая мир?	52

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Снакин В. В. Динамика биоразнообразия, дрейф материков и глобализация	66
Алешковский И. А., Ионцев В. А. Управление международной миграцией в условиях глобализации.....	75
Шульга М. А. Европеизация: некоторые особенности одного концепта	88

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Вебер А. Б. Страсти по климату. Кто и почему против борьбы с глобальным потеплением?	96
Мазур О. А. Ближний Восток: на острие противоречий	106
Руденко Д. Ю., Зинковская К. Ю. Процессы конвергенции в глобальной экономике	114

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Гирусов Э. В. Социально-экологическое образование	125
Краснов В. В. Предпосылки построения интегрального общества	130
Гранин Ю. Д. Глобализация: эрозия национальной идентичности	142
Теймури В., Биглари Б. Туризм как возможная модель обучения основам мирового гражданства	154

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Гринберг Р. С. Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы. Общие итоги системной трансформации	166
<i>Contents</i>	183

ТЕОРИЯ

СТРУКТУРА СТОИМОСТИ И СТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ В ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Данилов-Данильян В. И.*

Стоимость любой продукции рассматривается как сумма двух составляющих: природной и информационной. По их соотношению множество всех видов продукции разбивается на агрегаты, разделение ВВП по таким агрегатам характеризует структуру экономики. В предложенном подходе проявляется общая тенденция экономического развития: возрастание доли информационно-емкой продукции. Однако эта тенденция обуславливается не только позитивным воздействием научно-технического прогресса, но и гипертрофированным развитием производства избыточной продукции в обществе потребления. Данная тенденция способствует экономической неустойчивости. Предлагается сдерживать ее методами, сходными с пигувианским регулированием внешних эффектов.

Ключевые слова: стоимость, технологический граф, структура экономики, сфера услуг, финансовый сектор, развлекательный сектор, регулирование, экстерналия, интернализация.

The value of any product is viewed as the sum of two constituents: natural and informational. Based on their ratio, the variety of all types of products is subdivided into aggregates; GDP specification by such aggregates characterizes the structure of economy. The proposed approach manifests the general tendency of economic development: the increasing share of information-intensive production. However, the trend is caused by both the positive influence of technological and scientific progress, and hypertrophied development of excessive production in the consumer society. The trend facilitates economic instability, which is proposed to be harnessed using methods similar to Pigovian regulation of externalities.

Keywords: value, technological graph, structure of economy, service sector, financial sector, entertainment sector, regulation, externality, internalization.

Вопрос о том, из чего складывается стоимость продукта (или его цена, ценность и т. д.), – один из традиционных для экономической науки. Он интересовал весьма многих экономистов, хотя в базовые для политической экономии понятия *стоимость*, *ценность* (англ. *value*, нем. *Wert*), *цена* (базовое для экономической науки в целом и для всех ее направлений и ответвлений) они вкладывали различный смысл.

Естественно, в зависимости от трактовки базовых понятий формировались представления о тех составляющих, сумма которых количественно выражает со-

* Данилов-Данильян Виктор Иванович – член-корреспондент РАН, директор Института водных проблем РАН. E-mail: vidd@aqua.laser.ru.

ответствующее понятие. Явное или неявное представление стоимости в виде суммы составляющих не всегда, но часто (Кенэ, Сэй, Рикардо, Маркс) коррелировало с представлениями о структуре экономики и тем более с описанием этой структуры.

В настоящей работе предлагается более простой, чем широко известные, способ представления структуры стоимости. Благодаря упрощению оказывается возможным жестко связать структуру стоимости со структурой экономики и отразить тем самым главную тенденцию развития человеческого хозяйства, особенно четко проявившуюся в последние десятилетия, в информационном обществе в век глобализации.

Предварительные замечания

Прежде всего надо определить, как в дальнейшем будет трактоваться понятие *стоимость*. Не мудрствуя лукаво, договоримся, что стоимость товара, услуги и прочего отображается рыночной ценой, по которой в данный момент на рынке торгуется данная сущность – товар, услуга или, скажем, разрешение на выброс загрязняющего вещества в атмосферу. Иными словами, принимается, что рыночная цена – измеритель стоимости, причем не косвенный, не «один из», а – для наших целей – прямой и единственный.

Такое понимание наверняка встретит множество возражений с разных сторон. Поэтому сразу приведем некоторые аргументы в пользу этого выбора – как термина *стоимость*, так и его понимания.

Для целей данного исследования важно оперировать экономической категорией, отражающей все аспекты продукции (или иной торгуемой сущности) на протяжении ее жизненного цикла: производство (возникновение), бытование до потребления, потребление (использование, эксплуатация и пр.), наконец, уничтожение (прекращение эксплуатации или действия, утилизация, аннулирование и пр.). В наибольшей степени соответствует этому условию именно стоимость.

Можно возразить, что если за прямой и единственный измеритель стоимости принимается рыночная цена, то не следует ли применить «бритью Оккама» и обойтись лишь одним из этих двух понятий? Нет, не следует, так как понятие *стоимость* шире и богаче, чем понятие *цена*; последняя, по крайней мере в настоящем исследовании, выступает лишь количественным (денежным) индикатором стоимости, синтезирующим презентантом тех разнообразных качественных аспектов, которые ей присущи.

В следующем возражении фиксируется внимание на том, что такое широкое всеобъемлющее понимание стоимости вступает в противоречие с изменчивостью цены, которая в современном мире стала едва ли не символом непостоянства. Если рассуждать по Платону, то в этом возражении отмечается, что в приведенном понимании стоимость, безусловно, следовало бы полагать находящейся в мире идей, а цены, хотя и представлены числами, скорее принадлежат видимому миру (пусть хотя бы в виде фиксирующих их документов – ценников, чеков, договоров, лицензий и пр.), в котором все возникает и уничтожается, но на самом деле как бы и не существует. Однако реально стоимость (со всеми ее качественными аспектами) так же изменчива, как и цена. Собственно, изменчивость цены – это отражение изменчивости стоимости (какому бы ее определению, пониманию ни следовать). Стремление найти за изменчивостью цены некий инвариант, адекватно, независимо от данных конкретных условий количественно выражающий экономическое значение товара – его стоимость, видимо, мнимая проблема, хотя

многие экономисты пытались ее решать. Один из доводов в пользу этого предположения – возможность использовать одни и те же средства как для стабилизации рыночной цены, так и с прямо противоположной целью. Таким средством служат, например, запасы (как продукции, так и, особенно, средств производства – ресурсов и мощностей): с одной стороны, очевидно, что, обладая изрядным запасом, можно нивелировать колебания спроса и поддерживать стабильную цену, варьируя объем продаж; с другой – имея соответствующий запас, нетрудно и «обвалить» цену. Бесчисленные факторы могут почти мгновенно повлиять на объем спроса (как в сторону его снижения, так и повышения) и, следовательно, на цену. В современном мире уже невозможно мыслить стоимость, абстрагируясь от подобных факторов и обстоятельств.

Еще одно возможное возражение сводится к сомнению в том, что такая изменчивая субстанция, как цена, будучи принята единственным измерителем стоимости, может быть основой для адекватного отражения структуры хозяйства, анализ которой предполагает выявление устойчивых долгосрочных тенденций, а для этой цели больше подходят не денежные, а физические измерители (в связи с этим вспоминают наивные и бесплодные попытки построить энергетическую теорию стоимости и т. п.). Однако, во-первых, физические измерители надо соизмерять, а без денежных мер не удастся соизмерить киловатты даже с киловатт-часами, не говоря уже о тоннах и метрах, приложенных, к тому же, к различным материальным сущностям. Во-вторых, при использовании ценовых измерителей основные тенденции развития экономики совершенно отчетливо обнаруживаются несмотря на все ценовые флуктуации, и это служит самым сильным аргументом в пользу адекватности выбора данных измерителей для цели этого исследования.

Не лишены оснований сетования на пороки современных рынков, слишком далеких от той идеальной модели (свободный рынок с совершенной конкуренцией), которая «гарантирует» замечательные свойства системы рыночных цен – обеспечение устойчивого равновесия спроса и предложения, настройку ориентационного поля экономических агентов, соответствующую максимизации функции всеобщего благосостояния (то есть действие пресловутой «невидимой руки», по Адаму Смиту, по обыкновению неправильно понятому). На это, как и в предыдущем случае, можно ответить, что несовершенство рынка не препятствует выявлению и количественному отражению процессов, происходящих в экономике, – конечно, не любых, но, во всяком случае, тех, что служат объектом изучения в настоящей статье. Более того, результаты анализа показывают некоторые недостатки современной рыночной системы, может быть, самые существенные, ибо рыночные цены – при всем их реальном несовершенстве, а может быть, и благодаря ему – это зеркало как добродетелей, так и пороков экономической системы, важно только смотреть в него под правильным углом, чтобы не перепутать первые со вторыми. Верующие в «невидимую руку» хотят от системы рыночных цен слишком многого: чтобы они указывали каждому экономическому агенту, куда двигаться. В настоящем исследовании пожелания в адрес этих цен гораздо более скромные: надо, чтобы они помогли понять, куда реально движется экономика, причем в очень упрощенной системе координат.

Наконец, против выбора цены как «полноправного» индикатора стоимости можно возразить указанием на неопределенность самого этого понятия. На вопрос «что есть рыночная цена» разные экономические школы дают отнюдь не совпадающие ответы. Одна и та же продукция продается на разных (например,

территориальных) рынках по неодинаковым ценам. Более того, на одном и том же (казалось бы) рынке различные продавцы ухитряются продавать один и тот же товар по разным ценам, а разные покупатели умудряются по разным ценам его покупать.

В каждой конкретной сделке купли-продажи цена проданной (и приобретенной) сущности – та самая, по какой была совершена сделка. Такой подход со времен С. Кузнеца используется в статистике валового внутреннего продукта: ВВП – это сумма всех продаж. Пестрота цен на множестве всех сделок компенсируется их массовостью. Конечно, придется обращаться не только к цене отдельной сделки и не только к множеству всех сделок купли-продажи конкретной продукции, но и к цене агрегированной продукции.

Технологические операции и технологические графы

Процесс создания любого продукта удобнее всего представлять *технологическим графом*. Это полезное понятие не используется в экономической литературе – видимо, потому, что экономическая теория все меньше и меньше интересуется производством. Можно усмотреть некое сходство технологических графов и сетевых моделей, используемых в системах сетевого планирования и управления (там узлы графа – события, а дуги – работы, выполнение которых необходимо для наступления этих событий). Однако и назначение, и содержание, и структура сетевых графов – совсем иные, чем у графов технологических.

До появления таких сделок, как купля-продажа векселей, все, чем торговали на рынке, представляло собой результаты приложения человеческой деятельности к природным объектам и системам: собранные дикорастущие плоды, добытые на охоте животные и выловленная рыба, выращенный урожай, произведенные орудия труда и т. п. Природные объекты проходят ряд преобразований – *технологических операций*, реализуемых человеком посредством различных технологий; они (объекты) подвергаются механическим, физическим, химическим и биологическим воздействиям, комбинируются, синтезируются и т. д. и т. п., пока не получится продукт, пригодный для потребления (использования) и, стало быть, для продажи на рынке. Технологический граф производства какого-либо продукта представляет всю совокупность технологических операций, выполняемых в данном производстве, в надлежащей последовательности. Если продукт можно произвести несколькими различными способами, то для каждого из них можно построить свой технологический граф. Технологические операции представляются дугами графа (иногда более чем одной – всякий раз, когда дело идет о соединении компонентов, комбинировании и пр.), узел, из которого исходит дуга, – полуфабрикат (или природный ресурс), к которому применяется соответствующая ей операция; узел, в который дуга заходит, – полуфабрикат (или уже конечный продукт), результат применения этой операции. Рассматривая технологический граф как многоуровневый, на нижнем уровне будем помещать те узлы, которые представляют природные или природно-антропогенные системы (месторождения, агроценозы, водохранилища и т. п.), непосредственные взаимодействия с которыми (изъятие природного вещества, эксплуатация биологического потенциала, использование энергии и пр.) предполагаются технологическим процессом.

В качестве примера рассмотрим технологический граф изготовления железного топора. Этот продукт состоит из двух частей: собственно топора и деревянной рукоятки. Соответствующий технологический граф изображен на рис. 1. Изготовление железной части инструмента предполагает (в первом приближении)

использование ресурсов железорудного месторождения (1) для добычи (5) железной руды (8) и ресурсов угольного месторождения (2) для добычи (6) каменного угля (9), приготвление (11-1 и 11-2) шихты (13), выплавку (15) железа (16); изготовление и обработку (17) отливки (18); изготовление рукоятки – использование ресурсов леса (3) для добычи (7) древесины (10), вытачивание (12) рукоятки (14); когда обе части готовы, остается финальная операция – насадка топора на рукоятку (19-1 и 19-2), и изделие (20) готово.

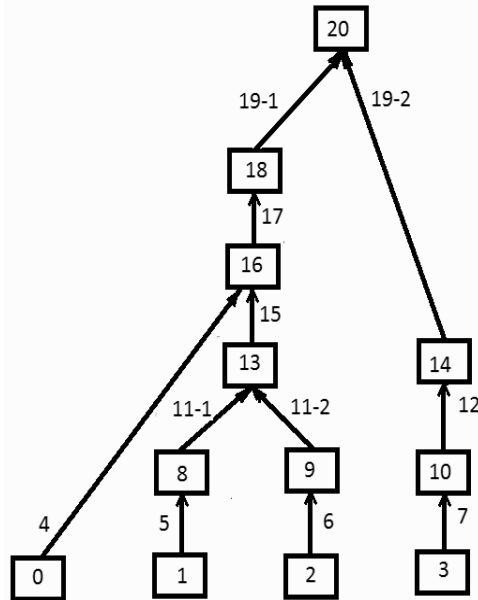

Рис. 1. Технологический граф изготовления железного топора

Отметим, пользуясь приведенным примером, что некоторые промежуточные продукты (в данном случае – шихта) всегда сугубо внутренними для технологического процесса и не торгуются на рынке, а иные (руда, уголь, железо, древесина, рукоятка топора) вполне могут продаваться как сырье, материалы, полуфабрикаты, запасные части и пр.

Материальное производство, как правило, сопряжено с образованием отходов и негативным воздействием на окружающую среду. Это обстоятельство можно и нужно отразить в технологическом графе. Упрощая дело, заметим, что в нашем примере негативное экологическое воздействие – выбросы загрязнителей в атмосферу при выплавке металла, а отходами служат шлаки, образующиеся при той же технологической операции, металлические опилки, стружка и пр., возникающие при обработке отливки, и аналогичные древесные отходы, неизбежные при вытачивании рукоятки. Все такие отходы в современном хозяйстве используются и должны рассматриваться как побочный продукт производства. Достроить соответствующим образом технологический граф не составляет труда. Что касается выбросов (и других негативных экологических воздействий), то наряду с железорудным и угольным месторождениями и лесом введем в анализ еще одну (условную) природную систему – «вместилище загрязнений», имеющую ограниченный запас «ресурса», который «изымается» в соответствующем количестве при каждом выбросе (сбросе в водные объекты, размещении твердых не утилизи-

руемых отходов и т. п.). Если требуется, таких «вместилищ» можно ввести несколько (узлы на нижнем уровне технологического графа), негативные воздействия на окружающую среду будут изображаться дугами, исходящими из этих узлов и заходящими в узлы, соответствующие продуктам, при производстве которых эти воздействия возникают.

Часто встречающийся термин *технологическая цепочка* используется в двух значениях. Во-первых, так называют вырожденный технологический граф, когда из каждого узла исходит только одна дуга (кроме последнего, из которого не исходит ни одной дуги). Подобное представление производственного процесса естественно, когда интересуются «судьбой» (преобразованиями, трансформациями) только одного вещества, объекта и пр.; так, если бы применительно к процессу изготовления топора мы интересовались только превращениями железа, то от графа на рис. 1 достаточно оставить одну цепь: (1)–5–(8)–11–1–(12)–15–(16)–17–(18). Во-вторых, под технологической цепочкой иногда, не вдаваясь в подробности, фактически подразумевают технологический граф.

Понятие (*технологическая*) *операция* и подход к анализу производства как к *последовательности* выполняемых операций предложены Адамом Смитом, именно с этого начинается его «Исследование о природе и причинах богатства народов» [Смит 2007]. Смит рассматривает процесс производства булавок и выделяет «приблизительно 18 самостоятельных операций» [Там же: 70], которые необходимы, чтобы сделать булавку, при этом за исходный материал принимается железо, процесс его производства остается «за скобками», как и – тем более – образование отходов и воздействие на окружающую среду. Цель такого детального анализа у Смита – показать ключевую роль разделения труда для развития экономики, для рынка (национального, а также международного), размеры которого ограничивают разделение труда. Что касается стоимости продукта, то Смит измеряет ее исключительно количеством труда, затраченного на его производство. То обстоятельство, что труд – тоже товар (одна из любимых тем Маркса), продается на рынке и его цена связана не только прямой, но и обратной зависимостью с ценой производимого продукта, не попадает в сферу внимания Смита. При этом «шотландский мудрец» подчеркивает, что при оценке затрат труда необходимо учитывать не только дни или часы, но и «ловкость», то есть профессиональный уровень рабочего [Там же: 72]. Кроме того, он имеет в виду (и убедительно пишет об этом [Там же: 105–106]) не только прямые, но и косвенные затраты труда, когда указывает, что цена складывается из трех частей: стоимости труда, ренты и прибыли.

Конечно, в третьей четверти XVIII в. еще не пришло время заняться отмеченной обратной зависимостью. Для того чтобы «схватить» ее, понадобилась модель всеобщего равновесия Л. Вальраса, которая как в момент своего возникновения (через столетие после «Богатства народов»), так и впоследствии во всех предложенных ее модификациях, обобщениях и усложнениях остается чисто теоретической конструкцией. Она помогает думать об экономике, но не способна что-либо вычислить в реальной рыночной (а не агрегированной теоретической) номенклатуре «вместо» идеального рынка. Стимулом к такому желанию служит, конечно же, несовершенство всех существующих и когда-либо существовавших рынков. Анализ подобных конструкций, скорее, наоборот, убеждает в том, что такое желание в принципе неосуществимо. Это одна из причин (кроме указанных в предыдущем разделе), побуждающих к тому, чтобы в данной работе не апеллировать ни к чему, кроме реальных рыночных цен.

Природная и информационная составляющие стоимости

Что происходит при выполнении технологической операции? Согласно концепции, развиваемой в настоящем исследовании, общим для всех без исключений технологических операций является только одно: каждая из них добавляет в изготавливаемый продукт (обрабатываемый материал, объект и пр.) *информацию*, причем строго в соответствии с целью производственного процесса. Это очевидно применительно к добыче руды, угля, нефти, природного газа и других сырьевых материалов. Обогащение руды, то есть повышение концентрации полезных компонентов, – не что иное, как внесение информации в горную массу. Придание формы камню или куску металла (включая шлифовку, сверление и т. п.) – это внесение информации в обрабатываемый материал. Выделение полезного компонента из обрабатываемого вещества путем плавки, химического или биологического разложения, механической сепарации и т. п. представляет собой внесение информации в это вещество путем его преобразования. Направление потока воды на турбину гидроэлектростанции – это «информатизация» потока. Химический синтез, все виды сборки и монтажа, брошюровка книги, наклейка этикетки на упаковку – все это внесение информации в предмет обработки. Корректорская правка – тоже внесение информации в текст, поскольку, устраняя опечатки, опiski и пр., она уменьшает энтропию текста, а следовательно, увеличивает количество информации в нем.

Каждый произведенный продукт – своего рода хранилище информации о том, какую потребность и каким образом он удовлетворяет. Форма каменного топора – отнюдь не случайная, она несет в себе информацию о том, как применять это орудие труда. Если ребенок находит молоток, он берет его за ручку и начинает «молотить». Поскольку о назначении данного орудия ребенку неизвестно, то результат таких действий будет негативным: пострадают полезные предметы, пальцы и другие части его тела. Тем не менее ребенок знает, как держать молоток и какие движения надо совершать, – эта информация получена им из самого молотка, она содержится в молотке, но не «вообще», а применительно к человеческой руке. А какой каменный топор следует считать хорошим, качественным? Тот, который в высокой степени удовлетворяет требованиям своего предназначения, то есть выполнен из соответствующего материала и тщательно обработан; и то и другое – требования к информации, «вкладываемой» в топор в процессе его изготовления. Теперь часто говорят: *технологичное изделие, высокотехнологичный продукт* и пр. С развиваемой здесь точки зрения это значит *насыщенный информацией* – настолько, насколько позволяют современная техника и экономическая конъюнктура.

После каждой технологической операции стоимость ее результата больше, чем суммарная стоимость использованных при ее выполнении компонентов. Экономическая наука утверждает, что в стоимости результата учтены затраченный труд и часть стоимости средств труда, «перенесенная» на продукт труда; появляется такое понятие, как овеществленный труд, и пр. Но к анализу технологических процессов можно подойти и по-другому. Выше показано, что каждая технологическая операция представляет собой *антиэнтропийное действие*. Увеличение количества информации в предмете труда – обязательное свойство каждой операции, а если в каких-то случаях это может показаться неочевидным, то только потому, что использован неадекватный подход к измерению информации (например, обогащенная руда именно потому содержит больше информации, чем

необогатенная, что существенно реже встречается или вовсе не встречается в природе, в этом случае надо применять Шенноновскую меру).

Для каждого технологического графа потребность в сырье задана элементами нижнего уровня. Все промежуточные продукты называем *полуфабрикатами*. В стоимости каждого полуфабриката, как и конечного продукта, можно выделить стоимость затраченного природного материала, сырья; остающаяся часть – стоимость привнесенной информации. По мере подъема по технологическому графу (то есть по мере продвижения процесса производства) соотношение сырьевой и информационной частей на каждом этапе изменяется в пользу информационной части, ее доля всякий раз возрастает, а доля природной, сырьевой части стоимости соответственно снижается. В рассматриваемом аспекте научно-технический прогресс имеет своим следствием увеличение количества стадий производства – уровней технологического графа (удлинение технологических «цепочек») и соответственно увеличение разрыва между долями природной и информационной составляющих в стоимости конечных продуктов. Это относится не ко всем, но к подавляющему большинству технологических графов. Например, собирание дикорастущих ягод с целью употребления их без обработки как однозвенная технологическая «цепочка» за многие тысячелетия изменений не претерпела; вместе с тем ее продолжение, когда собранные ягоды идут на переработку, вполне убедительно демонстрирует отмеченное свойство.

Что касается количества природного вещества в предмете труда, то с каждой технологической операцией оно не увеличивается, а наоборот, или уменьшается (обогащение руды, выплавка металла, всевозможные виды механической обработки и пр.), вследствие чего масса результата операции меньше, чем совокупности исходных компонентов, или остается неизменным (это характерно, например, для операций сборки). Однако для анализа роли природных факторов в экономике надо интересоваться не количеством различных веществ, входящих в состав продукта, а тем, сколько сырья всех видов было затрачено на всех предшествующих этапах технологического процесса, а также негативными воздействиями на окружающую среду при выполнении всех технологических операций этого процесса (теперь для соответствующих оценок обычно используют термины *ресурсный след* и *экологический след*).

Экономика производит не только материальные блага, но также услуги и интеллектуальные продукты. Теоретически распространить на них предложенную схему нетрудно. Каков бы ни был продукт деятельности, имеющий стоимость, на его производство затрачены сырьевые ресурсы (возможно, в практически пренебрежимом количестве) и в него вложена информация, соответственно его стоимость представляется суммой двух составляющих.

Современные технологии таковы, что количество дуг в технологических графах исчисляется десятками тысяч, поэтому в анализе приходится оперировать не продуктами и полуфабрикатами, а их агрегатами, чтобы за деревьями не потерять из виду лес. В качестве критериального признака для формирования агрегатов возьмем долю в стоимости продукта природной (то есть сырьевой и экологической) составляющей. Такой критерий универсален, дает возможность определить, к какому агрегату следует отнести взятый продукт, лишь бы была известна его стоимость и ее природная составляющая, которая может изменяться от 100 % до 0. Для наших ближайших целей даже не слишком важно, как разбить этот интервал на части, каждой из которых будет соответствовать один агрегат; например, можно выделить 10 равных частей: [100; 90], [90; 80], ..., [10; 0]. В первый агрегат

войдут сырье и экологический ущерб, в последний – продукция, на производство которой затрачено малое или даже пренебрежимое количество природного материала, это – результаты интеллектуального труда, научное и художественное творчество, управление, финансовые операции и т. п.

Любой способ разбиения множества торгуемых на рынке продуктов (благ, услуг, валюты, векселей и прочих финансовых деривативов, лицензий и патентов и т. д. и т. п.) на подмножества определяет и разбиение валового внутреннего продукта (ВВП) на части, соответствующие этим подмножествам. Это относится и к предложенному здесь разбиению множества полуфабрикатов и конечных продуктов на агрегаты, определяемые соотношением в их стоимости долей природной и информационной составляющей.

Природная и информационная составляющие ВВП

Обратимся теперь к какой-либо конкретной национальной экономике, характеризуемой, по обыкновению, годовым ВВП, то есть суммой всех продаж, произведенных внутри страны в отчетном году. В каждом акте купли-продажи задействованы продавец, покупатель, товар первого и деньги второго. Каждый товар отнесен к определенному агрегату, и экономика естественно разделяется на секторы, каждый из которых производит товары соответствующего агрегата. Точно так же и ВВП может быть разбит на части, соответствующие сформированным агрегатам продуктов, или, что эквивалентно, выделенным секторам экономики. Хотя в обычной статистике ВВП «содержанием» актов купли-продажи не интересуются, фокусируя внимание на денежной сумме сделок, целесообразно различать первичные продажи, где продавцом выступает производитель, и вторичные, или перепродажи, где продавец не производитель, а посредник, покупателем же может быть потребитель или еще один посредник. Договоримся фиксировать перепродаваемые товары, относя их к верхнему (наивысшему) агрегату, поскольку при перепродаже никакое сырье не затрачивается. Кроме того, будем пренебрегать секторами экономики, вклад которых (по статистике ВВП) совсем невелик.

Важно понимать: это деление – не отраслевое и не территориальное, оно опирается на принципиально иной критерий, выражаемый соотношением двух показателей: степени значимости природного фактора и степени информационной насыщенности. Формирование таких агрегатов и прочие расчетные операции, необходимые для описания экономики предложенным способом, не представляют каких-либо принципиальных методологических сложностей, хотя и требуют значительных затрат времени и сил. Любой статистический институт мог бы выполнить подобную работу.

Статистика ВВП стала развиваться практически только после Второй мировой войны. Однако по косвенным данным можно составить приблизительное представление о структуре реального сектора экономик западноевропейских стран начиная с периода, предшествовавшего промышленной революции, государств античного мира и др. Это сугубо качественное представление из-за крайней недостаточности информации наиболее адекватно выражается в графической форме.

Изобразим вклады различных секторов полосками одинаковой ширины, длина каждой из них будет отражать долю соответствующего агрегата в ВВП. Расположим эти полоски друг над другом, начиная снизу, с первого (природного) агрегата и заканчивая верхним агрегатом («почти чисто» информационным). Контур полученной фигуры сгладим – для «благообразия». Получится картинка, отражающая *структуру реального сектора* изучаемой экономики (впервые подобные

картинки приведены в работе В. И. Данилова-Данильяна [1989]). Интересны сопоставления таких картинок для разных периодов развития одной страны (диахронистические) и для разных стран в один и тот же момент времени (синхронистические). Экономике наименее развитых стран в начале XXI в. обладают примерно такой структурой, какую представляет фигура на рис. 2б. Другая фигура (рис. 2г) изображает структуру реального сектора экономик таких стран, как США, Люксембург, Сингапур. Конечно, предложенные модели носят очень приблизительный характер, но в интересующем нас структурном аспекте они раскрывают суть проблемы.

Ввиду отсутствия статистики, соответствующей развиваемому здесь подходу, основанному на выделении природной и информационной составляющих стоимости продукта, постараемся в доступной современной статистике ВВП найти данные, которые как минимум с качественной стороны обосновывали бы сходство с реальностью изображенных на рис. 2 фигур.

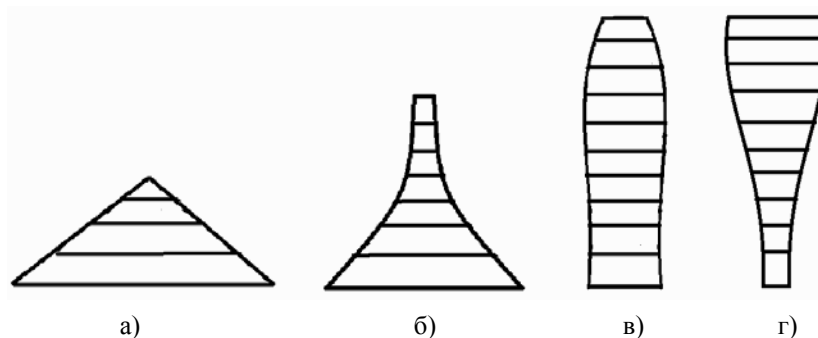

Рис. 2. Структуры экономик развитых стран в разные периоды их истории

Общепринятым после работ Д. Белла [1999] стало выделение трех этапов экономического развития и соответственно трех типов хозяйства: *первичного* (его также называют *аграрным*, так как исторически он начинался с доминирования сельского хозяйства, и слово «земля» вплоть до конца XIX в. выступало как синоним термина «природные ресурсы»), ориентированного на слабо обработанный природный материал; *индустриального*, где доминируют процессы обработки этого материала; *постиндустриального* (этот этап называют также *информационным*, или *экономикой услуг*). Эта упрощенная схема верно схватывает тенденцию, однако сегодня в каждой реальной экономике присутствуют элементы всех трех типов, образуя три комплекса – первичной экономики, индустриальной экономики и экономики услуг. Соотношения между ними в разных странах, разумеется, далеко не одинаковы. К сожалению, национальные системы статистики редко дают необходимые данные для определения таких соотношений, стандартный подход выделяет в экономике три сектора: сельское хозяйство (к которому обычно присоединяют лесное хозяйство, охоту, рыболовство и рыбноводство, марикультуру), промышленность и строительство, сферу услуг. Как правило, горнодобывающая промышленность, которая относится к первичной экономике, включается в индустриальную; нередко и лесную промышленность помещают туда же (в соответствии с названием «промышленность»), хотя она, как и горное производство, входит в первичную экономику. Неоднозначны критерии отнесения результатов деятельности к услугам. Кроме того, эта сфера крайне неоднородна по сложности труда, его технической вооруженности и по потребностям, ради удовле-

творения которых производится ее продукция (от бытового обслуживания и транспорта до государственного управления и науки). Но даже при всех этих особенностях, неблагоприятных с позиций развиваемого в данном исследовании подхода, имеющаяся статистика дает очень красноречивое отражение структуры реального сектора экономики современных государств. В таблице для примера представлены взятые из Интернета данные за 2011–2013 гг. о структуре ВВП 25 стран в стандартной статистической группировке (выборка не случайная, среди этих стран – все мировые лидеры по объему ВВП, страны БРИКС, инициаторы Таможенного союза, характерные представители как медленно развивающихся государств, так и наиболее продвинувшихся к информационному обществу, и пр.).

Таблица

Структура ВВП 25 стран, %

Страна	I	II	III
Австралия	3,6	21,1	75,3
Ангола	8	67	26
Аргентина	9,9	32,7	57,4
Белоруссия	9,5	46,1	44,4
Бразилия	5,5	28,7	65,8
Великобритания	1	23	76
Вьетнам	18,4	38,3	43,3
Германия	0,8	28,1	71,1
Египет	13,5	30,5	56
Индия	14,4	27,9	57,7
Казахстан	5,2	37,9	51,9
Китай	17	49	34
Люксембург	0,4	13,6	86
Парагвай	26	26	48
Польша	4,5	31,2	64,3
Португалия	2,6	22,2	75,2
Россия	4	36,2	59,8
Румыния	7,5	33	59,5
Саудовская Аравия	3	63,6	33,4
Сингапур	0	26,6	73,4
США	0,9	19,7	79,4
Турция	9,2	24,7	66,5
Эстония	3,9	29,7	66,4
ЮАР	10,3	34	55,7
Япония	2	36	62

I – сельское и лесное хозяйство, рыболовство;

II – промышленность, в том числе горная, и строительство;

III – сфера услуг.

Необходимое и избыточное в экономике

Тенденция к возрастанию доли высокотехнологичной продукции, насыщенной информацией, в общем объеме производства наблюдается на протяжении всей истории человеческого хозяйства. Эта тенденция обуславливается как количественным ростом – ускоренным (в сравнении со средним по экономике темпом) увеличением предложения на рынке таких товаров, так и их качественным

усложнением – новая продукция (как замещающая аналогичные товары, так и принципиально новая) почти всегда, за редкими исключениями, превосходит по информационной насыщенности то, что продается на рынке к моменту ее появления. Научно-технический прогресс – генератор таких изменений. То, что сфера услуг становится доминирующим сектором в экономике не только развитых, но и развивающихся стран, в мировой экономике в целом, – проявление этого процесса на макроэкономическом уровне. Но служит ли научно-технический прогресс единственной причиной такого нарастающего доминирования?

Попытка ответить на этот вопрос приводит к анализу внутренней структуры самой сферы услуг. Прежде всего надо выделить производство услуг, направленных на удовлетворение материальных потребностей населения (розничная торговля, общественное питание, водоснабжение, теплоснабжение, общественный транспорт, бытовое обслуживание и т. п.), на поддержание его здоровья и на его общее и профессиональное образование. Объемы производства в этих направлениях сбалансированы с численностью населения, уровнем благосостояния и спросом на труд. Следующее направление – обслуживание первичного и индустриального секторов экономики, здесь производство сбалансировано с объемами основных фондов этих секторов и выпуска их продукции. Еще одно, традиционное, направление – производство деловой информации (научной, технической, проектной и регулятивно-управленческой).

Услуги, связанные с материальной стороной жизни человека, здравоохранением, образованием, функционированием отраслей материального производства, и производство деловой информации будем относить к *материальному* сегменту сферы услуг (название условное, за неимением лучшего). Кроме этого сегмента в сфере услуг остаются еще два – *финансовый* и *развлекательный*. Последний представлен индустрией досуга в широком понимании, включая не только кино, телевидение, радио, аудио- и видеозаписи, развлекательную печатную продукцию, концертную деятельность, но и туризм, весь коммерческий спорт, всевозможные диснейленды, фитнес-клубы, казино и т. д., а в значительной степени и ставшую бытовой информационно-вычислительную технику и средства связи – те, из разнообразных возможностей которых 99 % потребителей используют едва ли 10 %. Если бы такие услуги, пусть не полностью, но хотя бы в преобладающей своей части соответствовали минимальным требованиям качества, прежде всего приличного вкуса, содействовали бы гармоничному развитию человека, обеспечивали реальные вложения в человеческий капитал (в дополнение к системам образования, здравоохранения и пр.), то можно было бы сказать об услугах, направленных на удовлетворение духовных потребностей. Реальность же такова, что, используя модное сорное слово в его точном значении, приходится говорить о как бы удовлетворении духовных потребностей и удовлетворении как бы духовных потребностей. То же относится и к физическому развитию, которому коммерческий спорт в большей мере препятствует («замораживая» людей перед телевизором и собирая многотысячные толпы фанатов на стадионах отнюдь не для спортивных упражнений, с последующими уличными дебошами, возлияниями и т. п.), нежели содействует. И, в отличие от к материального сегмента сферы услуг, финансовый и развлекательный сегменты ни с чем разумным и полезным не сбалансированы, они ярко демонстрируют «намерение» неограниченно расти (хотя пределы и здесь, конечно, существуют). Их гипертрофированное развитие – обратная сторона процесса информатизации, который, наряду с несомненным прогрессом в различных областях жизни общества, приносит и негативные результаты, да

к тому же в таком количестве, что многие задаются вопросом: а не превышает ли этот вред реальную пользу?

Дело, конечно, не в том, каков здесь «окончательный» баланс позитива и негатива (сам вопрос явно принадлежит к числу некорректных). Однако нет сомнений, что среди существей, производимых либо «запускаемых» (в частности, финансовых деривативов) и выбрасываемых на рынок финансовым и развлекательным сегментами сферы услуг, немало таких, которые продаются и покупаются в количествах явно избыточных, если судить об этом, заботясь о сохранении общественного здоровья, стабилизации социальных процессов, духовном развитии человечества. К избыточным компонентам производимого продукта следует отнести также все, что используется для демонстрационного потребления и т. п. О пороках общества потребления написано достаточно много, но некоторые моменты все же необходимо отметить. При учете экономических последствий избыточного потребления нельзя ограничиваться конечными продуктами – для их выпуска необходим промежуточный продукт, большинство позиций номенклатуры которого нужны для производства не только избыточного, но и необходимого, тем более – полезного продукта. Начиная с составляющих избыточного конечного продукта, надо «вытянуть» технологические графы (двигаясь по ним вниз) производства всех полуфабрикатов, энергии и пр., требующихся для их производства. Такая процедура подобна определению в схемах межотраслевого баланса и методе «затраты – выпуск» косвенных затрат, в совокупности с прямыми образующих полные затраты всех рассматриваемых продуктов для производства данного продукта. Подобные расчеты в последние годы все чаще выполняются для определения водного «следа» и энергетического «следа», но в нашем случае надо говорить не о следе, а о нагрузке избыточного потребления на экономику – отдельных стран и всего мира.

Производство избыточного продукта оказалось в современной экономике автономизированной, самоподдерживающейся, самовозрастающей структурой. Она является порождением общества потребления и одновременно системообразующей структурой в нем. Финансовый и развлекательный сегменты не случайно оказались рядом. Кроме самого быстрого роста в сравнении с другими структурными подразделениями экономики развитых стран (а во многих случаях и развивающихся) им присущи и иные общие особенности.

Прежде всего эти сегменты сравнительно недавно вышли на значимые экономические позиции: в частности, во время Великой депрессии 1929–1934 гг. им не принадлежала сколько-нибудь существенная доля ВВП и они не принимались в расчет при разработке кейнсианских рецептов регулирования экономики. Конечно, в подобных рецептах активно использовались финансовые инструменты, более того, их развитию в качестве средств государственного регулирования весьма способствовала реализация кейнсианских программ. Но объектом применения финансовых инструментов была не финансовая система, а первичный и индустриальный секторы и материальный сегмент сферы услуг. Настаивая на необходимости государственного стимулирования внутреннего спроса, Дж. М. Кейнс [2012] заведомо не имел в виду спрос на вторичные ценные бумаги.

Именно финансовый и развлекательный сегменты сферы услуг оказались самыми быстрорастущими в экономике США с конца 1960-х гг. Они стали «локомотивом» американской экономики, стимулируя производство всех необходимых для них косвенных продуктов. Другие развитые страны, заметно отставая от лидера западного мира, были втянуты в соревнование на скорость роста этих сегментов.

Финансовая система и индустрия досуга сходны между собой и отличаются от других структурных подразделений экономики тем, что деньги здесь «делаются» очень быстро и относительно легко (естественно, о высоком искусстве речи не идет), часто почти без усилий. При этом высокая степень риска: в финансовой системе – больших потерь на сделках, в индустрии развлечений – утраты источника дохода (мода переменчива). Между рискованными деньгами и легкими деньгами очень высокая корреляция. Наоборот, предприниматели, зарабатывающие трудные деньги в традиционных секторах, редко склонны к риску и предпочитают оставаться в своей сфере деятельности (расширяя, изменяя ее, диверсифицируя производство, создавая вертикально интегрированные структуры, но не переходя в далекие, по сути, изолированные от нее сферы). Для рынка финансовых «виртуальностей» очень важно участие в них легких денег, а на ранних стадиях его развития оно необходимо, и, несомненно, существенным их источником для этого рынка была индустрия досуга.

Финансовые средства, образовавшись в каком-либо секторе экономики, лишь частично остаются в нем, распространяясь по всей социально-экономической системе. При этом избыточные финансовые средства, не востребованные для удовлетворения «нормальных» потребностей (при всей условности данного понятия и его зависимости от уровня развития экономики и множества других факторов) индивидов, обладающих этими средствами, стягиваются именно туда, где можно получить – пусть даже и с большим риском – легкие деньги, либо затрачиваются в сегменте индустрии досуга или на демонстрационное потребление в материальной сфере.

Избыточность потребления как феномен, характерный для верхушки правящих классов, проявлялась во все времена. Этот феномен всегда был существенным для развития экономики, выступал как один из стимулов научно-технического прогресса, прямо и косвенно влиял на многие социальные процессы, на выработку политики и т. п. Однако никогда ранее избыточное потребление не становилось и не могло стать фактором, значимым для созревания глобального финансового кризиса. Для исполнения такой роли избыточное потребление и, более общо, избыточность в экономике должна была стать массовым явлением. Начало этому процессу было положено в Великобритании еще в конце XIX в., когда впервые было осознано, что оптимальный с точки зрения капиталиста размер зарплаты рабочего – вовсе не минимальный, обеспечивающий воспроизводство рабочей силы, а тот, при котором достигается максимум отдачи от зарплаты. Конкретно, если дополнительный фунт стерлингов, выплачиваемый работнику, повышает производительность его труда настолько, что доход предпринимателя вследствие этого возрастает более чем на фунт стерлингов, то зарплату выгодно увеличить. Этот английский урок был быстро усвоен американским бизнесом и весьма способствовал тому небывалому экономическому росту, который происходил в США в первой четверти XX в. [Данилов-Данильян 2001].

Формирование широкомасштабного избыточного потребления – результат «восстания масс», естественно, не по марксистско-ленинским предписаниям, не как следствие классовой борьбы пролетариата, а в понимании Х. Ортеги-и-Гассета [2003]. Это результат того, что весьма значительная часть населения развитых капиталистических стран (в США – большинство уже к середине XX в.) получила в свое распоряжение немалые финансовые средства и ресурсы свободного (от работы и занятий домашним хозяйством) времени, не будучи подготовлена ни этически, ни культурно к тому, чтобы то и другое расходовать во благо

себе и обществу. Ортега-и-Гассет первым почувствовал и описал этот феномен (его «Восстание масс» опубликовано в 1930 г.). Эта часть населения и восстала против традиционной морали, традиционных представлений о культурных ценностях и предъявила спрос на субкультуру, на продукцию индустрии развлечений, на избыточную продукцию всех видов и разновидностей. Конечно, производителями этой продукции такой спрос не только поощрялся, но и инспирировался, воспитывался, навязывался; Г. Маркузе называл такие индуцированные, вмененные потребности «массового человека» *репрессивными* [Маркузе 2003], поскольку окружающая индивида социальная среда формируется таким образом, что у него, собственно, и выбора не остается, альтернатива только одна: жить так, как «положено» в обществе потребления (хотя в супермаркете или любом другом «храме» этого общества, казалось бы, ему предоставляется исключительно богатый выбор; но в том-то и дело, что это – видимость выбора, подлинный выбор уже сделан за «массового человека», и для самой системы общества потребления совершенно неважно, как этот потребитель потратит свои деньги в каком-либо подобном «храме», лишь бы ему не пришлось в голову искать другие возможности, за пределами системы «храмов»). В статье В. И. Лукьяненко с соавторами [Лукьяненко и др. 2009] для этого явления предложен удачный термин: *Ното Consumens – человек потребляющий*.

В западной пропаганде 1950–1970-х гг. слоган *американский образ жизни* встречался, пожалуй, даже чаще, чем слова *свобода, демократия и рыночная система*. Этот «образ жизни» предполагал благоденствие «массового человека» в условиях общества потребления, базирующегося на рыночной экономике. Обеспечив большинству своего населения высокий уровень благосостояния, развитая рыночная экономика ничего не сделала для возвышения человека. Наоборот, оказалась выгодной «промывка мозгов» посредством рекламы и иных PR-технологий, с тем чтобы упростить духовные потребности, низвести культуру до субкультуры. Стотысячный стадион дает несопоставимо больший доход, чем филармонический зал (большинство симфонических оркестров и вовсе не окупаются, существуют только благодаря спонсорской поддержке), а если на футбольном поле соорудить эстрадные подмости и заставить те же 100 000 человек хлопать в ладоши под самый примитивный ритм, отбиваемый попсовой группой, доход можно еще более увеличить. Вестернизация оказалась по преимуществу американизацией, ее главный социокультурный результат – разрушение национальных культурных традиций и субкультурное зомбирование людей, количество которых измеряется десятизначными числами, а экономический – создание колоссальной индустрии досуга.

Возможности регулирования избыточного потребления

Кейнсианские программы имели несомненный успех не только при восстановлении западного хозяйства после Великой депрессии: проблема существенного уменьшения амплитуды циклических колебаний экономики была решена практически на период в 70 с лишним лет. Даже глобальный энергетический кризис 1973–1974 гг. не расшатал мировую экономику, но содействовал структурной перестройке хозяйства развитых стран (в направлении повышения энергоэффективности и снижения экологоемкости). И хотя после этого цены на нефть взлетали до не предвиденных прогнозистами высот и падали до не предсказанного ими дна, это не приводило к глобальным финансовым кризисам. Поскольку кейнсианские программы базировались на отнюдь не либеральных принципах, о них почти пе-

рестали говорить в либеральном мире, как только спала (благодаря реализации именно этих программ) острота проблемы.

Однако к началу XXI в. ситуация радикально изменилась. Это было осознано, хотя далеко не всеми экономистами и политиками, лишь осенью 2008 г., когда развился глобальный финансовый кризис (его предвестием вполне можно считать события 1997–1998 гг.). Почему же не сработали проверенные кейнсианские методы регулирования экономического цикла? Потому что мировая экономика стала существенно иной, радикально изменилась структура ее реального сектора из-за чрезмерного роста финансового и развлекательного сегментов сферы услуг, из-за взрыва производства продукции для избыточного потребления. Благодаря этому характер кризиса оказался совсем иным, чем у кризисов перепроизводства, на подавление которых ориентированы кейнсианские методы. В мировой экономике с новой структурой созрел не классический для капитализма кризис перепроизводства, а кризис функциональной избыточности. Дело не в том, что в какой-то момент каких-то продуктов произвели больше, чем соответствовало общественной потребности. Дело в том, что новые сегменты сферы услуг (финансовый и развлекательный) расширились в мировом хозяйстве до таких масштабов, при которых они становятся для глобальной экономической системы постоянно действующим дестабилизирующим фактором. В отличие от кризисов перепроизводства кризис функциональной избыточности имеет не циклический, а перманентный характер – пока не будут найдены способы сдерживания производства избыточного продукта во всех его разновидностях и ипостасях.

Разрастание этой части рынка делает экономику неустойчивой в целом: **экономика общества потребления не может быть устойчивой**. Вместо ответа на реальные потребности человека, обеспечения возможностей его всестороннего развития современная экономика все больше занимается производством мнимостей. Это отвлекает колоссальные средства от решения позитивных задач, стоящих перед цивилизацией, прежде всего – нормализации взаимодействия экономики с окружающей средой (этот аспект убедительно исследуется в статье А. Н. Ильина [2013]), ликвидации бедности и нищеты, устранения неприемлемой дифференциации уровня благосостояния между странами и различными социальными группами в каждой стране, обеспечения достойного объема вложений в человеческий капитал во всех государствах мира. Для переориентации мировой экономики необходимы новые средства регулирования. Разумеется, одним только экономическим регулированием этой цели добиться невозможно, но оно – одна из необходимых мер.

Однако прежде чем перейти к обсуждению таких новых средств, необходимо отметить, что избыточность объема финансового и развлекательного сегментов сферы услуг – не единственная причина неустойчивости глобальной экономики. Это неудивительно: в столь сложных системах, что бы в них ни происходило, «единственных» причин не бывает. Естественно, мощное дестабилизирующее действие на мировую экономику могут оказать политические факторы, тем более крупные вооруженные конфликты. Примером политического фактора могут служить санкции, введенные США и Европейским союзом против России по поводу событий на Украине в 2014 г. В момент, когда пишутся эти строки (январь 2015 г.), слишком рано говорить о последствиях этой меры и ответных контрмер, но почти сразу после принятия решений о них стала очевидной неизбежность серьезного глобального экономического кризиса, если политика санкций пойдет слишком далеко, – а такую возможность приходится рассматривать всерьез не только как теоретическую, априори отрицать ее нельзя.

В том же злосчастном 2014 г. с силой, для многих неожиданной, проявился эффект монополии на мировом рынке нефти. Внутригосударственное антимонопольное законодательство восходит к позапрошлому столетию, а на глобальном уровне нет равносильных аналогов, в итоге ОПЕК во главе с Саудовской Аравией предприняла попытку обвалить мировые цены на нефть с целью устранения с глобального углеводородного рынка нового конкурента – США, которые начали использовать дорогие инновационные технологии гидроразрыва сланцевого пласта. В этом случае последствия также неоднозначны и в начале 2015 г. еще неясны, но вполне очевидно, что раскачать неустойчивую систему гораздо легче, чем стабильную, и итоги действий ОПЕК могут оказаться гораздо более серьезными, чем в 1973–1974 гг. Один из выводов, следующих из этих соображений, подтверждает тезис, на чисто теоретическом уровне достаточно понятный: в глобализовавшемся мире гораздо легче вызвать глобальный кризис, чем в предшествующие эпохи.

Но вернемся к обсуждению средств экономического регулирования для выравнивания структурных перекосов реального сектора современной экономики. В этом качестве, как представляется, могут быть использованы методы интернализации внешних эффектов, существенно модифицированные применительно к современной глобальной экономической ситуации.

Проблема косвенных последствий экономической деятельности (как негативных, так и позитивных) была замечена и проанализирована А. Пигу почти век назад [Пигу 1985]. Он назвал *экстерналиями*, или *внешними эффектами*, такие феномены, когда производственная деятельность одних экономических агентов приводит к побочным результатам, не регулируемым рынком, но существенным для других экономических агентов (физических лиц, предприятий, государственных и муниципальных структур, общества в целом). Причина возникновения экстерналий состоит в том, что производство прямо или косвенно использует факторы, оцениваемые рынком в недостаточной степени или вовсе не имеющие рыночной цены.

Классический пример экстерналии – загрязнение окружающей среды предприятием в условиях, когда никаких платежей за это загрязнение не предусмотрено. Пигу предлагал бороться с негативными экстерналиями с помощью *интернализации*, то есть введения таких механизмов (прежде всего корректирующего налога, теперь эту идею называют *принцип «загрязнитель платит»*), которые заставят рынок более адекватно оценить факторы, обуславливающие возникновение экстерналий. Если экстерналии, описанные Пигу, происходили из-за недооценки рынком каких-либо общественно значимых факторов, то в рассматриваемом нами случае имеет место противоположное: рынок оценивает результаты запуска и производства объектов избыточного потребления чрезмерно высоко, и это стимулирует неоправданное разрастание названных сегментов со всеми вытекающими отсюда негативными социальными и экономическими последствиями. Помимо повышения неустойчивости экономики к таким последствиям (на наш взгляд, даже еще более серьезным) нужно отнести пагубное воздействие на культуру и мораль современного человека, социально-экономическое поведение которого влечет деградацию среды его обитания, распад его генома и разрушение стабилизационных социальных механизмов. Все, что сказано сотнями авторов о тупикивом характере общества потребления, следует отнести и к имманентной этому обществу структуре его экономики. Это, конечно, отнюдь не означает стремления полностью искоренить индустрию развлечений или рынок

вторичных ценных бумаг, хотя призывы к подобным действиям время от времени раздаются. Здесь всего лишь предлагаются меры, которые простимулируют рынок к более адекватному оцениванию торгуемых на нем избыточных сущностей.

Как представляется, для экстерналий, обусловливаемых производством избыточных сущностей, выполнены условия эффективного применения идеи Пигу о корректирующем налоге. Высокий (относительно других видов деятельности) налог на доходы, получаемые в финансовом и развлекательном сегментах сферы услуг, приведет к повышению рисков для операций с виртуальными финансами и сокращению оборота на этом рынке, а в индустрии досуга – к повышению цен на ее услуги, и, следовательно, к падению спроса на них (за счет роста спроса на полезную для развития человека продукцию). В итоге объем деятельности в обоих сегментах снизится, а государство получит в свое распоряжение совсем не шуточные дополнительные финансовые средства. Конечно, это произойдет при условии, что сокращение базы других налогов, например на прибыль, окажется меньше суммы корректирующего налога, но именно такой исход представляется весьма вероятным, поскольку при росте цен на продукцию той же индустрии развлечений база налога на прибыль вряд ли уменьшится значительно, а может и возрасти. Впрочем, цель введения корректирующего налога – регулирующая, а не фискальная, поэтому даже при сокращении общих налоговых поступлений на эту меру необходимо пойти.

Рост доли информационной составляющей стоимости продукции и соответственно рост производства насыщенных информацией товаров и услуг будет продолжаться при любых обстоятельствах и приемлемых сценариях развития цивилизации. Важно добиться того, чтобы этот рост был обусловлен научно-техническим прогрессом, а не развитием избыточного потребления.

Литература

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М. : Academia, 1999.

Данилов-Данильян В. И. Интеллектуализация хозяйства: кто быстрее? (вступительная статья) / Ш. Тацуно // Стратегия – технополисы. М. : Прогресс, 1989.

Данилов-Данильян В. И. Сюрпризы прибавочной стоимости / В. И. Данилов-Данильян // Бегство к рынку: десять лет спустя. М. : МНЭПУ, 2001.

Ильин А. Н. Влияние культуры потребления на экологию // Век глобализации. 2013. № 2(12). С. 113–130.

Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М. : Гелиос АРВ, 2012.

Лукьяненко В. И., Хабаров М. В., Лукьяненко А. В. Homo Consumens – человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2(4). С. 149–159.

Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М. : АСТ; Ермак, 2003.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М. : АСТ, 2003.

Пигу А. Экономическая теория благосостояния: в 2 т. М. : Прогресс, 1985.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо, 2007.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Ильин И. В., Леонова О. Г.*

В статье проанализированы и обобщены результаты дискуссий и обсуждений известных ученых – специалистов по изучению глобализации, которые проходили в рамках Международных конгрессов по глобалистике, проводимых факультетом глобальных процессов МГУ, а также отражены в многочисленных его изданиях. Авторы уточняют определение и характеристику глобализационных политических процессов. Они прогнозируют тенденции, которые будут определять развитие глобализационных политических процессов в XXI в.

Ключевые слова: глобализация, политическая глобализация, глобализационные политические процессы, тенденции развития глобализационных политических процессов, глобальная политическая система.

The article analyzes and summarizes the results of the discussions of prominent scientists for the study of globalization, which took place in the framework of the International Congresses for Global Studies, conducted by the Faculty of Global Processes, and also reflected in numerous publications. The authors clarify the definition and characterization of global political processes. They forecast the trends that will determine the development of global political processes in the 21st century.

Keywords: globalization, political globalization, globalization political processes, the trends of development of globalization political processes, global political system.

Сегодня существует и обсуждается в мировом сообществе множество сценариев и вариантов будущего развития глобального мира.

В ситуации «глобальной неопределенности», характерной для современности, многочисленные зарубежные эксперты стараются вывить новые тенденции развития политической ситуации в глобальном мире XXI в., при этом не исключая возможности осуществления любого из прогнозируемых сценариев.

В России ученые также активно занимаются глобальным политическим прогнозированием, что отражено в материалах международных конгрессов по глобалистике, проводимых факультетом глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, а также в многочисленных его изданиях, в которых участвуют известные авторы – специалисты по изучению глобализации.

Анализ этих материалов, а также итоги дискуссий квалифицированных экспертов позволяют констатировать достижение очевидных результатов в анализе и прогнозе развития глобализационных политических процессов.

* Ильин Илья Вячеславович – д. п. н., профессор, декан факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, зав. кафедрой глобалистики факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: dekanat@fgp.msu.ru.

Леонова Ольга Георгиевна – д. п. н., доцент, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: politolga@gmail.com.

Однако, несмотря на множество работ и публикаций на тему путей развития глобализации, в них по-прежнему доминирует анализ экономического аспекта последней. Политический аспект глобализации пока обойден таким вниманием.

В последнее время становится все более очевидной недостаточная разработанность теоретико-методологической базы политической глобалистики. Сегодня еще недостаточно изучены: природа политической глобализации и ее последствия, *глобализационные политические процессы* (их генезис, природа, сущность, эволюция и последствия); национальные интересы страны в контексте глобального мира и др.

Многие из этих проблем являются предметом оживленных дискуссий.

Дискуссионными остаются *определения* не только глобализации как феномена развития современного мира, но и *политической глобализации* как частного ее аспекта.

Например, один из главных специалистов по глобализации А. Н. Чумаков приводит очень интересное и продуктивное для последующего анализа определение глобализации: это есть «отражение динамики социально-экономических и политических перемен в мировом масштабе» [Чумаков 2013: 29].

На основании данного подхода к пониманию феномена глобализации вообще можно уточнить, что *политическая глобализация* – это отражение динамики *политических* процессов в формирующейся глобальной политической системе.

В XXI в. в процессе перехода от биполярности к многополярности и от моноцентричности к полицентричности проявляются новые характеристики геополитического пространства глобального мира: повышение динамики мировых политических процессов; реконфигурация, фрагментация, иерархичность, изменение архитектуры глобального мира; формирование новых геополитических осей; блоковость, дисперсность и обострение соперничества формирующихся центров силы.

В XXI в., как считают многие эксперты, наиболее вероятным будет сценарий медленного движения к многополярному полицентричному миру.

Если в ближайшее десятилетие США будут вынуждены сосредоточить внимание, экономические, военные и дипломатические ресурсы, с одной стороны, на противостоянии с Россией, а с другой – на сдерживании радикального ислама, то это обеспечит возможность ряду государств, накопивших достаточно сил, претендовать на статус центра силы глобального мира.

Крупные державы в других регионах несомненно используют любую возможность, чтобы реализовать собственные стратегические цели, в том числе достижение большей степени политической автономии и контроля над стратегически важным для них геополитическим пространством.

У специалистов по глобалистике еще не сложилось единого мнения *о причинах глобализационных политических процессов*.

Глобализационные политические процессы – это процессы, протекающие в контексте политического аспекта глобализации, в результате которых происходит структурная трансформация мировой политической системы и появление новых глобальных политических акторов, увеличение политической взаимосвязи и взаимозависимости между ними, выстраивание глобальной политической архитектуры и иерархии.

По мере роста числа глобальных политических акторов и втягивания в глобализационные политические процессы все новых участников *мировая политическая система* постепенно эволюционирует в **глобальную политическую систему**.

Глобализационные политические процессы имеют *динамичный нелинейный характер* усиления и усложнения политической взаимозависимости между всеми элементами формирующейся глобальной политической системы.

Тенденции развития глобализационных политических процессов – это эффекты, связанные с их трансформацией, нелинейностью, частичными дисфункциями и бифуркациями политической системы глобального мира. В наше время происходит столкновение старых тенденций политического развития глобального мира образца XX в. с новыми тенденциями формирования полицентричного мира. Столкновение старых и новых тенденций и трансформация мировой политической системы в ее новое качество – систему глобальную и порождает новое содержание глобализационных политических процессов.

Современный мир является глобальным в экономическом, информационном, экологическом аспектах, но все еще остается фрагментарным в *политическом и социокультурном* отношении. Почти две сотни суверенных государств взаимодействуют друг с другом, имея определенные противоречия интересов и целей, вступая в конфликты или, наоборот, формируя коалиции и союзы. Весь спектр этих противоречивых взаимоотношений, от яростного противодействия друг другу до конвергенции, служит одной из причин глобализационных политических процессов.

В настоящее время все более актуальными и востребованными являются анализ и **прогноз тенденций развития глобализационных политических процессов**. Наиболее очевидными и значимыми тенденциями являются следующие [Чумаков 2013: 32].

1. «Глобальные состояния»

В формирующемся глобальном мире фиксируют некие «глобальные состояния тех или иных явлений и процессов», пишет А. Н. Чумаков [Там же].

Мы считаем, что «глобальные состояния» – это качественно новые состояния мировой политической системы, которая постепенно эволюционирует в глобальную политическую систему. Таким образом, эти новые «глобальные состояния» означают трансформацию системы международных отношений, изменение характера и содержания мировых связей и отношений, изменение геополитического статуса отдельных государств и глобальных акторов и т. д. Глобализация ведет к структурным изменениям в мировой политической системе и перестройке всей системы международных отношений.

Одним из примеров «глобальных состояний» мировой политической системы является взаимодействие глобализационных политических процессов разного уровня: глобального и регионального, глобального и локального, регионального и локального, которые происходят прежде всего в экономической сфере, информационной, экологической и в последнюю очередь – в политической.

Через их взаимодействие и взаимосвязь мир постепенно становится глобально-целостным.

2. Новая структура глобального мира

Глобальный мир XXI в. будет структурироваться по иным основаниям и принципам, начнет выстраиваться иная его иерархия, иные основания определяют геополитический статус глобальных акторов.

Иерархия глобального мира представлена следующими структурными элементами: центры силы, претенденты на статус центра силы, экономические, по-

литические, военные и цивилизационные полюса, глобальная держава, региональная держава. Данная иерархия структурных элементов, точнее борьба за место в ней, будет определять протекание глобальных политических процессов в мире и будущий сценарий его развития [Ильин, Леонова 2013].

Можно констатировать, что глобальный мир формируется не как сообщество равноправных наций, но как система подчинения, как жесткая иерархия государств и региональных политических систем.

С появлением новых экономических, военных и политических полюсов постепенно возникнет новая конфигурация глобального мира, которая в свою очередь будет характеризоваться «подвижностью структур мировой системы» и «изменчивостью правил» своего функционирования [Гринин 2013: 73].

Структуры глобального мира будут подвижными, а правила функционирования и принципы жизнедеятельности – изменчивыми. Основное значение будут иметь не правила, не международное право, а экономические и геополитические интересы глобальных акторов. Увеличение размаха глобализационных процессов, которые будут охватывать все большие и периферийные в глобализационном отношении территории, увеличение числа глобальных акторов (в число которых войдут крупные ТНК, НПО, террористические организации, криминальные синдикаты и т. п.) усилит данную тенденцию.

3. Изменение геополитического ландшафта

Следствием формирования новой структуры глобального мира станет изменение его геополитического ландшафта.

Одной из важных тенденций XXI в., как прогнозирует В. И. Сегуру-Зайцев, станет «континентальная, а затем и трансконтинентальная кристаллизация и консолидация мирового геополитического пространства», в котором сценарий движения к будущему будет происходить не в форме «столкновения цивилизаций», а в контексте естественной в рыночной среде «конкуренции цивилизаций». В. И. Сегуру-Зайцев считает, что «это будет иметь следствием переход от нынешнего волатильно-однополярного мира, – с одной главной валютой USD и одним международным языком: “глобальным” английским, – к суперкрупным взаимно конкурирующим пяти блокам: демократическая христианская Северная конфедерация на базе ЕС, России и США, Восточно-азиатско-китайский блок, арабо-мусульманский мир, Южно-азиатский индийский союз и Латинская Америка. Соответственно с не меньшим количеством валют и языков», – уточняет автор. Мы не будем комментировать прогнозируемый состав участников гипотетической «Северной конфедерации», памятуя о «подвижности структур мировой системы» глобального мира [Сегуру-Зайцев 2011: 186–187].

Наличие ядерного оружия может нивелировать различия в политическом весе между данными странами и блоками, или же, если таковое оружие у некоторых из них отсутствует, углубить иерархическую дистанцию между ними.

4. США остается центром силы глобального мира

Исходя из данного прогноза мы можем с большой долей уверенности предполагать, что США и в XXI в. останется центром силы глобального мира.

В последнее время много писали о заметном ослаблении гегемонии США, однако данные прогнозы оказались явно преждевременными. Прав был Л. Е. Гринин, который считает, что *«обычной смены лидера в мире не будет, на место США не придет столь же абсолютный фаворит»* (курсив наш. – Авт.). Он

считает, что «хотя США ослабят свои позиции, в новом мире никто не сможет стать абсолютным лидером». Пророческими выглядят его слова о том, что «сегодня Соединенные Штаты сосредотачивают в себе сразу политическое, военное, финансовое, валютное, экономическое, технологическое, идеологическое и даже культурное лидерство. Между тем в мире нет – и в обозримом будущем не предвидится появления – ни одной страны и даже группы государств, которые смогли бы соединить в себе несколько аспектов лидерства. Кроме того, ни Китай, ни Индия, ни кто-либо еще не сможет взвалить на себя столь тяжелое бремя ни по экономическим возможностям, ни по политическим рискам, <...> ни по причине отсутствия опыта и нужных союзов, а также идеологической слабости» [Гринин 2013: 65, 73].

Н. С. Розов также полагает, что «США, несмотря на все свои долги и многообразные трудности, обладают непревзойденным научным, образовательным, технологическим, военно-политическим потенциалом и поэтому еще долго будут сохранять глобальное лидерство» [Розов 2010: 90].

5. Десуверенизация Европы

Примечательной чертой формирующегося нового геополитического ландшафта, станет, по мнению исследователей Н. В. Осокиной и А. С. Суворова, «десуверенизация Европы».

«Происходит экономическая десуверенизация в Европе в результате реализации проекта европейской интеграции. Этот проект, задуманный как инструмент конкуренции Западной Европы с США и Японией, превратился в проект, управляемый Штатами в нужном им направлении». В результате «главные страны Западной Европы все больше превращаются в их вассалов» [Осокина, Суворов 2011: 184].

Но этим дело не ограничивается. События последнего времени, в том числе события на Украине, показывают, что происходит и процесс *политической* десуверенизации Европы. Учитывая же роль США в НАТО и их право решающего голоса в Североатлантическом альянсе, можно говорить и о процессе военно-стратегической десуверенизации Европейского союза.

Можно с уверенностью прогнозировать, что такая судьба ждет и другие зоны американского влияния в мире.

6. Поляризация модернизационных и геополитических стратегий

В глобальном мире намечается «*поляризация двух модернизационных и геополитических стратегий*» (термин А. С. Панарина). Он в свое время отмечал в «Дальневосточном регионе» альтернативность двух моделей: японской и китайской, атлантической и некоей «альтернативной».

Постепенно пространство Евразии раскалывается на достаточно пеструю по составу азиатско-тихоокеанскую систему, развивающуюся на основе стратегии атлантической западной модернизации (где лидерами являются США и Япония), и новую континентальную, находящуюся в поиске альтернативы (где лидирует Китай, но и вакансии для России пока открыта).

А. С. Панарин провидчески прогнозировал «новое геополитическое размежевание римленда и хартленда – Японии (которая осталась в рамках атлантической модели) и Запада, с одной стороны, Китая и России – с другой. Такое размежевание, по его мнению, станет «фактором *ускорения назревшей формационной поляризации*» [Панарин 2008: 62].

Сегодня такая поляризация формационных систем происходит не только в «Дальневосточном регионе», как назвал его А. С. Панарин, но и во всем глобальном мире, а в наиболее резкой, поляризированной форме – в Евразии.

7. Неустойчивость глобального мира и повышенная конфликтность

Глобальный мир в его политическом аспекте в силу динамики протекания глобализационных процессов будет характеризоваться сменой иерархических статусов глобальных акторов и неустойчивостью иерархической пирамиды в целом.

Прежние центры силы и полюса глобального мира будут уступать новым, более динамично развивающимся, напористым и имеющим очевидные конкурентные преимущества претендентам на данные статусы.

Усложнение глобализационных политических процессов имеет следствием повышение степени его неустойчивости.

Все большую роль приобретают субъективные факторы, и даже не личностные предпочтения политических лидеров, но степень их ангажированности, пассионарности в выполнении политического заказа, характер и методы их политического управления.

Эволюция международных отношений и глобальной политической системы будет характеризоваться все большей степенью неустойчивости и непредсказуемости, которая может только нарастать по мере формирования многополярной полицентричной системы глобального мира.

В этой системе будут отсутствовать общие «правила игры», принципы и нормы поведения глобальных акторов, а также институты и организации, которые могли бы эффективно регулировать и контролировать взаимодействие различных полюсов и центров силы глобального мира.

Анализируя модель полицентричности глобального мира, В. В. Шляпников приходит к выводу, что «многополярность сама по себе не гарантирует стабильности... Поддерживать баланс сил и стратегическую стабильность в XXI в. будет еще сложнее. В условиях, когда ООН и другие международные институты фактически малоэффективны, возникает перспектива многополярного хаоса» [Шляпников 2011: 204].

Повышенная конфликтность – тенденция, которая уже начала ярко заявлять о себе. Конфликтами, помимо традиционно проблемных территорий Африки, охвачены многие регионы глобального мира: Израиль и Палестина, Ирак, Ливия, Сирия, Украина и др.

Абсолютное большинство современных конфликтов связано с борьбой за распределение ограниченных ресурсов, в основном энергоносителей. Если в XX в. причиной многих конфликтов была борьба за доступ к нефти, то в XXI в. – конкуренция за доступ к территориям, перспективным для добычи сланцевого газа.

Борьба будет принимать формы «расчистки территорий» и зачистки «лишнего человеческого баланса», о которых так красноречиво писал А. С. Панарин в своей книге «Глобальное политическое прогнозирование».

8. Неэффективность международных структур

Международные структуры, такие как ООН, Европейский парламент, ОБСЕ, «Большая семерка» и «Большая двадцатка», Всемирный банк и Международный банк реконструкции и развития и т. д. демонстрируют неспособность адекватно реагировать на вызовы глобализационных политических процессов. Они создава-

лись в другое историческое время, были наделены иными функциями, не связанными с задачей контролирования и управления глобализационными политическими процессами. Поэтому неудивительно, что они оказались не готовыми и функционально не способными решать задачи, которые ставит перед ними глобальный мир.

Существующие международные институты и структуры, в прошлом доказавшие свою эффективность, с какого-то определенного момента времени, а точнее, с того, когда стало проявляться новое «глобальное состояние» и изменение формата международной политической системы, оказались весьма несовершенными инструментами.

Сегодня можно констатировать отставание международных институтов управления и контроля за развитием мировой политической системы от скорости, динамики и масштабов развития глобализационных политических процессов.

В дальнейшем, очевидно, возможна дальнейшая их деградация.

9. Трудности формирования механизмов глобального управления

Неэффективность международных институтов и структур свидетельствует о фактическом отсутствии механизмов управления формирующейся глобальной политической системой, о чем неоднократно писали российские и зарубежные авторы [Вебер 2009; Чумаков 2010; 2012; Дробот 2011; Урсул 2014; Martin 2003; Kiss 2014].

В отсутствие таких механизмов глобального управления и контроля над глобализационными политическими процессами наиболее эффективными субъектами глобального управления становятся центры силы глобального мира. В той части, в которой глобализационные политические процессы подвержены субъективному влиянию, их будут направлять и контролировать глобальные политические лидеры.

Мы можем согласиться с тезисом А. Н. Чумакова о том, что глобальный мир «со множеством тесно взаимосвязанных и в то же время активно противоборствующих субъектов, как и прежде, только лишь саморегулируется, да и то в основном стихийно, но абсолютно лишен какого бы то ни было управления...» [Чумаков 2013: 34].

Но мы согласны только с первой частью этого положения. Саморегулирование – признак свободы действий и права отстаивать свои национальные интересы. Однако эти свобода и право находятся сегодня под жестким контролем пока еще единственного центра силы глобального мира – США. В будущем глобальный мир может стать полицентричным, и в нем возникнут новые центры силы: в Азии, Латинской Америке, Евразии, может быть, в Африке. И тогда глобальное пространство будет делиться на сферы их интересов, а вместо глобального управления будут идти договорные процессы между центрами силы по поводу раздела сфер влияния и возможности их контролировать единолично.

Пока ясно, что глобальные центры силы будут устанавливать свои правила игры и нормы поведения, тестируя другие страны на степень лояльности к себе (как это делают сегодня США). Они будут диктовать свои правила до тех пор, пока не появятся конкуренты – новые претенденты на статус центра силы глобального мира. Согласно закону цикличности глобального политического развития, это рано или поздно произойдет и появятся новые центры силы уже со своими правилами игры, которое они будут навязывать другим акторам глобального мира, стоящим на более низкой ступени глобальной иерархии.

По мере роста противоречий на пике конкурентной борьбы между действующими центрами силы и претендентами на данный статус будут вестись войны. Для одних это будут войны с целью закрепить свой достигнутый статус в глобальной иерархии, для других – чтобы вытеснить конкурентов и занять освободившуюся нишу. Уже сегодня очевидно, что войны будут проходить в формате региональных конфликтов и не на территории соперников.

10. Новая блоковость. Эпоха новых коалиций

Наблюдаемый в глобальном мире феномен глобальной регионализации объективно ведет к формированию региональных систем и подсистем международных отношений [Леонова 2013].

Процесс зрелости этих региональных систем и подсистем будет неизбежно способствовать формированию на их основе экономических, политических и военно-стратегических блоков, союзов и коалиций.

Авторитетный исследователь Л. Е. Гринин отмечает интересную тенденцию. Он считает, что новый глобальный мир будет *«эпохой новых коалиций»*. «В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных наднациональных форм могут возникать различные и даже быстро меняющиеся промежуточные формы, когда игроки на мировой и региональных политических аренах будут искать наиболее выгодные и удобные блоки и соглашения. «...При этом могут выигрывать те, кто будет проводить наиболее активную политику по блокированию и вхождению в новые союзы, кто сможет обзавестись максимальным количеством партнеров в разных сферах. Влияние страны будет увеличиваться, условно говоря, путем “зарабатывания” очков за счет участия в тех или иных союзах и блоках» [Гринин 2013: 73, 74].

В условиях ожесточенной конкуренции за обладание дефицитными ресурсами *экономические* интересы государства будут во многом определять векторы внешней политики и станут приоритетными по сравнению с идеологическими целями.

В глобальном мире в условиях повышенной конфликтности будет возрастать неустойчивость глобальной политической системы. Вследствие этого геополитические и экономические интересы, на основании которых строятся коалиции и блоки, будут весьма динамичными, нестабильными, быстро меняющимися. Это будет отражаться на быстрой смене приоритетных векторов внешней политики, партнеров, союзников и врагов.

Таким образом, данную тенденцию можно назвать «новой блоковостью», историческим этапом, на котором будет существовать много неустойчивых и постоянно реформирующихся блоков, коалиций и союзов.

Однако это вовсе не означает раскола глобального мира и его дальнейшей фрагментации. Во многих регионах мира сегодня идут интенсивные интеграционные процессы, которые приводят к формированию крупных региональных систем. Мы уже писали о том, что помимо происходящих в нем «горячих» или латентных конфликтов, он все в большей степени принимает черты соревнования между региональными объединениями, каждое из которых возглавляет региональная держава (США, ЕС, Китай, Россия, Бразилия, Индия, ЮАР и т. д.) Государства, ранее нейтральные, оказываются втянутыми в сферу притяжения страны – регионального лидера или вынуждены делать выбор в пользу одного из конкурирующих блоков. Государства, обладающие значительными ресурсами: сырьевыми, энергетическими, стратегическими (в том числе занимающие выгодное

геополитическое положение), демографическими и т. д., оказываются в зоне внимания ведущих держав и становятся объектами конкуренции за сферу влияния на них путем включения в собственную региональную систему или соответствующий политический (экономический, военно-стратегический) блок [Ильин и др. 2013].

В последнее время наблюдается увеличение размеров этих блоков за счет привлечения новых членов или партнеров (в том числе стран-наблюдателей или так называемых ассоциированных членов), что ведет к увеличению контролируемого блоком геополитического пространства.

Так, например, АСЕАН была создана в 1967 г., и первоначально в Ассоциацию вошли пять стран (Индонезия, Таиланд, Филиппины, Малайзия, Сингапур). Затем в 1995 г. к ней присоединился Вьетнам, в 1997 г. – Лаос и Мьянма, чуть позднее – Камбоджа.

МЕРКОСУР был образован в 1991 г., и в него первоначально вошли четыре страны: Бразилия, Аргентина, Парагвай и Уругвай. В последующие годы к организации на правах ассоциированных членов присоединились Чили и Боливия (1996), затем Перу (2003), Эквадор и Колумбия (2005), а затем полноправным членом стала Венесуэла.

Продолжается процесс расширения Европейского союза. На очереди вступления в него стоят Черногория, Сербия, Босния и Герцеговина, Македония, Албания и т. д.

Предполагается и расширение Шанхайской организации сотрудничества, новыми членами которой станут Индия, Пакистан, возможно, Монголия.

Таким образом, глобальный мир XXI в. – это объективно существующий феномен, фрагментированный на крупные геополитические пространства – региональные системы, тесно взаимосвязанные и взаимозависимые. При этом экономическое, политическое и социокультурное взаимодействие между ними в дальнейшем будет динамично расти и развиваться.

11. Геополитический плюрализм

В глобальном мире нарастает геополитический плюрализм. Все усиливается дифференциация геополитических позиций и интересов регионов глобального мира: Латинской Америки, Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, Африки.

Россия в последнее время также наращивает свой «геополитический плюрализм»: она старалась актуализировать традиционно считавшиеся приоритетными отношения со странами Центральной Азии на постсоветском пространстве. Произошло упрочение связей и повышение динамики отношений РФ со странами Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона.

При этом в течение длительного времени европейский вектор внешней политики оставался для России наиболее важным и значимым.

В последнее время наше государство стало проявлять явный интерес к развитию партнерских отношений со странами Латинской Америки и Африки, что подалось как «возвращение» России на эти континенты.

После того, как стало ясно, что «перезагрузка» отношений России и США не совсем удалась, заговорили о смене геополитических кодов России и развороте ее политики на Восток, в первую очередь на прочные партнерские отношения с Китаем.

Активизация взаимодействия России со странами, не являвшимися ранее приоритетными векторами ее внешней политики, усиливает тенденцию к *гибкости и поливариантности* глобализационных политических процессов.

12. Трансформация национального суверенитета государства

Много дискуссий вызывает будущая судьба государства-нации в глобальном мире.

Л. Е. Гринин считает, что сокращение суверенитета национального государства неизбежно как прямое следствие создания новых блоков и коалиций, у многих из которых могут быть сформированы свои наднациональные органы управления.

Эти процессы приведут к «трансформации национального суверенитета, который в целом будет ослабевать за счет явного или неявного, вынужденного или добровольного делегирования части суверенных прерогатив различным межгосударственным, наднациональным и мировым образованиям и договоренностям», – пишет известный исследователь глобализационных процессов Л. Е. Гринин [2013: 74].

Существует также мнение, что в будущем может произойти снижение «степени суверенности независимых государств из-за мощи средств массового уничтожения, интеграции вооруженных сил Запада в военную организацию НАТО и фактической монополии США на управление ею. Во-вторых, США обеспечивают непосредственный военный контроль за территориями своих потенциальных конкурентов, размещая на них свои военные базы...» [Осокина, Суворов 2011: 184].

13. Конфликт между национальными интересами государства и глобализацией. Проблема реализации национальных интересов государства в глобальном мире

Однако этой тенденции – снижению степени суверенности независимых государств – противостоит другая тенденция глобализации XXI в.: **нарастающий конфликт между национальными интересами государства и глобализацией**, конфликт, который будет особенно острым в политической сфере. В конце XX в. казалось, что роль государства-нации начинает ослабевать по мере развития экономического аспекта глобализации, усиления экономической взаимозависимости стран, возрастания роли ТНК, складывания международных финансовых рынков, интернационализации капитала и бизнеса. Демонтаж государства-нации казался неизбежным и делом ближайшего будущего. Однако по мере передачи все большего числа функций государства на наднациональный уровень становилось все более очевидным, что есть ряд серьезных проблем, которые в рамках межгосударственных структур (ООН, ОБСЕ, Европарламент и т. д.) решить невозможно. Это вопросы и задачи, которые затрагивают национальные интересы той или иной страны и решение которых остается прерогативой именно национального государства.

Поэтому ожидаемого размывания или даже упадка государства пока не состоялось и оно вряд ли состоится в обозримом будущем. Похороны государства прошли преждевременно, и траурный марш прозвучал невпопад.

Убедительным доказательством является тенденция политического развития России в XXI в. Укрепление «властной вертикали» и другие политико-административные реформы в нашей стране привели к укреплению роли государства в экономической, политической и других сферах жизнедеятельности общества. Это

можно было бы считать феноменом России, если бы не убедительные примеры не только Китая, стран Юго-Восточной Азии, но и ряда успешно развивающихся государств постсоветского пространства.

Учитывая несостоявшийся пока тренд размывания государства, очевидно, исследователям следует пересмотреть некоторые свои прогнозы развития глобализационных политических процессов.

Остается предметом споров и размышлений *проблема национальных интересов государства в глобальном мире*.

Так, например, А. Н. Чумаков считает, что страны «проводят эгоистическую внешнюю политику, ориентируясь в первую очередь на свои национальные и сугубо личные интересы» [Чумаков 2013: 26]. Он характеризует попытки страны отстаивать свои интересы в формирующемся целостном глобальном мире, мире «единого человечества», где «в интересах устойчивого развития всего человечества на планете должны установиться не только общие для всех принципы и правила совместной жизни, но и общая ответственность за судьбу каждого человека», как проявление эгоизма [Там же].

Однако уже сегодня очевидно, что государства в ближайшем будущем не смогут отказаться от защиты своих национальных интересов ради будущего «единства человечества».

Поэтому национальный интерес является объективным ограничителем процесса политической глобализации. Это препятствие далее, возможно, будет устранено, но постепенно, по мере поиска баланса национальных интересов каждой страны и глобальной системы политической взаимозависимости и соподчиненности государств глобального мира.

14. Востребованность и конкурентоспособность авторитарных государств

Глобальный финансово-экономический кризис обнаружил еще одну любопытную тенденцию глобализации – востребованность и конкурентоспособность авторитарных государств.

В процессе всемирных экономических кризисов ряд государств, политическую систему которых принято именовать авторитарной, продемонстрировали свою экономическую и политическую эффективность и показали себя достойными конкурентами европейских демократических государств.

В XXI в. разворачивается своеобразное *соревнование между традиционными демократическими государствами, которые развивались в рамках либерально-демократической модели, и странами, чьи режимы принято называть авторитарными*. Сегодня после ряда глобальных финансово-экономических кризисов эти последние демонстрируют свою экономическую и политическую эффективность и являются достойными конкурентами демократических государств с либеральной экономикой.

Данная тенденция уже получила название «возвращение великих авторитарных держав» (имеется в виду в число ведущих глобальных акторов), а многие аналитики и эксперты во всем мире уже задаются вопросом, что эффективнее в условиях глобализации – диктатура или демократия.

Демократия на протяжении XX в., казалось бы, доказала свою эффективность. Но в веке XXI оказалось, что не только либерально-демократический путь развития является успешным. Перспективными и имеющими будущее в контексте глобальных трендов развития являются и авторитарные режимы, где государство играет доминирующую роль в экономике и политике.

В этой связи перед Россией, которую так и не приняли в «клуб» демократических государств с рыночной экономикой, открываются новые многообещающие перспективы.

15. Изменение роли периферии глобального мира и эффективная геополитическая стратегия развивающихся стран

В итоге развития процессов глобализации, особенно экономического ее аспекта, заметно ускорилось развитие периферии глобального мира. Очевидным становится факт перемещения полюса экономического роста и финансовых потоков в АТР, в страны, которые еще недавно считались периферией глобального мира.

Так, по темпам роста ВВП в 2013 г. лидировали Китай (7,7 %), Индонезия (5,8 %), Индия (5 %), Малайзия (4,7 %), Турция (4 %), Южная Корея (2,8 %), Бразилия (2,3 %), ЮАР (2 %).

Эти страны бывшей периферии становятся важным функциональным блоком миросистемы: они не только обеспечивают мировое хозяйство сырьем и промышленными товарами, но постепенно становятся инвесторами западных стран.

Рост экономического развития и экономического вклада стран глобальной периферии в мировое хозяйство влечет за собой повышение их политического «веса» в глобальной политической системе и статуса в иерархии глобального мира.

А. С. Панарин считал, что геополитическая стратегия развивающихся стран, в том числе ранее принадлежавших ко «второму миру» и оттесненных в ходе глобализации в «третий мир», будет представлять «геополитику развития», связанную с поиском путей роста и эффективных альтернатив тенденциям индустриализации. Данная стратегия будет формироваться скорее всего как антизападная.

По этому поводу А. С. Панарин пишет: «Вместо эпигонской концепции “догоняющего развития” они берут на вооружение концепцию “опережающего развития”, в рамках которой классическое индустриальное наследие рассматривается как помеха смелым инновационным скачкам», а их задача – «подобрать другие ключи к постиндустриальному будущему» [Панарин 2008: 45, 46, 63]

Рост роли экономик азиатских и других стран периферии, и, как следствие, увеличение их политического влияния приведет к тому, что новые правила, нормы и стандарты поведения западных стран в глобальном мире будут согласовываться с ними или даже, как бы фантастически это ни звучало, подстраиваться под диктуемый ими глобальный сценарий развития.

Вполне возможно, что многие политические стандарты и нормы политического развития глобального мира будут задавать уже не западные страны во главе с США.

Таким образом, среди центров силы глобального мира XXI в. будут представлены не только западная, но и другие цивилизации.

Динамичный рост экономик других незападных стран и как следствие повышение их политического влияния в глобальном мире может привести к складыванию зоны внеамериканского взаимодействия. Такие зоны внеамериканского взаимодействия и внеамериканского влияния могут сложиться уже в ближайшем будущем в регионе АТР, Латинской Америке и Северо-Восточной Азии.

Такие зоны неизбежно будут расти. Например, ШОС может служить примером зоны внеамериканского взаимодействия. В уставе этой организации был сформулирован запрет на вступление в ее состав стран, находящихся под санкциями других государств. Это препятствовало вступлению Ирана в ШОС. Сегодня

это требование теряет свой смысл, так как Россия сама находится под санкциями Евросоюза и США.

Расширение ШОС неизбежно и новые кандидатуры на вступление в организацию уже были озвучены на последнем ее саммите в Душанбе 12 сентября 2014 г. Возможное вступление в ШОС новых стран, тем более таких крупных и геополитически значимых, как Индия, Пакистан, Иран и т. д., приведет к расширению зон внеамериканского взаимодействия. А по мере расширения таких зон будет складываться тенденция новой биполярности (бицентричности) глобального мира.

Между такими зонами внеамериканского взаимодействия и развитыми странами Запада может возникнуть конкуренция идей, концепций и путей развития. Китай, страны Юго-Восточной Азии, Индокитая, Латинской Америки своими успехами наглядно демонстрируют, что поиск своего уникального пути в новый мир XXI в. не является утопией, но имеет хорошую перспективу успешной реализации.

Все это в конечном счете может привести к необходимости переписать сценарий будущей глобализации, автором которого до недавнего времени были Соединенные Штаты Америки.

16. Повышение роли уммы в глобализационных политических процессах. Превращение уммы в коллективного глобального актора

Д. В. Ефременко прогнозирует, что глобализация постепенно «приведет к завершению экономического, культурного и технологического преобладания европейской цивилизации, длившегося более пяти веков» [Ефременко 2009: 162].

Глобализационные политические процессы оказывают значительное влияние на многообразный и фрагментированный исламский мир, порождая тенденцию к укреплению его единства. Необходимость искать адекватные ответы на вызовы глобализации способствуют сплочению и своеобразному синтезу различных течений ислама, если не в религиозно-догматическом, то в социокультурном аспекте.

Можно подвергать сомнению прогноз о возможности создания «нового Халифата». Одно несомненно: развитие глобализации как формирующегося единства мировой системы и информационно-коммуникационных технологий становится фактором, способствующим формированию своеобразного «исламского интернационала», куда войдут десятки тысяч исламских финансовых, политических, культурных и духовно-просветительских организаций, объединенных общей идеологией, целями и видением глобальных проблем.

Постепенно умма превращается в некий квазиполитический блок (или коалицию) государств, активно противостоящий и противодействующий вестернизации и глобализации в ее западной варианте.

Поддержка многочисленных мусульманских диаспор, проживающих в странах Запада, исламских неправительственных организаций, общественных центров и т. п. может многократно усилить политические позиции и роль уммы в глобальном мире. В XXI в. умма станет влиятельным глобальным актором, который будет активно участвовать в написании сценария развития глобального мира и с мнением которой западным странам придется считаться.

В этой ситуации перед Россией возникают новые геополитические перспективы и задачи. Одна из них – поиск конструктивного политического взаимодействия с мусульманским миром.

Процесс разрушения многовековых нравственных традиций христианской и мусульманской цивилизаций, размывание нравственных норм и подмена этических идеалов достигли таких масштабов, что это стало поистине одной из важных

глобальных проблем человечества. Это вызывает тревогу и озабоченность не только у мусульман, но и у православных христиан, об этом много говорит и вносит свой вклад в решение данной проблемы Русская православная церковь.

Выход из нравственного тупика, в который идет человечество, могут предложить традиционные религии мировых цивилизаций.

«Наше православие, – пишет А. С. Панарин, – дает России серьезные шансы для установления творческих контактов с мусульманским типом духовности. Русская, православно-византийская по истокам культура является, как и исламская, преимущественно этикоцентричной... Именно на территории России произошел факт всемирно-исторического значения: появление цивилизационной и геополитической системы, являющейся продуктом совместного творчества христиан и мусульман. Нигде в мире столь устойчивых синтезов подобного типа не было достигнуто!» [Панарин 2008: 72].

Размышляя о проблемах, связанных с глобализационными политическими процессами, можно согласиться с известным ученым П. А. Цыганковым, который подчеркивает *искусственный и даже субъективный характер возникающих и набирающих силу тенденций развития глобального мира*.

«Объективные процессы и тенденции не только используются наиболее развитыми и сильными международными игроками для дальнейшего укрепления своих позиций, но и канализируются в наиболее выгодных им направлениях и даже формируются (“конструируются”) ими» [Цыганков 2011: 200].

Суммируя тенденции глобализационных политических процессов, можно сделать вывод о *вариативности глобального развития*. Потенциально оно содержит множество возможных направлений. Эта вариативность обеспечивается большим количеством разнохарактерных глобальных акторов, стремящихся реализовать свои экономические и геополитические интересы.

В глобальном мире постоянно возникают новые векторы развития, новые измерения, узловые проблемы и точки бифуркации. Глобальный мир – это постоянно меняющийся порядок, структура, иерархия, алгоритмы действий глобальных акторов, взаимоотношения между ними, ценности, идеалы, цели и перспективы развития.

В заключение хотелось бы напомнить многообещающий прогноз А. С. Панарина о том, что *«сохранение глобального цивилизационного и геополитического баланса между Востоком и Западом по-прежнему зависит от России*. Сильная Россия при любых перипетиях ее политики будет держать факел Просвещения в Евразии. Ослабление и тем более утрата России в качестве политического субъекта мирового класса открывают перспективу прямого столкновения западного, мусульманского и тихоокеанского миров в борьбе за передел ойкумены» [Панарин 2008: 77].

Литература

Вебер А. Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1(3). С. 3–15.

Гринин Л. Е. Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс) // Век глобализации. 2013. № 2. С. 63–78.

Дробот Г. А. Проблема глобального управления в контексте теории международных отношений // Век глобализации. 2011. № 2(8). С. 41–52.

Ефременко Д. В. Глобализация 2000+ и «кризис» государства-нации // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. Вып. 2 / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина. М. : МАКС Пресс, 2009. С. 158–166.

Ильин И. В., Леонова О. Г., Розанов А. С. Теория и практика политической глобалистики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013.

Леонова О. Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. 2013. № 1. С. 59–66.

Осокина Н. В., Суворов А. С. Миросистема в условиях глобализации // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления» / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина: в 2 т. М. : МАКС Пресс, 2011. Т. 1. С. 185.

Панарин А. С. В каком мире нам предстоит жить? // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина. М. : ФГП МГУ, 2008.

Розов Н. С. Глобальный кризис в контексте мегатенденций мирового развития и перспектив российской политики // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. Вып. 4 / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина. М. : МАКС Пресс, 2010. С. 87–107.

Сегуру-Зайцев В. И. Станут ли Медведев – Ван Ромпей – Обама новыми триумвирами XXI века? // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления» / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина: в 2 т. М. : МАКС Пресс. Т. 1. С. 186–187.

Урсул А. Д. Глобальное управление: эволюционные перспективы // Век глобализации. 2014. № 1(13). С. 16–27.

Цыганков П. А. Международные отношения и мировая политика в контексте глобализации // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления» / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина: в 2 т. М. : МАКС Пресс, 2011. Т. 1. С. 200–202.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2. С. 3–15.

Чумаков А. Н. Проблема управления как повод для дискуссии // Век глобализации. 2012. № 2. С. 32–42.

Чумаков А. Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации // Век глобализации. 2013. № 2. С. 23–37.

Шляпников В. В. Новая полицентричность и стабильность мировой системы // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления» / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина: в 2 т. М. : МАКС Пресс, 2011. Т. 1. С. 203–204.

Kiss E. Globalization at Macro-, Meso, and Micro- Levels // Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. Amsterdam/New York, NY, 2014.

Martin G. T. World Government // Global Studies Encyclopedia / Ed. by I. I. Mazour, A. N. Chumakov, W. C. Gay. M. : Raduga Publishers, 2003. Pp. 551–555.

РАЗВИТИЕ МИГРАЦИОННОЙ ТЕОРИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ивахнюк И. В.*

В статье рассматривается формирование теоретической базы исследования миграции населения в последней трети XX и начале XXI в. на фоне происходящих процессов глобализации. Глобализация подняла огромные волны миграции и принципиально изменила структуру миграционных потоков. В то же время глобалистика как научное объяснение современной глобализации предложила новые концептуальные схемы, которые оказались «вплетены» в миграционную теорию, делая особый акцент на складывающейся глобальной миграционной взаимозависимости стран. Особое внимание уделено существующим подходам в управлении миграцией, которые во многом направлены на ограничение миграционных потоков и тем самым по сути вступают в противоречие с глобализацией, основным принципом которой является открытость.

Ключевые слова: международная миграция, глобализация, миграционная теория, миграционная взаимозависимость, управление миграционными процессами.

The paper deals with conceptualization of migration in the last third of the 20th century and the beginning of the 21st century against the background of the modern globalization. Globalization has inspired huge waves of migration and has radically changed the structure of migration flows. At the same time, contemporary Global Studies have developed new concepts, which have been incorporated in migration theory resulting in particular focus on migration interdependence of the countries of the world. The author gives special attention to the existing migration governance approaches that are mainly aimed at restrictions on inflow of migrants. Therefore, they contradict openness as the primary paradigm of globalization.

Keywords: international migration, globalization, migration theory, migration interdependence, migration governance.

Миграция как объект изучения: системный анализ

Логика развития теории в социальных науках во многом следует за логикой развития самих социальных явлений. В полной мере это относится к миграционной теории. Усложнение структуры миграционных потоков, развитие временных видов миграции, расширение масштабов международной миграции населения, ее «вплетение» в глобализирующуюся систему мира, формирование устойчивых миграционных потоков между определенными странами – все эти явления ставили и ставят перед исследователями задачу их объяснения.

Миграция населения – это многомерное явление, причины и последствия ко-

* Ивахнюк Ирина Валентиновна – д. э. н., профессор, заместитель заведующего кафедрой народонаселения экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: ivakhnyuk@econ.msu.ru; irina.ivakhnyuk@gmail.com.

того должны рассматриваться на макро- и микроуровнях и только в контексте других социальных, экономических, демографических, политических процессов. Решение о миграции всегда (если только речь не идет о насильственных переселениях) принимается на микроуровне – на уровне индивида, семьи, домохозяйства. Однако на принятие этого решения оказывают воздействие многочисленные обстоятельства, в рамках которых действуют индивиды, семьи и домохозяйства. Аналогично последствия миграции не только сказываются на непосредственных участниках процесса передвижения, но и затрагивают все структуры, в которых они существовали до и после акта миграции, включая оставленный населенный пункт и страну, принимающее общество, государство назначения, а в определенном смысле и сложившиеся мирохозяйственные связи. Если миграции имеют массовый характер, эти взаимодействия проявляются особенно заметно. Они могут видоизменяться – уже под воздействием миграционных процессов – и стимулировать новые волны миграции. Теоретическое осмысление этой сложной системы взаимосвязей возможно только на основе системного подхода. Поэтому системный, комплексный подход является основным методологическим принципом изучения миграции.

В течение длительного времени в качестве центрального объекта миграционных концепций рассматривались причины миграции населения и трансформации ее видов и форм. В этом направлении успехи миграционной теории несомненны: предложены многочисленные теории макро- и микроуровня, объясняющие миграцию населения в целом и международную миграцию в частности на основании различных парадигм.

Замеченная способность миграции к «самовоспроизведению» благодаря формированию устойчивой системы взаимосвязей между факторами миграции и ее последствиями, которые, в свою очередь, становятся факторами для новых волн миграции, дала дополнительные стимулы для применения системного подхода в изучении миграции. Системный подход рассматривает миграцию населения в контексте социальных, экономических, демографических, политических и прочих реалий, существующих в тех конкретных пространствах, где происходят миграционные процессы, причем как в исходной, так и в конечной точке миграционного вектора.

Во избежание терминологической путаницы поясним, что под *системным подходом* мы понимаем направление методологии исследования, в основе которого лежит рассмотрение объекта как целостного множества элементов в совокупности отношений и связей между ними. Системный подход в изучении миграции основан на возможно более полном, всестороннем познании и учете связей, взаимодействий, изменений, происходящих в странах/районах/обществах/индивидуумах в связи с их участием в миграционных процессах.

Международная миграция населения исключительно многообразна по своим причинам, мотивам, стратегиям, формам, степени воздействия на общество и экономику, последствиям для самих мигрантов. В этом многообразии кроется основная трудность в изучении миграции. Исследователи, специализирующиеся в различных общественных дисциплинах, изучают миграцию населения с разных точек зрения, выдвигая свои концепции и теории. Но даже представители одного направления, скажем, экономического, по-разному раскрывают природу и механизм миграции, акцентируя внимание на различных исходных положениях. В результате их теории оказываются мало связанными друг с другом. Уже давно было замечено, что «невозможно достичь полного понимания современных миграци-

онных процессов, основываясь на инструментарии лишь одной науки или фокусируясь лишь на одном исследовательском уровне» [Massey *et al.* 1993]. То, что изучение миграции должно носить междисциплинарный характер, давно является общепризнанной истиной.

Фактически все существующие миграционные теории и концепции в той или иной мере базируются на применении системного анализа. Это предопределяется самой природой миграции населения, которая является многомерным явлением и закономерности которого могут быть поняты только при комплексном исследовании. В современном глобализирующемся мире, характеризующемся усилением трансграничных потоков товаров, капиталов, технологий и людей, возрастает роль взаимосвязей и взаимозависимости от этих потоков. Это не только придает системологии как методу познания более актуальное значение, но и делает ее единственным ключом к пониманию сути социальных процессов и выявлению их современных закономерностей.

Миграция и глобализация

Международная миграция и глобализация оказываются тесно связанными между собой процессами. Глобализация характеризуется установлением прочных экономических, информационных, политических, культурных и иных связей между государствами, и именно эти связи становятся определяющим компонентом их будущего развития. Важной формой этих связей являются миграционные потоки, то есть межгосударственные перемещения людей, вызываемые объективной неравномерностью мирового экономического развития, неравенством экономических условий и возможностей в разных странах, различной степенью их вовлеченности в процессы модернизации и глобализации, потребностями мирового рынка труда.

Интересно, что если в отношении глобализации экономики исследователи более или менее единодушно сходятся на том, что началом ее истории следует считать конец 1960-х гг., то в том, что касается демографического аспекта глобализации, единого мнения нет. С одной стороны, действительно, именно в 1960-е гг. революционное развитие систем транспорта и связи в мире стало условием «миграционного взрыва»; этому способствовал и рост потребности в иностранной рабочей силе в определенных регионах. Например, история послевоенной Европы тесно связана с формированием массовых миграционных потоков, направленных в западноевропейские страны из многих регионов мира. В то же время почему не считать началом глобализации населения открытие европейцами Америки, которое фактически соединило разрозненные части планеты в единое целое? В этом случае глобализация населения имеет совершенно конкретную точку отсчета, и дата ее начала может быть указана с точностью до одного дня – это 12 октября 1492 г., то есть тот день, когда Христофор Колумб высадился на берегах Нового Света. В контексте такого подхода именно глобализация населения явилась первой и наиболее важной формой мирового глобализационного процесса.

Если же подходить к пониманию глобализации как определенной стадии современного развития мира, налицо тесное переплетение тенденций либерализации потоков товаров и капиталов с тенденциями миграционного перемещения людей. При этом обе тенденции, имея подчас то разнонаправленное, то совпадающее географическое направление, дополняют друг друга, становятся условием и результатом друг друга. Миграция объективно превратилась в структурный элемент глобальной экономики, дополнив присущую глобализации взаимозависимость госу-

дарств новой формой взаимозависимости – миграционной [Ивахнюк 2011].

Без глобализации населения, когда все новые и новые массы людей вовлекались на рынки труда и потребительских товаров, когда благодаря миграционным потокам осваивались новые земли и природные ресурсы, когда, наконец, все большая часть мирового населения получала необходимые трудовые навыки и вовлекалась в ставшее планетарным общественное разделение труда, – без всего этого не возникла бы современная система производства, принципиальной чертой которой является открытость и взаимодополняемость.

С другой стороны, глобализация мировой экономической системы привела к кардинальным изменениям масштабов и структуры миграционных потоков. Это связано прежде всего с тем, что в результате процессов глобализации происходит формирование нового разделения труда, в котором мигранты играют важную роль, заполняя своим трудом целые экономические ниши в развитых странах [Население... 2002: 280]. В низовом секторе мирового рынка труда низкоквалифицированные мигранты, в том числе нелегальные, становятся важным элементом конкурентной борьбы как между мощными транснациональными корпорациями, так и между «аутсайдерами» мирового глобализационного процесса: мелкими предприятиями сферы производства и услуг. Одновременно трудовая миграция высших эшелонов менеджеров и специалистов, которая в условиях транснационального масштаба деятельности крупнейших мировых компаний практически не знает национальных границ, обеспечивает эти компании гибким и эффективным механизмом найма и управления производством.

Глобализация производственных процессов и распространение информационных и компьютерных технологий приводят к унификации требований к квалификации работников, стандартов управления трудом, к росту роли современных профессий, для которых национальная принадлежность теряет свое прежнее значение и географические границы перестают быть реальным ограничением при трудоустройстве [Solimano 2010].

Концептуализация международной миграции в эпоху глобализации

Большинство миграционных теорий, которые принято считать общепризнанными, «классическими», возникли на Западе, в частности в тех странах, которые в наибольшей степени испытывали и испытывают на себе воздействие процессов международной миграции. В США, Канаде, Австралии, европейских государствах накоплен большой опыт концептуализации международной миграции. Основоположником миграционной теории принято считать английского географа Э. Равенштейна, который в самом конце XIX в. сформулировал так называемые «законы миграции». Многие из подмеченных им закономерностей действительно сохраняют актуальность до настоящего времени. Наиболее актуально звучит положение о том, что в основе миграции лежат прежде всего экономические причины.

Целый ряд западных научных теорий считаются – во многом заслуженно – «классическими». На этих теориях в настоящее время строится большинство эмпирических исследований и основывается построение моделей государственного управления миграционными процессами.

Период активной концептуализации миграционных процессов в последней трети XX – начале XXI в. совпадает по времени с усилением научного внимания к процессам глобализации. Это не случайно. Глобализация объективно предполагает максимально широкий взгляд на объяснение причин и последствий складывающихся взаимосвязей между странами, в том числе миграционных. То, что

в XIX в. рассматривалось как результат формирования неких «внутренних» причин для миграции, в конце XX в. не может не рассматриваться с учетом развития институциональной, информационной, транспортной инфраструктуры, мирового рынка труда, масштабных неформальных социальных сетей – всего того, что создала глобализация.

К сожалению, развитие миграционной теории шло таким образом, что результат напоминает скорее набор слабо связанных между собой теорий, концепций и моделей, а не логическую последовательную теоретическую цепочку, каждое последующее звено которой представляет собой развитие и обогащение предыдущего. Это связано прежде всего с тем, что теоретическим осмыслением миграции населения занимались представители разных направлений науки – географы, экономисты, социологи, демографы, так что применявшиеся ими подходы и методология существенно различались. Кроме того, миграция представляет собой столь многообразное и подвижное, зависящее от множества обстоятельств явление, что ее всестороннее объяснение с помощью лишь одной научной теории, может быть, и невозможно в принципе. Трудность заключается в том, что человеческое поведение, которое лежит в основе миграционного движения населения, является результатом действия множества взаимосвязанных факторов. Каждый из этих факторов в отдельности может быть объектом изучения конкретных дисциплин, но только все они вместе как единая система, в которой действует человек, становятся предметом миграционной науки, ставящей задачу объяснения закономерностей миграции населения.

Накопленный исследовательский опыт в области международной миграции бесспорно ценен. Изучение и объяснение международной миграции прошло большой путь за относительно короткий период времени, главным образом в последней трети XX и начале XXI в. – именно тогда, когда миграция проявила себя многообразным и изменчивым явлением, когда происходило накопление эмпирического материала, оттачивались методы количественных и качественных оценок. Формирование глобальной взаимозависимости и осознание общей ответственности всех государств за происходящее на планете сказались на развитии миграционной теории в направлении преодоления стихийности миграционных процессов и поиска оптимальных подходов в управлении ими.

Неоклассическая теория. В рамках экономического направления в изучении миграции, несомненно, выделяется *неоклассический подход*, прежде всего по своему воздействию на формирование миграционных концепций и моделей. Основным положением неоклассической теории миграции является то, что причины миграционной подвижности населения заключаются в различиях в уровнях заработной платы между районами/странами происхождения и назначения мигрантов. Она зародилась в рамках более общей неоклассической экономической теории, объясняющей перемещение факторов производства, в том числе рабочей силы, существующим экономическим неравенством между странами. Миграция является инструментом, нивелирующим это неравенство, поэтому в миграционной литературе неоклассическая теория получила название «пространственно-экономического баланса» [Castles, Miller 2003: 22]. Имеется в виду, что по мере экономического роста и усиления эмиграции в странах выезда постепенно уменьшается разрыв в уровнях заработной платы и сокращаются стимулы для миграции. Бывшая страна – экспортер рабочей силы может превратиться в чистого импортера трудовых ресурсов. Примерами таких превращений в Европе являются Италия,

Португалия, Испания, Греция; в Азии – Сингапур, Малайзия, Гонконг, Тайвань, Южная Корея; в Южной Америке – Аргентина, Венесуэла, Чили.

На макроуровне неоклассическая теория объясняет миграцию как результат географических различий в соотношении спроса и предложения рабочей силы. Возникающая в результате разница в уровнях заработной платы стимулирует работников передвигаться из трудоизбыточных районов с низкой заработной платой в трудонедостаточные районы с более высокой заработной платой. Миграция обеспечивает приток рабочей силы туда, где ее не хватает, и отток оттуда, где наблюдается ее избыток. Одновременно происходит формирование финансовых потоков в обратном направлении. В неоклассической модели в результате миграции населения постепенно происходит выравнивание уровней заработной платы в принимающих странах и странах происхождения. В длительной перспективе это должно привести к устранению мотивации для миграции. На деле же происходит обратное: возрастает разрыв в уровне доходов населения разных стран и соответственно стимулы для миграции [Solimano 2010].

На микроуровне неоклассическая теория миграции представляет мигрантов как рациональных индивидов, которые принимают решение о миграции на основе сопоставления ожидаемых выгод и предполагаемых издержек (*cost-benefit approach*). Предполагается, что в условиях свободного выбора и доступности информации мигранты направляются туда, где они смогут в наибольшей степени проявить свои профессиональные навыки и соответственно заработать больше денег.

Изначально неоклассическая теория миграции применялась к объяснению внутренней миграции, прежде всего миграции из села в город. М. Тодаро и Дж. Харрис разработали логическую модель (модель Тодаро – Харриса), объясняющую, почему в развивающихся странах происходит движение сельского населения в городские центры, несмотря на растущую безработицу в городах [Harris, Todaro 1970]. Авторы предположили, что до тех пор, пока разница в уровнях заработной платы между районом назначения (городом) и районом выезда (сельская местность) остается достаточно значительной, чтобы «перевесить» риск остаться безработным, миграционный поток продолжается. Позже модель Тодаро – Харриса была уточнена и усовершенствована, что сделало ее более приближенной к реальности [Todaro, Maruszko 1987; Schiff 1994]. Усовершенствование заключалось в том, что в анализ, помимо безработицы, были включены другие факторы, которые влияют на принятие решения о миграции с точки зрения возможных издержек, например затраты на переезд и обустройство и «психологические издержки» миграции, связанные с разлукой с родными, разрывом с привычной социальной средой и т. д. [Bauer, Zimmermann 1998: 97].

Эти идеи оказались особенно применимы к международной миграции. Последующее развитие теорий микроуровня, в частности теории миграционных сетей, объяснило, почему наличие у мигрантов социальных связей в стране назначения так важно для снижения материальных и психологических издержек миграции. Позже идея сопоставления ожидаемых выгод и издержек получила широкое распространение в концепциях, объясняющих международную миграцию. Дж. Бордженс предложил идею «международного иммиграционного рынка», на котором потенциальные мигранты имеют выбор, куда поехать, сопоставляя выгоды и издержки в каждом конкретном случае [Borjas 1989; 1990]. Развитие региональных и глобального рынков труда дало, казалось бы, мигрантам большие возможности для такого выбора. Однако, забегая вперед, скажем, что в современных условиях если и говорить о «международном иммиграционном рынке», то не столько мигранты выбирают, куда им поехать, сколько развитые страны, став привередли-

выми «покупателями», проводят жесткий отбор мигрантов с помощью схем селективной иммиграционной политики.

Детальное развитие неоклассическая модель получила через *концепцию человеческого капитала*, в которой миграция рассматривается как инвестиционное решение. В соответствии с концепцией человеческого капитала причины миграции рассматриваются на микроуровне: каждый человек представляет собой результат инвестиций в его образование, квалификацию, здоровье и т. д. Таким же образом миграция может быть способом инвестиции в его «человеческий капитал», если выгоды от миграции превысят ее издержки [Becker 1962; Sjaastad 1962].

Наиболее важным методологическим результатом этого направления миграционной теории явилось то, что помимо агрегированных переменных рынка труда, таких как разница в уровне заработной платы и возможность трудоустройства, в анализ оказались включены внутренняя структура рынка труда, а также индивидуальные социально-экономические характеристики участвующих в миграции людей в качестве дифференцирующего фактора.

Большинство дальнейших модификаций неоклассической теории миграции стремились прежде всего к объяснению неравномерности вовлечения стран и индивидуумов в миграционные процессы. Так, в соответствии с *теорией сегментированного (двойного) рынка труда* международная трудовая миграция рассматривается как результат действия структурных факторов, в частности постоянного спроса на иностранную рабочую силу, характерного для экономически развитых стран [Portes 1995; Piore 1979]. Раздвоение рынков рабочей силы возникает, как правило, на постиндустриальных этапах экономического развития в богатых странах с рыночной экономикой. Если рабочие места в «первичном» капиталоемком секторе обеспечивают стабильную работу и высокую оплату труда для национальной рабочей силы, то «вторичный» трудоемкий сектор предлагает низкую оплату, отсутствие стабильности и скромные возможности профессионального роста, тем самым теряя привлекательность для национальной рабочей силы и порождая структурный спрос на рабочих-мигрантов. Важным достоинством теории двойного рынка труда является не столько констатация сегментации рынка труда в постиндустриальных странах, что само по себе достаточно очевидно, и даже не стимулируемые этой сегментацией миграционные потоки. Важно, как М. Пиор объяснил причины того, почему: 1) в развитых экономиках сохраняется наличие так называемых «3D» работ – низкооплачиваемых, грязных, опасных; 2) местные работники отвергают такого рода работы; 3) не получается перераспределить внутреннюю рабочую силу и привлечь к этим работам местных рабочих с помощью таких «стандартных» механизмов, как, например, повышение заработной платы или привлечение женщин и молодежи; 4) иностранные работники соглашались на эти работы. Именно теория сегментированного рынка труда впервые указала на то, что миграция рабочей силы является структурным элементом экономики развитых стран.

Однако теория сегментированного рынка труда, воплощая чисто экономический подход, оставляет без объяснения, почему различные развитые страны, характеризующиеся примерно одинаковой структурной организацией экономики, демонстрируют совершенно различные коэффициенты миграции, как, например, Дания и Норвегия, с одной стороны, и Швейцария и Канада – с другой.

Вызывает некоторое сомнение сама парадигма неоклассической теории в применении к современным миграционным процессам. Постулируемая тенденция

к выравниванию экономических факторов игнорирует существование структурной «недоразвитости» рыночных факторов, в частности недостаточное развитие рынков капиталов и страхования в менее развитых странах, что препятствует такому развитию их экономики, при котором доходы от миграции смогли бы сыграть предписываемую им неоклассической теорией выравнивающую роль. Кроме того, неоклассическая теория не принимает в расчет миграционную политику принимающих стран, которая действует как важный ограничивающий фактор.

Замечено, что некоторое повышение уровня дохода может выступить фактором, стимулирующим миграцию, поскольку большее количество людей посчитает для себя приемлемыми расходы и риски, связанные с миграцией. Таким образом, сокращение разрыва в уровне заработной платы между странами назначения и странами выезда может на самом деле привести к *увеличению* миграции, что находится в абсолютном противоречии с парадигмой неоклассической теории миграции.

Наконец, неоклассическая теория не в состоянии объяснить существующие в современном мире многочисленные миграционные потоки из одних развитых стран в другие развитые страны при отсутствии существенных различий в уровнях экономического развития между ними, то есть когда, казалось бы, не должно остаться стимулов для миграции. «Миграционные потоки не только не прекращаются или не уменьшаются в размере по мере сокращения экономического неравенства, но в действительности масштаб миграционного движения между странами с сопоставимыми экономическими, демографическими и социальными показателями может возрастать» [Kritz *et al.* 1992: 125]. Так, если классифицировать страны по индексу человеческого развития, рассчитываемому ООН, то миграции по глобальному вектору «Юг – Север» составляют 37 % от общего объема мировых миграций, в то время как миграции между странами глобального «Юга» составляют большую долю – 45 % [Bakewell 2009: 6].

Структурно-исторический подход. Принципиально иное толкование миграции предлагает *структурно-исторический подход*, корни которого можно найти в марксистской политической экономии, а наиболее полное отражение – в *теории мировых систем* [Petras 1981; Sassen 1998] и концепции *нового международного экономического порядка* [Bohning 1994]. Фактически структурно-исторический подход возник как антитеза неоклассической теории. Его приверженцы постулируют разделение мира на более развитые и менее развитые страны, которые имеют разный доступ к ресурсам развития, и капитализм, проникая в менее развитые страны и втягивая их в международные миграционные потоки, лишь усугубляет это неравенство. Вместо модернизации и постепенного экономического прогресса, о котором говорит неоклассическая теория, бедные страны оказываются в ловушке своего маргинального положения в глобальной геополитической структуре.

Активные исследования миграции в рамках структурно-исторического подхода велись в 1970-х и особенно в 1980-х гг. Международная миграция интерпретировалась как результат асимметричного развития в результате распространения капиталистических производственных отношений и как фактор, еще более способствующий неравенству [Massey *et al.* 1998: 36].

На этом же фоне появилась *концепция зависимого развития* [Frank 1972; Varan 1973], которая рассматривает международную миграцию не просто как нежелательное для экономики менее развитых стран явление, но как один из факторов закрепления отсталости и зависимости, а отнюдь не как ресурс экономического и социального развития. В соответствии с этой точкой зрения миграция разрушает

традиционные связи в сельских обществах, подрывает их экономику и насильственно «выталкивает» людей из традиционного хозяйства [Стокер 1996: 32–33].

Эта точка зрения во многом совпадает с позицией сторонника теории мировых систем И. Валлерстайна, который классифицирует страны по их положению в мировой экономической системе и разделяет их на центральные (*core*), полупериферийные (*semi-peripheral*), периферийные (*peripheral*) и изолированные страны, выпадающие из системы (*external*) [Wallerstein 1974; 1980]. В этой конструкции развитие капиталистических отношений в периферийных странах сопровождается миграционным оттоком из них «лишнего» населения. Фактически глобализация «подгоняет» движение миграционных потоков под изменяющиеся потребности мирового рынка труда. Люди втягиваются в миграционное движение потому, что традиционные структуры, в которых они существовали, оказываются разрушенными вследствие их включения в глобальную экономическую систему.

Излишняя жесткость конструкций, предлагаемых этим направлением, не оставляет места субъективным решениям людей, отводя им лишь роль пешек в игре макросил. Кроме того, версия исторической предопределенности глобального миропорядка была фактически опровергнута недавней «реструктуризацией» мировой системы, когда целый ряд бывших отсталых стран, откуда население массово выезжало в более «успешные» государства, достигли впечатляющего экономического прогресса, несмотря на их более глубокое структурное встраивание в мировую капиталистическую систему, а может быть, именно благодаря ему [Sen 1999]. Страны Южной Европы и «азиатские тигры» благодаря включению в процессы капиталистической глобализации, а возможно, и их активному участию в мировом рынке труда и международной миграции, попали в число передовых стран мира, несмотря на мрачные прогнозы, звучавшие еще несколько десятилетий тому назад [Parademetriou 1985]. Обратим внимание на то, что эти страны были и остаются активными участниками миграционных процессов и международная миграция играет важную роль в их современном экономическом развитии, притом что миграционные потоки, связывающие их с другими странами, стали более многообразными и разнонаправленными.

Исследователи все больше сходятся во мнении, что капитализм сам по себе едва ли можно обвинять в отсталости стран и регионов. Сдвиги, происходящие в мировой системе, обозначенной И. Валлерстайном, говорят скорее о том, что перспективы экономического развития стран в гораздо большей степени зависят от условий, в которых они происходят, в частности от того, как это развитие соотнобразуется с институциональными структурами, от того, в какой степени получила развитие межгосударственная интеграция в данном регионе, наконец, от того, какая выбрана экономическая стратегия. В зависимости от этих обстоятельств включение стран в мировую систему капитализма может иметь негативные или позитивные последствия для различных групп населения. Так, трудовая миграция не может интерпретироваться лишь как отчаянное бегство от бедности, и не только потому, что самые бедные, как правило, в добровольной миграции не участвуют, но также потому, что люди выбирают миграцию не только в качестве стратегии выживания, но также в качестве стратегии развития. И это развитие действительно происходит – через возвратные потоки денежных переводов, опыта, идей и людей (возвратная миграция).

Теория «притяжения-выталкивания». Как неоклассическая теория, так и структурно-исторические теории не объясняют, почему одни люди в определенной стране решаются на миграцию, а другие – нет и почему люди склонны

мигрировать преимущественно между определенными странами. Ответ на этот вопрос попыталась предложить теория «притяжения-выталкивания» (*push-pull*). Еще в середине 1960-х гг. Е. Ли, отталкиваясь от законов Равенштейна, создал новую теоретическую конструкцию, предположив, что человек принимает решение о миграции в зависимости от: 1) факторов, определяемых районом/страной выбытия; 2) факторов, определяемых районом/страной назначения; 3) так называемых «промежуточных обстоятельств» (расстояние, развитие транспортной сети, миграционная политика и т. д.). Е. Ли показал, что миграционные потоки между определенными пунктами/районами/странами происходят не только потому, что обстоятельства, воздействующие на миграцию, сильно локализованы, но также вследствие потока информации, который «возвращается» из стран назначения через уже уехавших мигрантов и воздействует на принятие решения о миграции последующих мигрантов. В результате этого информационного потока на двух полюсах миграционного вектора структурируется представление о притягивающих и выталкивающих факторах, которые определяют решение людей о миграции [Lee 1966]. Поскольку модель «притяжения-выталкивания» Е. Ли фокусируется на индивидуальном выборе и в конечном счете стремится к уравниванию «плюсов» и «минусов», она в определенной степени ассоциируется с неоклассической теорией на микроуровне.

В дальнейшем информационная глобализация подтвердила и усилила аргументы Е. Ли, поскольку передача информации из стран назначения в страны выезда от уже уехавших мигрантов, например о возможностях трудоустройства, приобрела невиданные прежде масштабы и скорость. В результате факторы притяжения стали стимулами к миграции для еще большего количества людей.

Модель «притяжения-выталкивания» завоевала исключительную популярность в миграционной литературе и стала фактически доминирующей миграционной теорией, быть может, в силу своей относительной простоты. Обычно выделяют две основные силы, которые формируют факторы притяжения и выталкивания, – демографический (для внутренней миграции здесь важно выталкивание населения из сельских районов вследствие аграрного перенаселения, а для международной миграции – демографическое старение и убыль населения в более развитых странах на фоне продолжающегося роста населения в развивающихся) и экономический (разница в заработной плате и возможностях занятости) [Skeldon 1997: 681].

На первый взгляд, модель «притяжения-выталкивания» представляется очень привлекательной, так как она «вбирает» в себя все (или почти все) факторы, которые имеют значение в процессе принятия решения о миграции. Впрочем, она вызывает противоречивые мнения. Одни предлагают ее в качестве универсальной миграционной теории [Bauer, Zimmermann 1998]. Другие не считают ее даже теорией, низводя до описательной модели, которую невозможно проверить эмпирически [Boswell 2002; De Haas 2008].

Важно, что теория «притяжения-выталкивания» действительно не разъясняет, почему одни и те же факторы притягивают одних и не притягивают других и соответственно выталкивают одних и не выталкивают других. Иными словами, она не принимает в расчет неоднородность и стратификацию общества в странах выезда, то есть социологическая составляющая формирования миграционных потоков остается вне этой концептуальной конструкции.

На первый взгляд, предположение о том, что люди мигрируют из стран/районов с более низкой заработной платой в районы с более высокой заработной платой

платой, кажется не лишенным логики. Но на индивидуальном уровне оно не всегда подтверждается. Состоится миграционное движение или нет, зависит не столько от притягательности места назначения, сколько от того, соответствуют ли индивидуальные характеристики потенциального мигранта (его квалификация, возраст, образование, здоровье и т. д.) потребностям принимающей страны, ее экономики и рынка труда. Структурные различия в экономике между различными странами могут объяснить, почему миграция подчас происходит из стран с более высоким *средним* уровнем заработной платы в более бедные страны. Скажем, специалисты в области нефтедобычи из США могут быть заинтересованы в трудовой миграции в Россию или Азербайджан, рассчитывая на получение там более высокой заработной платы в нефтяном секторе и дополнительный профессиональный опыт.

Более того, исследования показали, что корреляция между уровнем различий в заработной плате и интенсивностью миграции отнюдь не является линейной [Skeldon 1997; De Haas 2008].

Да и действие демографического давления в качестве выталкивающего фактора опровергается ставшим типичным для современности движением населения из менее населенных и экологически более благополучных районов в более населенные, скажем, крупнейшие «глобальные» города, такие как Нью-Йорк или Лондон, где экологическая обстановка неблагоприятна, но которые тем не менее предполагают лучшие экономические и социальные возможности (образование, работа, здравоохранение, предпринимательство, развлечения).

Наконец, теория «притяжения-выталкивания» никак не объясняет возвратную миграцию, а также ситуацию, когда страна одновременно выступает страной назначения и страной происхождения мигрантов, как это имеет место с Россией, да и не только с ней.

Все это доказывает ограниченность теории «притяжения-выталкивания» в объяснении многообразия современных миграционных процессов. Она представляет собой скорее *статическую* модель, которая указывает прежде всего на внешние факторы, вызывающие миграцию, но оказывается не в состоянии объяснить многообразие *процессов* миграции, тем более в контексте взаимосвязанных с ней других социальных процессов, формирующихся во многом под воздействием современной глобализации.

Новая экономическая теория миграции. Принципиально иной ответ на вопрос о том, как и почему принимается решение о миграции на микроуровне, предложила теория, получившая название «*новая экономическая теория миграции*». Оставаясь в целом на позициях неоклассической парадигмы, новая экономическая теория миграции ставит в центр миграционной конструкции не отдельного мигранта, а семью или домохозяйство. Решение о миграции принимается коллективно, членами семьи и является частью общей семейной стратегии [Stark 1991]. В таком контексте миграция одного (или нескольких) членов семьи рассматривается как способ не только максимизировать ожидаемый индивидуальный доход, но также минимизировать риски, связанные с ведением хозяйства [Massey *et al.* 1998]. При этом минимизация рисков может быть даже более сильным стимулом для участия в международной миграции, чем существование разницы в уровнях заработной платы. Один из членов семьи может быть направлен на работу в другую страну для того, чтобы занять место на рынке труда, не зависящим от конъюнктуры своей страны, и поддерживать семью денежными переводами [Stark, Bloom 1985]. Денежные переводы мигрантов, которые остались вне поля зрения неоклассической теории и структурно-исторических концепций, выведены

новой экономической теорией миграции на первый план [Taylor 1999; Stark 1991; Maimbo, Ratha 2005; Ozden, Schiff 2006].

Конструкция новой экономической теории миграции не в состоянии объяснить все формы и виды современного миграционного движения. Концентрируясь на экономических факторах миграции и удачно интерпретируя временную трудовую миграцию, она теряет смысл, если речь заходит о переселении всей семьи. Кроме того, она объясняет причины миграции односторонне, лишь с позиций «посылающей стороны», не затрагивая «принимающую сторону». Тем не менее в современных условиях очевидного возрастания внимания к потокам денежных переводов мигрантов, суммарный объем которых в глобальном масштабе достиг в 2013 г. почти 550 млрд долларов, и их роли в экономическом развитии стран происхождения, значение новой экономической теории миграции в объяснении механизма, а главное – последствий и перспектив международной трудовой миграции, трудно переоценить.

Концепция мобильного перехода. На макроуровне альтернативой статическому подходу, характерному для неоклассической теории и структурно-историческим концепциям, стала *концепция мобильного перехода*, разработанная В. Зелинским [Zelinsky 1971]. Зелинский уточняет и развивает теорию демографического перехода, включая в него, помимо изменений в уровнях рождаемости и смертности, также динамику территориальной мобильности населения. Согласно концепции Зелинского, каждому из обозначаемых им пяти этапов демографического перехода присущи определенные формы мобильности населения. Именно последовательное изменение этих форм он назвал мобильным переходом. Таким образом, по мере модернизации общества не просто возрастает общая территориальная мобильность населения, но характер миграционных процессов меняется по мере прохождения фаз перехода.

Новаторский подход Зелинского заключался прежде всего в том, что он уже тогда почувствовал роль глобализации в видоизменениях международной миграции и рассмотрел миграционные процессы в их структурной динамике и в связи с другими динамическими процессами, как демографическими, так и социально-экономическими: экономическим ростом, развитием транспорта, формированием новых каналов передачи информации, увеличением (или сокращением) экономических возможностей, ростом благосостояния населения как условием формирования миграционных намерений. Предложенная им модель имеет четко выраженный пространственно-временной характер [Ионцев 1999]. Концепция мобильного перехода стала методологической основой для многих более поздних исследований взаимосвязи миграции и социально-экономического развития в условиях глобализации [Okolski 1999; Olesen 2002; Nayyar 2000; Solimano 2010].

Построив свою концепцию на основании опыта европейских стран, Зелинский попытался придать ей универсальный характер, предполагая, что все страны обязательно должны пройти аналогичный путь. Претензия на универсальность оказалась одновременно и сильной, и слабой стороной концепции мобильного перехода. Зелинский не раскрывает причинно-следственной связи между демографическими изменениями и изменениями форм территориальной мобильности населения. В то же время представляется, что эта связь носит не прямой, а опосредованный характер, то есть в результате включения экономических, социальных, политических и других факторов. Люди не мигрируют лишь только потому, что численность населения быстро растет. Если рост населения сочетается с высокими темпами экономического роста, как это имеет место, например, в странах Персидского залива, большинство жителей не проявляют склонности к миграции. В то же время в странах с очень низкими темпами роста населения и даже при

отрицательном естественном приросте может наблюдаться значительный отток населения при неблагоприятных экономических и политических условиях, как это имеет место в России, Украине, Польше и т. д.

Критики Зелинского обращают внимание на то, что низкая миграционная активность в традиционных обществах – это не более чем весьма популярное в западной литературе заблуждение, которое опровергнуто результатами многих исследований по Европе, Японии и современным развивающимся странам, доказывающими, что в «традиционных» крестьянских обществах может наблюдаться весьма высокая мобильность населения [Skeldon 1997; Rubenstein 1992; De Haas 2005].

Впрочем, эти критические замечания нисколько не умаляют ценности основной идеи Зелинского о наличии фундаментальной связи между определенными формами миграции населения, с одной стороны, и процессами социально-экономического и демографического развития – с другой. Несомненно, этот подход более отвечает реальности и – что важно! – может быть эмпирически доказан, в отличие от рассмотренных выше теорий структурно-исторического направления или, скажем, теории «притяжения-выталкивания».

Р. Скелдон развил и усовершенствовал теорию Зелинского, разработав глобальную схему «регионализации миграции». Указывая на существование взаимосвязи между уровнем экономического развития, политической структурой и формами мобильности населения, Р. Скелдон выделяет следующие пять групп регионов, которые в разной степени вовлечены в мировые миграционные потоки: 1) «старые» и 2) «новые» регионы «мирового центра» (*core*) (Западная Европа, Северная Америка, Япония), характеризующиеся высокой иммиграцией; 3) прилегающие к мировому центру регионы (*expanding core*) (Восточный Китай, Южная Африка, Восточная Европа), где наблюдается одновременно иммиграция и эмиграция населения; 4) зона трудовой эмиграции (*labour frontier*) (Северная Африка, Турция, Мексика, Филиппины и до недавнего времени Южная Европа), откуда происходят потоки трудовых мигрантов; 5) так называемая «ресурсная ниша» (*“resource niche”*) (отдельные районы Тропической Африки, Центральной Азии** и Латинской Америки), где миграционные потоки пока менее четко очерчены (Skeldon 1997: 52–53). В определенной степени в этой схеме угадывается теория мировых систем и классификация И. Валлерстайна, однако Р. Скелдон смещает фокус непосредственно на международную миграцию.

Дальнейшее развитие и детализацию теории мобильного перехода получила в работах Ф. Мартина и Дж. Тейлора, которые с экономической точки зрения разъяснили анатомию так называемого «миграционного горба», опираясь на заложенную Зелинским парадигму «миграция – развитие». Имеется в виду временное увеличение масштаба миграции, которое обычно проходят страны по ходу их экономического развития и которое на графике получает форму перевернутой буквы U, то есть напоминает горб (Martin, Taylor 1996). На ранних стадиях развития некоторый рост доходов приводит к росту миграции, поскольку необходимо наличие средств для того, чтобы люди смогли реально оценить, справятся ли они с расходами и рисками, связанными с участием в миграции. По мере роста благосостояния и возникновения миграционных сетей все большая часть населения втягивается в миграционные процессы. На более «зрелых» стадиях развития отток населения сокращается, и страны, прежде экспортировавшие свои трудовые ресур-

** За время, прошедшее после публикации данной классификации Р. Скелдона, государства постсоветской Центральной Азии более четко определили свою роль в международных миграционных потоках, став странами происхождения миллионов трудовых мигрантов и попав в зону 4 по вышеуказанной классификации.

сы, превращаются в импортеров рабочей силы (см., например: Bohning 1994; Olesen 2002; Martin, Taylor 1996). Именно это произошло в последние десятилетия с целым рядом государств в Южной Европе и Восточной Азии: Испанией, Италией, Грецией, Малайзией, Тайванем, Южной Кореей, а также Ирландией и Чили.

В соответствии с моделями мобильного перехода Зелинского и Мартина – Тейлора различные формы и виды миграции претерпевают изменения по мере развития общества. При этом под «развитием» понимается не только прохождение стадий демографического перехода и экономический прогресс, но также развитие транспортной инфраструктуры, средств связи, образования, доступ к информации, то есть все то, что включается в современное понимание глобализации и воздействует на повышение намерений и возможностей людей менять место или страну проживания, временно или постоянно. Поначалу такое «развитие» в широком смысле слова увеличивает внутреннюю миграцию, а вслед за тем и международную. В более длительной перспективе происходит сокращение масштаба как внутренней миграции из села в город, так и оттока населения в другие страны и – что даже более важно – диверсификация миграционных потоков и усиление роли миграционного притока, так что миграция продолжает играть важную роль и в наиболее развитых обществах.

Объяснять миграцию лишь динамикой демографических и экономических факторов было бы явным упрощением. Опыт показывает, что в странах с примерно одинаковыми темпами демографического роста и уровнем экономического развития происходят подчас совершенно различные миграционные процессы. Масштабы и направления миграции определяются взаимодействием множества переменных, таких как местоположение страны, ее место в системе мирового хозяйства, распределение доходов, безработица, развитие системы образования, характер политического режима, уровень безопасности жизни, экологическое (не)благополучие, наличие исторических политических и культурных связей с другими государствами, иммиграционная политика и т. д. Взятые вместе, эти факторы формируют склонность и возможности людей к миграции. То, насколько проявятся характеристики мобильности населения на разных фазах мобильного перехода Зелинского, во многом определяется взаимодействием всех этих факторов.

Особая заслуга концепции мобильного перехода и рассмотренных развивших ее моделей заключается в том, что они выявили существование сложных и меняющихся во времени связей между миграцией населения и развитием общества, что позволило отказаться от таких банальных, но укрепившихся в сознании идей, как «миграция порождается бедностью». Однако, концентрируясь полностью на том, как видоизменяет миграцию процесс развития, эти модели практически оставляют в стороне обратное, то есть воздействие миграции на процессы развития, причем как в странах, принимающих мигрантов, так и в странах происхождения.

(Продолжение в следующем номере)

Литература

Ивахнюк И. В. Международная миграция как ресурс развития (замечания в связи с глобальной дискуссией) // Век глобализации. 2011. № 1. С. 67–79.

Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М. : Диалог-МГУ, 1999.

Стокер П. Работа иностранцев: Обзор международной миграции рабочей силы. М. : Academia, 1996.

Население и глобализация / под ред. Н. М. Римашевской. М. : Наука, 2002.

- Bakewell O. 2009. South-South Migration and Human Development: Reflections on African Experiences. Human Development Research Paper 07. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdrp_2009_07.pdf.
- Baran P. On the Political Economy of Backwardness // *The Political Economy of Development and Underdevelopment* / Ed. by C. K. Wilber. New York : Random House, 1973. Pp. 82–93.
- Bauer T., Zimmermann K. Causes of International Migration: A Survey // *Crossing Borders: Regional and Urban Perspectives on International Migration* / Ed. by P. Gorter, P. Nijkamp, J. Poot. Aldershot : Ashgate, 1998. Pp. 95–127.
- Becker G. S. Investments in Human Capital: A Theoretical Analysis // *Journal of Political Economy*. 1962. No. 70. Pp. 9–49.
- Bohning W. R. Helping Migrants to Stay at Home // *American Academic Political & Social Science*. 1994. No. 534. Pp. 165–177.
- Borjas G. Economic Theory and International Migration // *International Migration Review*. 1989. No. 23. Pp. 457–485.
- Borjas G. Friends or Strangers. The Impact of Immigrants in the US Economy. New York : Basic Books, 1990.
- Boswell C. Addressing the Causes of Migratory and Refugee Movements: the Role of the European Union. UNHCR: New Issues in Refugee Research, Working Paper. 2002. No. 73.
- Castles S., Miller M. J. The Age of Migration. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London : MacMillan Press Ltd., 2003.
- De Haas H. International Migration, Remittances and Development: Myths and Facts // *Third World Quarterly*. 2005. No. 26. Pp. 1269–1284.
- De Haas H. Migration and Development: a Theoretical Perspective. International Migration Institute Working papers. Oxford : University of Oxford Press, 2008.
- Frank A. G. The Development of Underdevelopment // *Dependence and Underdevelopment* / Ed. by J. D. Cockcroft, A. G. Frank, D. Johnson. New York : Anchor Books, 1972.
- Harris J. R., Todaro M. P. Migration, Unemployment and Development: A Two-sector Analysis // *American Economic Review*. 1970. No. 60. Pp. 126–142.
- Kritz M., Lin Lean Lim, Zlotnik H. (eds.) *International Migration Systems. A Global Approach*. Oxford : Clarendon Press, 1992.
- Lee E. S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. No. 3. Pp. 47–57.
- Maimbo S. M., Ratha D. (eds.) *Remittances: Development Impact and Future Prospects*. N. p. : World Bank, 2005.
- Martin P. L., Taylor J. E. The Anatomy of a Migration Hump // *Development Strategy, Employment and Migration: Insights from Models* / Ed. by J. E. Taylor. Paris : OECD, 1996. Pp. 43–62.
- Massey D., Arago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // *Population and Development Review*. 1993. No. 19. Pp. 431–466.
- Massey D., Arago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Oxford : Oxford University Press, 1998.
- Nayyar D. *Cross-Border Movements of People*. Helsinki : The United Nations University, World Institute for Development Economics Research, 2000.

Okolski M. Migration Pressures on Europe // *European Population: Unity in Diversity* / Ed. by D. van de Kaa, H. Leridon, G. Gesano, M. Okolski. Dordrecht, Boston, London : Kluwer Academic Publishers, 1999.

Olesen H. Migration, Return and Development: An Institutional Perspective // *International Migration*. 2002. No. 40. Pp. 125–150.

Ozden C., Schiff M. (eds.) *International Migration, Remittances, and the Brain Drain* // Washington, DC : The World Bank & Palgrave Macmillan, 2006.

Papademetriou D. G. Illusions and Reality in International Migration: Migration and Development in Post World War II Greece // *International Migration*. 1985. Vol. XXIII. Pp. 211–223.

Petras E. The Global Labour Market in the Modern Economy // *Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movements* / Ed. by M. Kritiz, C. Keely, S. M. Tomasi. New York : Center for Migration Studies, 1981.

Piore M. J. *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Society*. Cambridge : Cambridge University Press, 1979.

Portes A. *The Economic Sociology of Immigration*. New York : Russell Sage, 1995.

Rubenstein H. Migration, Development and Remittances in Rural Mexico // *International Migration*. 1992. No. 30.

Sassen S. *Globalization and its Discontents*. New York : The New Press, 1998.

Schiff M. *How Trade, Aid and Remittances Affect International Migration*. Washington, D.C. : World Bank, International Economics Department, 1994.

Sen A. *Development as Freedom*. New York : Anchor Books, 1999.

Sjaastad A. H. The Costs and Returns of Human Migration // *Journal of Political Economy*. 1962. No. 70. Pp. 80–93.

Skeldon R. *Migration and Development: A Global Perspective*. Essex : Longman, 1997.

Solimano A. *International Migration in the Age of Crisis and Globalization: Historical and Recent Experiences*. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.

Stark O. *The Migration of Labor*. Cambridge; Oxford Basil Blackwell, 1991.

Stark O., Bloom D. E. The New Economics of Labor Migration // *American Economic Review*. 1985. No. 75. Pp. 173–178.

Taylor J. E. The New Economics of Labour Migration and the Role of Remittances in the Migration Process // *International Migration*. 1999. No. 37. Pp. 63–88.

Todaro M. P. A Model of Labour Migration and Rural Unemployment in Less-developed Countries // *American Economic Review*. 1969. No. 59. Pp. 138–148.

Todaro M. P., Maruszko L. Illegal Migration and US Immigration Reform: A Conceptual Framework // *Population and Development Review*. 1987. No. 13. Pp. 102–114.

Wallerstein I. *The Modern World System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century*. New York : Academic Press, 1974.

Wallerstein I. *The Modern World System I. Mercantilism and the Consolidation of the European World Economy, 1600–1750*. New York : Academic Press, 1980.

Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // *Geographical Review*. 1971. No. 61. Pp. 219–249.

ЧТО МЫ ИЗУЧАЕМ, ИЗУЧАЯ МИР?*

Камуселла Т.**

Автор размышляет над «материальной тонкостью» оболочки человеческой социальной реальности по сравнению с огромностью наблюдаемой Вселенной. Он также проводит различие между биосферой как пространством на поверхности Земли, где может существовать жизнь на основе ДНК, с одной стороны, и социальной реальностью (семиосферой) – с другой; последняя производится исключительно человеком в ходе социального использования языка. На данной основе автор предполагает, что хотя большинство естественных наук имеют дело с материальной реальностью как таковой, общественные и гуманитарные науки ограничиваются человеческой семиосферой. Осознание этого факта представляется важным, чтобы направить многие человеческие устремления в правильную сторону.

Ключевые слова: биосфера, Земля, энтропия, гуманитарные науки, материальная реальность, естественные науки, исследование, семиосфера, социальная реальность, общественные науки.

The paper reflects on the “material thinness” of the framework of the human social reality in comparison to the enormousness of the observable universe. The author distinguishes between the biosphere as a space on Earth's surface where DNA-based life thrives, on the one hand, and the social reality (semiosphere), on the other; the latter is generated solely by humans and their social use of language. On this basis the author supposes that while most natural sciences deal with the entire material reality, the purview of the social sciences and the humanities is limited to the human semiosphere only. A conscious realization of the fact appears to put a lot of human pursuits in a better perspective.

Keywords: biosphere, Earth, entropy, humanities, material reality, natural sciences, research, semiosphere, social reality, social sciences.

Конец различных миров

Осенью 2012 г., обескураженный наплывом студенческих рефератов и административными обязанностями, неумолимо копившимися виртуальной грудой в моем компьютере, я взял в университетской библиотеке фильм, чтобы тихим вечером посмотреть с женой. Это была «Меланхолия» Ларса фон Триера (2011), поразительно красивый фильм с кинематографической точки зрения, хотя и противоположенный при депрессии.

Удивительно, но приглушенная и взвешенная манера повествования этого фильма, просматривающаяся в начальном произвольном чередовании внешне не

* Благодарю Джеймсу Плоскарну, Катерину Гибсон и Скотта Шорра за предложения по улучшению этой статьи. Разумеется, только я один несу ответственность за все сохранившиеся погрешности.

** Томаш Камуселла – доктор наук, доцент университета Св. Андрея, Шотландия. E-mail: tdk2@st-andrews.ac.uk.

связанных друг с другом образов, возвещающих конец, последние минуты человеческого мира, интеллектуально меня воодушевила.

Действие происходит в европейском замке американского бизнесмена-нубориша. Он проводит пышную, но с плохим концом свадебную вечеринку для своей свояченицы. Планета-близнец Земли, Меланхолия, ранее скрытая на другой стороне Солнца, только что появилась и набрасывает тень на всю историю, подходя все ближе к Земле.

Пройдет ли Меланхолия мимо без следа или же на горизонте маячит нечто более ужасное? Роскошная жизнь в изолированном особняке продолжается после свадьбы, по мере того как обычная человеческая ненависть, любовь и помутнения рассудка разыгрываются в узком кругу привилегированных обитателей замка.

Не по годам развитый сын владельца следит за непредсказуемой орбитой Меланхолии с невинным восторгом детства. Он занят измерением ее движения к Земле и расположением в каждый момент. Отец успокаивает его страхи, авторитетно утверждая, что Меланхолия минует Землю, оставив ее невредимой.

Затем мать мальчика обнаруживает своего мужа-американца мертвым в конюшне, где он совершил самоубийство, будучи неспособным встретить неизбежный конец. Тем временем Меланхолия вовлекает Землю в смертельный танец сужающихся петель. Впав в истерику после обнаружения самоубийства мужа, мать хватает сына и пытается доехать на тележке для гольфа до ближайшей деревни, чтобы быть среди людей, когда все человеческое исчезнет без следа, включая сам вид *Homo sapiens sapiens*. Они – персонажи фильма, и мы – зрители, и другие люди, которые могут знать или не знать об этом фильме или о Меланхолии, также обречены на мгновенное уничтожение.

Сестра, оставшаяся ночевать после того, как позволила уйти своему новоиспеченному мужу, приходит на помощь несчастным, успокаивая мать и ободряя мальчика. Две сестры проводят последние оставшиеся часы, прикрывая мальчика от неизбежного, оставаясь до самого конца человечными и гуманными. Эти трое наслаждаются ленивым летним полднем, приятным и безнадежным, как воспоминания взрослого о том, как он был ребенком. Но в данном случае не останется ничего для воспоминаний, поскольку все индивиды, способные помнить, будут стерты с лица Земли, когда она столкнется с Меланхолией.

Конец света для человечества, но в космических масштабах – только столкновение двух комков пыли, недостойное упоминания в анналах Вселенной. Этот навязчивый образ подвигнул меня к размышлениям о том, что было бы потеряно и – на самом деле – приобретено в таком планетарном столкновении. Две планеты могли слиться в новую и более крупную, распасться на несколько других или рикошетом отскочить друг от друга. Жизнь как мы ее понимаем – то есть воспроизводство организмов в пересекающихся экологических нишах, которые образуют биосферу, – была бы большей частью уничтожена, но, возможно, не исчезла бы совсем. Массовое исчезновение видов случалось в истории жизни на Земле, и многих ее разнообразных форм больше нет. Но какие-то отдельные виды всегда оставались, готовя почву для возвращения жизни в ее множестве и разнообразии [см.: Venton 2003].

Однако почти не вызывает сомнения, что люди – сложные многоклеточные существа, требующие для жизни совершенно особых условий, – не пережили бы межпланетного события такого масштаба. И даже если бы все самовоспроизводящиеся организмы, биологическое существование которых управляется ДНК,

в том или ином смысле общей для них всех, исчезли и жизнь не вернулась бы – между прочим, сценарий, который действительно мог иметь место на Марсе [What... 2013], – многое все же осталось бы.

Собственно, планета Земля состоит из горячего и жидкого ядра, скрытого под каменной мантией и образующего вместе с ней литосферу. Жидкая вода (гидросфера) – необходимое условие жизни как мы ее понимаем – на этой стадии уже испарилась бы или стала частью литосферы в форме твердого льда. Земля, этот комочек космической пыли, затем существовала бы без людей или жизни, основанной на ДНК, иногда не без оснований уподобляемой лишайнику или бактериальной культуре на поверхности планеты, пока через пять миллиардов лет Солнце не превратилось бы в красного гиганта, поглотив в процессе нашу планету [Schröder, Smith 2008].

Точки зрения

Зрители, смотрящие «Меланхолию», внутренне ощущают, что конца света не произойдет, когда ранее скрытая планета врежется в Землю. Это нормальная антропоморфная точка зрения. Мы не можем этого преодолеть. Будучи людьми, мы накрепко привязаны к своей позиции. Но мы можем сделать усилие, чтобы заметить, что в данном понимании «конца света», предложенном фон Триером, мы абсолютно человекоцентричны, сосредоточены только на самих себе как биологическом виде. В наше время, после гелиоцентрической революции Николая Коперника, никто серьезно не утверждает, что Земля расположена в центре Солнечной системы или, тем более, Вселенной. В наш расколдованный век «материального прогресса» и «рационализма» [см.: Weber 2004: 13] большинство примирилось с тем фактом, что планета, на которой мы живем, расположена в периферийном регионе одной из бесчисленных галактик [Drimmel, Spergel 2001; Eisenhauer *et al.* 2003] и что планеты так же неисчислимы, как звезды [Cassan *et al.* 2012]. Это означает, что люди и их планета не являются ничем особенным, хотя первые близоруко пытаются такие особенности увидеть, поскольку Земля является их единственным домом, или, скорее, крохотным пузырьком воздуха (другими словами, наиболее плотной частью атмосферы, ближе всех находящейся к поверхности планеты), в котором мы способны существовать.

Покидать пузырь не рекомендуется, потому что это приводит к быстрой и неизбежной смерти. Прогулки по краю атмосферы возможны – при особых условиях – для тех немногих, кто стал космонавтами. Потребовались огромные усилия десятков и сотен миллионов человек, живущих в одном или нескольких государствах, чтобы эти космонавты могли выбраться из пузыря на кратчайшее время и безопасно вернуться в него – рассказать другим, что они там видели. Ни один человек на самом деле не жил вне земного пузыря атмосферы. Ни одна пара не размножалась вне планеты, ни один ребенок не был там выращен, не вошел в зрелый возраст и тем более не создал собственную семью, не ступив даже ногой на Землю, на *terra firma* или на поверхность литосферы планеты, не покрытую водой.

Хотя человекоцентризм, обусловленный тем, что мы люди, можно преодолеть в интеллектуальном плане, он с необходимостью управляет всей нашей повседневной деятельностью. Как люди мы не можем жить и справляться со своими ежедневными делами способами, недоступными логике и точке зрения помимо чисто человеческих. Это неизбежно было бы смертельно для эксцентричного ин-

дивида, который, например, попытается стать рыбой или птицей, или же решит, что будет чувствовать себя прекрасно под гамма-излучением в непосредственной близости от ядерного реактора.

Интеллектуально же можно рискнуть покинуть безопасные пределы «человекосферы», поскольку это не угрожает нашему биологическому существованию. Коперник открыл, что Земля движется вокруг Солнца, а не наоборот, посредством наблюдения и дедукции, а не путем проверки ситуации на месте. Выход в космос в то время был невозможен как по техническим причинам, так и потому, что это было смертельно опасно.

Не исключено, что возможность интеллектуально покинуть тесные пределы воздушного пузыря, «человекосферу», экологическую нишу, в которой мы обитаем, – это то, что делает нас людьми. Эта неиссякаемая жажда познания того, что может находиться за пресловутым горизонтом. С этой целью появилась письменность – хранить, передавать, разделять и анализировать знание, собранное поколениями. Накопление знания было ускорено и упорядочено с появлением школ. Они собирали специалистов по производству и поддержанию знаний, и их задачей было обеспечить передачу навыков специалистов от одного поколения к другому, от учителей к ученикам, которые должны в будущем стать учителями. Очевидно, периодически по причине небрежности, ограничений используемых материалов (бумаги, восковых табличек или магнитофонных кассет), а также различных идеологических предрассудков или разрушения школьной системы, вызванного естественной катастрофой, экономическим кризисом или войной, значительная часть собранного знания вновь и вновь пропадала [см.: Burke 2012: 139–159].

Начиная с XIX в. в результате стремления Просвещения к рационализму деятельность по производству и накоплению знания на Западе была поделена между дисциплинами, которые развивались, формализовались и поддерживались университетами, завершающими все более изолированные и национально-специфические системы образования. Очевидная мощь этого западного стандарта производства и накопления знания подтверждается теми техническими достижениями, к которым он привел. Различные приспособления, принадлежности и процедуры позволили демографически ничтожному Западу распространить свое политическое и военное колониальное господство на весь мир вплоть до середины XX в. В наше время это господство, хотя его и подрывает подъем Китая, Индии, Бразилии, Индонезии и Нигерии, сохраняется почти неизменным в сферах экономики и культуры.

Как часть и элемент западного (в наше время косвенного, западоцентричного) господства формальное разделение труда между исследовательскими дисциплинами в сфере производства, накопления и передачи знания было воспринято за пределами Запада. Хотя водоразделы между дисциплинами часто неясны и необходимость междисциплинарных исследований очевидна, границы тем не менее имеют тенденцию оставаться прочными. В большинстве случаев начинающий ученый с докторской степенью в кармане сталкивается с реальностью рынка труда, где описания должностей ориентированы на кандидатов, точно попадающих в рамки той или иной дисциплины. В такой ситуации междисциплинарное образование выглядит скорее недостатком, чем достоинством.

Некоторые из этих различных дисциплин близки по своим предметам и методологии, другие – нет, а профессиональные сражения по поводу идентичности

какой-либо дисциплины подогреваются хорошо известным нарциссизмом малых различий, в то время как в других случаях две дисциплины сходны разве что тем, что исследователи являются людьми. В традиционном представлении большинство дисциплин сгруппировано под названиями естественных, общественных и гуманитарных наук.

Сферы, или *De revolutionibus orbium...*

Интересно проверить, какие из этих трех групп дисциплин исчезнут, а какие сохранятся в результате фонтриеровского столкновения Меланхолии с Землей. Но прежде чем продолжить наш обзор, необходимо вычленить реальность, в которой обитают люди и которая открыта для их непосредственного или опосредованного наблюдения. Начиная с XIX в. геологи склонны называть каменную мантию Земли *литосферой*, но чтобы упростить предмет, я предлагаю в данном эссе этим термином называть также различные внутренние части планеты, скрытые под мантией. Размышляя о Земле, ученые концептуализировали моря и океаны как *гидросферу* планеты, а ее газовое покрывало – как *атмосферу*. Все это они противопоставляют *биосфере* – сегментам, обычно пересекающимся, литосферы, гидросферы и атмосферы, где возможна жизнь на основе ДНК [см.: Suess 1875: 159].

В межвоенный период на основе этой схемы философы предложили выделить из биосферы особую сферу для человечества, названную *ноосферой* (от греческого «нус» – разум) [Samson, Pitt 1999: 4; Vernadsky 1945; Вернадский 1989: 180]. Очевидно, что «разум», ставший корнем ноосферы, – это синоним языка и его широкого использования, что выделяет человека из других видов. Эволюционные преимущества языка, который стал определяющим признаком человека, заключались в том, что говорение позволяло лучше сотрудничать более крупным группам индивидов, чем, например, взаимное перебирание шерсти у приматов. Перебирание шерсти подразумевает связи через взаимодействие один на один, в то время как язык позволяет осмысленное и личное взаимодействие между несколькими индивидами в любой момент времени. Это достижение сократило время, необходимое для создания и поддержания групповой сплоченности, и в результате привело к появлению более крупных групп, дав человеку преимущество на другими приматами [Dunbar 1992; 1993; Dunbar *et al.* 1994].

Язык доказал свою исключительную полезность для человека в деле защиты жизни и расширения экологической ниши в биосфере за счет других видов. Постепенно эволюция выбирала индивидов и группы, привыкшие ко все более интенсивному и разнообразному использованию языка в пределах, дозволенных человеческим мозгом [Fitch, Hauser 2004]. Интенсивное применение языка порождало социальную реальность в противоположность материальной реальности космоса, литосферы, гидросферы, атмосферы и биосферы. Социальная реальность, создаваемая, поддерживаемая и разделяемая людьми целиком с помощью мозга, позволяет им жить, полностью погружившись в мир культурных артефактов, которые не видны и неизвестны другим видам (а часто и людям из других групп, которые не разделяют данные артефакты социальной реальности). Эти артефакты включают «нации», «университеты», «любовь», «мир», «деньги» или «торговлю» [Lakoff, Johnson 1980; Searle 1995; 2010].

Следовательно, современный человек в той же мере – продукт биологической эволюции, как и культурной, что позволяет говорить о единой биокультурной

эволюции применительно к человечеству [см.: Cavalli-Sforza, Feldman 1981; McElreath, Henrich 2007]. Видя то же самое, но через призму изучения значений, семиотики предложили концепцию *семиосферы* для обозначения ранее упоминавшейся социальной реальности, или ноосферы. Для них семиосфера – это пространство, где возможен семиосис – любая деятельность, включающая создание и использование знаков для производства значения (то есть язык). Вне семиосферы, то есть человеческого разума и сообществ, язык не может существовать. Непосредственно в постсемиотической сфере есть тенденция к наличию биосферы, но она неспособна к семиосису, так как населена видами, не владеющими языком или же использующими его ограниченным образом, не производя социальной реальности.

Что изучают дисциплины?

Очертив, разумеется, довольно широкими мазками кисти сферы материальной реальности, биологической жизни и человеческую экологическую нишу, находящиеся в динамической связи друг с другом, хотелось бы понять, какие из этих сфер образуют главные предметы естественных, социальных и гуманитарных наук. Этот вопрос можно отнести и к фильму «Меланхолия», упомянутому в начале эссе: какие дисциплины лишатся своего предмета после столкновения непредсказуемой планеты Меланхолия с Землей? Очевидно, что это вопрос абстрактный, так как после гибели всех людей не будет и ученых, чтобы проводить исследования в границах своих дисциплин.

Столкновение Меланхолии с Землей серьезно изменило бы природу литосферы, гидросферы и атмосферы Земли, но все они сохранятся при любом сценарии после столкновения, хотя объем гидросферы серьезно сократится, как и плотность атмосферы. Я полагаю, что биосфера, уникальным образом зависящая от внешних пересечений и взаимодействий трех названных выше «сфер», пострадала бы гораздо сильнее из-за уничтожения девяти десятых или более биомассы и выживания в радикально новых условиях, возможно, приблизительно одного процента прежних видов. Однако высока возможность, что получилась бы очередная история успешного сохранения жизни, основанной на ДНК, чего нельзя сказать о семиосфере. При отсутствии человека нет ни языка, ни совокупностей воплощенных разумов, которые производят и сохраняют социальную реальность.

Представим себе, что взаимодействующие социальные разумы людей представляют собой кинопроектор. Тогда производство социальной реальности можно уподобить показу фильма. Когда проектор останавливается из-за ошибки, кинозал наполняет чернильная тьма, образы исчезают. Точно так же при отсутствии людей не будет социальной реальности. После столкновения Меланхолии с Землей вся дальнейшая эволюция будет продолжаться в чисто биологическом ракурсе. Разумеется, нельзя исключить существования жизни и видов, производящих социальную реальность, на других планетах. Это осложняет проводимый нами интеллектуальный опыт, но пока у нас нет точных доказательств существования инопланетян, способных говорить. Возможно, они обитают слишком далеко, чтобы с уверенностью в скором времени вступить в контакт с био- и семиосферой Земли. Более вероятным препятствием стало бы выживание отдельного пузырька семиосферы и биосферы, например на космической станции. Но, как сказано раньше, люди еще не овладели искусством сохранения – не говоря о распростра-

нении – сообществ вне биосферы Земли на сколько-нибудь значительный период времени.

Вернемся к главному вопросу: какие «сферы» образуют поля исследований, на которые претендуют разные дисциплины? Естественные науки, то есть астрономия, биология, химия, науки о Земле и физика, изучают всю материальную реальность, доступную человеческому наблюдению на макро-, мезо- и микроуровнях: от квазаров до кварков, от Большого взрыва до следующего сжатия Вселенной, или ее «тепловой смерти». Целью этих наук является вся Вселенная, включая Землю и ее «сферы». Конечно, в настоящее время область биологии ограничена биосферой, а наук о Земле – планетой Земля, но их устремления «общевселенские», что подтверждается такими наименованиями, как *астробиология* или *астрогеология*, которые начали появляться в середине XX в. Их сторонники надеются проникнуть в биосферы и литосферы иных планет, когда станет возможным путешествие между звездами [см.: Баландин 1983: 91–108; Тихов 1953].

Если же оставить амбиции, в наше время биологи исследуют биосферу Земли, а занятые науками о Земле изучают литосферу, гидросферу и атмосферу планеты. Эти две научных области в плоскости исследований образуют переход от астрономии, химии и физики, занятых целой Вселенной и всеми ее уголками, к общественным наукам. Последние считаются состоящими из антропологии, экономики, истории, лингвистики, политологии, психологии и социологии. Они сосредоточены на человеке и человеческих группах [см.: Gordon 1991]. Фокус этих наук неизбежно антропоцентричен, его можно полностью отождествить с семиосферой.

Вне этой «сферы», социальной реальности, для общественных наук нет предмета изучения, разве что на другой планете будут обнаружены виды, способные производить социальную реальность (собственную семиосферу) посредством языка (похоже, что сейчас таких видов, помимо *Homo sapiens sapiens* на Земле, нет). Однако остается вопрос: будет ли вообще возможна эффективная коммуникация между индивидами из человеческой семиосферы и инопланетной¹? Возможно, эта проблема не дает энтузиастам провозгласить новые дисциплины – астросоциологию или астролингвистику. В случае столкновения Земли с Меланхолией это в любом случае было бы вне обсуждения. Межпланетное столкновение уничтожило бы семиосферу Земли, возможно, оставив лишь материальные фрагменты человеческих артефактов для сбора и интерпретации гипотетическими инопланетянами.

Гуманитарные науки (история искусств, литературоведение, музыковедение, исполнительские искусства, филология, религиоведение или визуальные искусства) помимо прочего делят с общественными науками семиосферу в качестве объекта рефлексии и изучения. Различие в том, что общественные науки стремятся охватить всю семиосферу вместе с непосредственным постсемиотическим контекстом, включая внечеловеческую биосферу, литосферу, гидросферу и атмосферу, в пересечении которых существует семиосфера. Напротив, гуманитарные науки фокусируются исключительно на мелких или крупных фрагментах социальной реальности, на избранных элементах того, что человеческий разум произ-

¹ Эта проблема глубоко проанализирована Станиславом Лемом в двух его важных романах – «Солярис» (Lem 1970) и «Голос Неба» (*Idem* 1984).

водит и проектирует в форме фильма социальной реальности на киноэкране материальной реальности.

Достоверность положений и утверждений, сделанных гуманитариями, относительна. Она ограничена специфическим фрагментом семиосферы, который составляет предмет данной гуманитарной дисциплины. Более того, достоверность утверждений дисциплины зависит от общих мнений и воззрений, которых придерживается человеческая группа, где действуют конкретные ученые. Достоверность утверждений уменьшается еще больше из-за того, что групповые вкусы (у всех человеческих групп) склонны меняться. Следовательно, положение литературоведения, принятое как «истина» сегодня, может считаться «устаревшим», то есть недостоверным, через десять-двадцать лет. Таким образом, гуманитарные науки функционируют в противоречии с латинской пословицей *“De gustibus non est disputandum”*; гуманитарии настаивают, что вкусы и мнения должны быть проанализированы и оценены.

Очевидно, если упростить реальный ход вещей, исследователь литературы решает, что является великим или плохим романом и почему. Музыковед может анализировать фугу и установить, отвечает ли она требованиям, заложенным в общепринятой модели совершенной фуги, или предположить, что по тем или иным соображениям это вообще не фуга, а совершенно иная музыкальная форма. Точно так же филолог может предположить, что нечто является языком, а другие языковые формы, на которых говорят на территории данной политики, суть его диалекты, приговоренные к постепенному исчезновению, когда в процессе модернизации все граждане по крайней мере научатся «говорить правильно», то есть так, как требует указанный язык.

Встроенный в исследование гуманитария элемент нормативности связан с представлениями его собственной группы о том, что такое роман или фуга и какие из них «хороши» или «плохи», то есть какие из них предпочитает и ценит большинство членов группы или ее элита. Экономически, политически или иначе господствующие группы могут в данном случае влиять на мнения и воззрения менее доминантных или подчиненных групп, которые пребывают в интенсивном (часто неравноправном) взаимодействии с первыми. Этот шаблон нормативности меняется со временем и от группы к группе, что считалось бы неприемлемым для общественных наук, а тем более – для естественных. Они бы осудили такой инструмент исследования в гуманитарных науках, как источник «опасной и ненаучной субъективности».

По характеру гуманитарные науки весьма относительно и группоспецифичны, почти нестабильны, они одинаково подвержены всем видам флуктуаций глубоко внутри человеческой семиосферы. Большинство ученых-гуманитариев в целом сознают этот факт, более, чем в общественных науках, отвращающий их от провозглашения гипотетических дисциплин вроде «астроискусства», «астролитературы», «астромузыковедения». В начале XXI в., когда мы знаем, что планеты бесчисленны, как звезды, не требуется сильной веры, чтобы воображать и подозревать, что некоторые из них могут быть населены существами, наделенными языком, способными разворачивать собственные семиосферы. Но что они делают и как используют реальные артефакты и практики, порожденные их собственными семиосферами, для человека в конечном итоге непознаваемо.

Ситуация может измениться, если человечество встретится с этими инопланетными существами, сможет установить длительный контакт и достичь высокой

степени понимания семиосфер друг друга. Только при таких условиях можно обнаружить, что (если вообще что-то) можно считать гуманитарными науками в инопланетной семиосфере. Разумеется, область таких «астрогуманитарных исследований» будет радикально отличаться от человеческих гуманитарных наук. Само название «гуманитарный» отсылает к человеку, потому что происходит от латинского *homo* – человек. Следовательно, предметы гуманитарных наук не элементы семиосферы вообще, а именно *человеческой* семиосферы.

Общественные науки, использующие как точку отсчета всю семиосферу, а не ее элементы, могут проследить появление и историю жанра романа и изменение представлений о хорошем и плохом романе. Более того, обществовед может указать, что практики написания, печатания и чтения романов до совсем недавнего времени были достоянием маленьких групп грамотных людей. И что даже эти группы не так давно предпочитали религиозную литературу «безбожным выдумкам». Также в контексте тех человеческих групп, которые не нуждались и не нуждаются в письме – их с некоторым пренебрежением называют «неграмотными» с ограниченной точки зрения грамотных, – обществовед может утверждать, что в глобальном масштабе наиболее популярными жанрами «литературы в широком понимании» были песни или бабушкины сказки.

Интересно, что психология исследует, как индивид встраивается в социальную реальность той или иной человеческой группы. Распространено представление, что канал связи между воплощенным разумом индивида и сообществом прозрачен и что его можно вообразить в виде широкой открытой аллеи или прямой незабитой артерии. Если появляются проблемы, а большинство в данном сообществе считает человека «изгоем», «социопатом» или «психологически неуравновешенным» – ярлыки, которые использует западная культура, – утверждается, что с разумом человека что-то не так, его «ментальная артерия» искажена и забита. В терминах схемы, описанной в этом эссе, разум данного человека участвует в производстве социальной реальности своей группы «неправильным», ошибочным образом, не обращая внимания на «обычную и принятую норму» или нарушая ее. Редко можно услышать, что норма подвижна и что консенсус по ее поводу мог сложиться совсем недавно, что он изменчив и группоспецифичен. Норма и ее идея – часть и элемент социальной реальности [см.: Diagnostic... 2013; Foucault 2006].

На Западе для решения обнаруженной «проблемы» «аномальной личности» призывают психиатров, в то время как другие человеческие группы мира ищут шаманов или жрецов. Психиатры – это практики медицины, исследовательской дисциплины с практическим применением, которая изучает материальную реальность человеческого тела. С одной стороны, медицина стремится раскрыть механизмы функционирования тела, с другой – починить или смягчить его дефекты и неправильное функционирование, которые могут привести к психическому упадку и даже смерти индивида. Психиатры и психологи анализируют взаимодействие между материальной реальностью человеческого тела (которое является частью биосферы) и участием индивида в производстве социальной реальности. Психиатр делает это со стороны биосферы, а психолог – со стороны семиосферы.

Это взаимодействие также создает поле действия для лингвистики. Часто можно услышать, что лингвистика – одна из естественных наук [см.: Bloomfield 1926]. Некоторые ее субдисциплины можно классифицировать как «научные» в обычном смысле, другие очевидно принадлежат к общественным наукам. Био-

логия разделяла с лингвистикой этот двойной статус до 1953 г., когда была открыта ДНК как материальное основание всех видов и расширено понятие биосферы [Franklin, Gosling 1953; Watson, Crick 1953]. Для лингвистики – для предмета лингвистики – подобного основания пока не найдено.

Следовательно, принципы лингвистической субдисциплины фонетики являются научными почти в смысле методологии естественных наук, нацеленных на открытие законов, управляющих существованием и функциями материальной реальности. Но методология и принципы лексикографии или семантики, напротив, по характеру схожи с общественными или даже гуманитарными науками. Несомненно, язык – часть материальной реальности, или, точнее, биосферы, поскольку характеризует вид *Homo sapiens sapiens*. Он также является инструментом, который помогает людям соединяться в группы и в расширительном смысле производить социальную реальность.

Исследователи фонетики имеют дело с языком как с частью материальной реальности, они изучают его физический аспект, физику речевых органов и то, как последние контролируют и модулируют поток воздуха, исходящий из легких через человеческие рот и нос. Они проверяют, как поток проходит через атмосферу Земли и достигает уха другого индивида, определяющего его как осмысленную и понятную «речь». Методы и инструменты фонетики в значительной степени совпадают с акустикой – субдисциплиной физики, изучающей главным образом механические волны в газовых средах.

Фонетисты подходят к языку со стороны материальной реальности, точнее – биосферы, оставляя прочую материальную реальность для анализа акустиков. Фонетистов дополняют те, кто занимается лингвистической субдисциплиной фонологией. Они изучают, каким образом значение создается и передается от индивида к индивиду с применением ранее упомянутого потока модулируемого воздуха. Фонологи идентифицируют и анализируют звуки (фонемы) данного языка (их может быть от примерно десяти до более ста [Crystal 1987: 165]), которые меняют значение слов языка, хотя сами звуки (почти) никогда не несут никакого значения. Фонолог подходит к языку с позиции семиосферы.

Я не совсем уверен, где расположить математику или философию на схеме, представленной в данном эссе. Еще не разрешен полностью вопрос, является ли предмет первой из дисциплин – числа – частью материальной реальности или особой системой, созданной человеческой группой (группами) для описания и анализа материальной реальности через практику чисел. Лично я склонен разделить последнюю точку зрения, которая помещает математику в социальную реальность, делая ее одной из общественных наук, хотя явно странной. В данной перспективе математика выглядит частью языка или даже одним из языков, применяемым для крайне специализированного – и высокоформализованного – способа говорить о мире.

Математику также можно рассматривать как один – и даже единственный – из языков науки. Она помогает отделить общение между учеными от повседневных языков, которые слишком глубоко сопряжены с производством и поддержанием семиосферы. Эти языки (вернее, люди, использующие их) – ограниченные единства, неизбежно зависящие от капризов истории и специфики конкретной человеческой группы – имеют тенденцию производить социальную реальность и концептуализировать ее и материальную реальность разными способами [см.: Whorf 1956]. Напротив, математика позволяет куда большую последователь-

ность и одинаковость в анализе и описании наблюдаемого по сравнению с повседневной речью и реальными языками, на которых говорят человеческие группы, одновременно уменьшая потери в процессе передачи результатов исследований от ученого к ученому.

Философия разделяет с математикой стремление объяснить *всю* реальность – материальную и социальную, ее существование, функционирование и даже системную организацию. Однако философы занимаются этим, используя реальные человеческие языки, выработанные и используемые конкретными человеческими группами. Люди создали эти языки не для проведения исследований, а для того, чтобы жить повседневной жизнью. Следовательно, достигнутые результаты в процессе коммуникации философов искажаются больше, чем при применении для тех же целей математики, поскольку передаются с помощью различных языков. Философы общаются через различные носители (языки), используемые для производства и поддержания разнообразных лингвоспецифичных отделов семиосферы. Напротив, математики сводят разнообразие к единственному носителю. Однако не все исследования могут быть выполнены и не все результаты переданы на «математическом языке». Обычные, повседневные языки позволяют больший объем описания и коммуникации, но, похоже, сохраняется значительная часть материальной реальности, которую посредством языка вообще невозможно проанализировать, понять или передать [см.: Wittgenstein 1922: 88–189].

Энтропия или конец

Энтропия – мера беспорядка или хаоса [Clausius 1865: 400]. Чем больше хаоса, тем больше энтропии. Энергия рассеивается и распространяется в расширяющуюся Вселенную, становясь однородно низкой [*Idem* 1850]. И если Вселенная никогда не прекратит расширяться – если не будет большого сжатия и кризиса, ведущего к другому большому взрыву, – энергия достигнет наименьшей возможной точки, то есть абсолютного нуля, или $-273,15$ °C [Helmholtz 1854; Thomson 1848]. Тогда, вероятнее всего, все реакции, движение и энергетические обмены прекратятся. Вселенная станет однородно «пустой» и темной при наивысшей энтропии, когда начнется последний и бесконечный век «тепловой смерти».

Жизнь – противоположность этому сценарию. Она снижает энтропию (то есть уровень хаоса), концентрируя энергию в индивидуальных организмах, отодвигая общее движение Вселенной к «великому холоду». Движение большинства живых организмов к смерти (кроме бактерий, которые размножаются делением) отражает неспособность многоклеточных созданий долгое время выносить общее усиление энтропии. Они могут делать это только сообща – через размножение, которое постоянно порождает новые поколения, успешно заменяющие ушедших («неодушевленных» экс-индивидов, характеризующихся необычайно высокой энтропией).

Это отношение между энтропией и жизнью, похоже, создает фундаментальное различие между биосферой и остальной, неодушевленной, материальной реальностью. Существование биосферы временно останавливает и обращает вспять, в ее крохотном пузырьке, постепенное рассеивание общей энергии материальной реальности, типичное для Вселенной в целом, за исключением потенциальных биосфер других планет. С привилегированной позиции многоклеточного индивида смерть – это врата из биосферы обратно, в остальную материальную реальность, где энтропия нарастает.

Возвращаясь к схеме эссе, литосфера, гидросфера и атмосфера Земли характеризуются растущей энтропией; в то же время в биосфере энтропия в целом убывает. Это вызывает вопрос: можно ли описать семиосферу в терминах энтропии? Мое мнение – да, но я не знаю, как измерить уровень энтропии в семиосфере. Производство и поддержание социальной реальности происходит с использованием элементов биосферы и материальной реальности. Люди и их язык – часть биосферы, в то время как носитель, через который передаются языковые сообщения, – воздух, то есть атмосфера.

В случае человека социальная реальность – это лингвистически производящееся добавление к биологическому измерению данного вида. Близкое сращивание биологического и семиотического в *Homo sapiens sapiens* накладывается на материальное существование вида, что доказали недавние работы (см. выше) по общей биокультурной эволюции человечества. Если жизнь, основанная на ДНК, сокращает энтропию, то «надстройка» семиосферы, похоже, уменьшает ее еще сильнее. Производство социальной реальности энергозатратно, что доказывает человеческий мозг, который составляет лишь 2 % массы тела, но требует от пятой части до четверти всей энергии, потребляемой человеческим телом (Clark, Sokoloff 1999: 637–670; Mink *et al.* 1981).

Непропорционально большой объем энергии, потребляемый человеческим мозгом, используется для задач производства и потребления социальной реальности. Семиосфера состоит из сложных структур, управляющих отношениями и поведением индивидов в группах, а также самих групп. Эти структуры не видны никому другому, кроме человека, и едва ли имеют материальные воплощения. Знание о них находится исключительно в человеческом разуме, и именно на них главным образом тратится дополнительная энергия, которую потребляет мозг (по сравнению с мозгом других видов).

Человечество живет в пузыре своей собственной семиосферы. Его создание и поддержание требуют энергии. Люди не только биологические, но и по своему типу семиотические существа. Возможно, что с точки зрения энергии семиосфера характеризуется еще более низкой энтропией, чем биосфера.

С этой позиции можно сделать широкое обобщение: естественные науки, за исключением биологии, изучают материальную реальность и ее элементы, характеризующиеся в общем растущей энтропией. Напротив, биология занимается биосферой, где энтропия уменьшается, а общественные и гуманитарные науки – еще менее энтропической семиосферой.

Каково место энтропии в столкновении Меланхолии и Земли, которым открывается мое эссе? Безотносительно к тому, что произойдет после межпланетного столкновения, будет ли уничтожена семиосфера или же фрагмент человечества выживет на космической станции и затем создаст все заново на другой планете, выживет ли биосфера или будет полностью уничтожена, сохранится ли Земля как планета или распадется? Одно известно точно: в соответствии с текущим уровнем наших знаний о Вселенной постепенно все системы, все ранее названные «сферы» сольются в одну и исчезнут в «тепловой смерти». Утешает то, что никто из нас не доживет до этого события, если только мы не реализуем мечту о бессмертии.

Перевод с английского
д. полит. н., проф. А. В. Митрофановой

Литература

- Баландин Р. К. Борис Леонидович Личков (1888–1966). М. : Наука, 1983.
- Вернадский В. Биосфера и ноосфера. М. : Наука, 1989.
- Тихов Г. А. Астробиология. М. : Молодая гвардия, 1953.
- Benton M. J. When Life Nearly Died: The Greatest Mass Extinction of All Time. London : Thames & Hudson, 2003.
- Burke P. A Social History of Knowledge. Vol. 2. From the Encyclopédie to Wikipedia. Cambridge : Polity, 2012.
- Bloomfield L. A Set of Postulates for the Science of Language // *Language*. 1926. No. 2. Pp. 153–164.
- Cassan A. *et al.* One or More Bound Planets per Milky Way Star from Microlensing Observations // *Nature*. 2012. Vol. 481. Pp. 167–169. URL: doi:10.1038/nature10684.
- Cavalli-Sforza L. L., Feldman M. W. Cultural Transmission and Evolution: A Quantitative Approach (Ser: Monographs in Population Biology, Vol. 16). Princeton, NJ : Princeton University Press, 1981.
- Clark D. D., Sokoloff L. Circulation and Energy Metabolism of the Brain // *Basic Neurochemistry: Molecular, Cellular and Medical Aspects* / Ed. by G. J. Siegel, B. W. Agranoff, R. W. Albers, S. K. Fisher, M. D. Uhlerю Philadelphia : Lippincott, 1999. Pp. 637–670.
- Clausius R. Über die bewegende Kraft der Wärme und die Gesetze welche sich daraus für die Wärmelehre selbst ableiten lassen // *Annalen der Physik*. 1850. Bd. 79. S. 368–397, 500–524.
- Clausius R. Über verschiedene für die Anwendung bequeme Formen der Hauptgleichungen der mechanischen Wärmetheorie // *Annalen der Physik und Chemie*. 1865. Bd. 125. No. 7. S. 353–400.
- Crystal D. 1987. *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Fifth Edition (DSM-5). 2013. Arlington, VA : American Psychiatric Publishing.
- Drimmel R., Spergel D. N. Three Dimensional Structure of the Milky Way Disk // *Astrophysical Journal*. 2001. Vol. 556. No. 1. Pp. 181–202.
- Dunbar R. I. M. Neocortex Size as a Constraint on Group Size in Primates // *Journal of Human Evolution*. 1992. Vol. 22. No. 6. Pp. 469–493.
- Dunbar R. I. M. Coevolution of Neocortical Size, Group Size and Language in Humans // *Behavioral and Brain Sciences*. 1993. Vol. 16. No. 4. Pp. 681–735.
- Dunbar R. I. M., Duncan N. D. C., Nettle D. Size and Structure of Freely Forming Conversational Groups // *Human Nature*. 1994. Vol. 6. No. 1. Pp. 67–78.
- Eisenhauer F., Schödel R., Genzel R., Ott T., Tecza M., Abuter R., Eckart A., Alexander T. A Geometric Determination of the Distance to the Galactic Center // *Astrophysical Journal*. 2003. Vol. 597. No. 2. Pp. L121–L124.
- Fitch W. T., Hauser M. D. Computational Constraints on Syntactic Processing in a Nonhuman Primate // *Science*. 2004. No. 303 (5656). Pp. 377–380.
- Foucault M. *History of Madness*. Abingdon, Oxon : Routledge, 2006.

Franklin R. E., Golsing R. G. The Structure of Sodium Thymonucleate Fibres. II. The Cylindrically Symmetrical Patterson Function // *Acta Crystallographica*. 1953. Vol. 6. No. 8–9, September. Pp. 678–685.

Gordon S. *The History and Philosophy of Social Science*. London : Routledge, 1991.

Helmholtz H. von. *Erwiderung auf die Bemerkungen von Hrn. Clausius* // *Wissenschaftliche Abhandlungen*. 1854. Vol. 1. Pp. 76–96.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago : University of Chicago Press, 1980.

Lem S. *Solaris*. Warsaw : MON, 1961.

Lem S. *Głos Pana*. Warsaw : Czytelnik, 1968.

Lem S. *Solaris*. New York : Walker and Company, 1970.

Lem S. *His Master's Voice*. San Diego, CA : Harvest Books, 1984.

McElreath R., Henrich J. *Modelling Cultural Evolution* // *Oxford Handbook of Evolutionary Psychology* / Ed. by R. I. M. Dunbar, L. Barrett. Oxford : Oxford University Press, 2007. Pp. 571–586.

Mink J. W., Blumenschine R. J., Adams D. B. Ratio of Central Nervous System to Body Metabolism in Vertebrates: Its Constancy and Functional Basis // *American Journal of Physiology*. 1981. Vol. 241. No. 3, September. Pp. R203–212.

Samson P. R., Pitt D. (eds.) *The Biosphere and Noosphere Reader: Global Environment, Society and Change*. London; New York : Routledge, 1999.

Searle J. R. *The Construction of Social Reality*. London : Allen Lane, Penguin Press, 1995.

Searle J. R. *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*. New York, Oxford : Oxford University Press, 2010.

Schröder K.-P., Smith R. C. Distant Future of the Sun and Earth Revisited // *Monthly Notices of the Royal Astronomical Society*. 2008. Vol. 386. No. 1. May 1. Pp. 155–163.

Suess E. 1875. *Die Entstehung der Alpen*. Vienna: Wilhelm Braumüller.

Thomson W. On an Absolute Thermometric Scale, Founded on Carnot's Theory of the Motive Power of Heat, and Calculated from the Results of Regnault's Experiments on the Pressure and Latent Heat of Steam // *Philosophical Magazine*. 1848. Series 3. Vol. 33. No. 10, October. Pp. 313–317.

Vernadsky [Vernadskii] V. I. *The Biosphere and the Noosphere* // *American Scientist*. 1945. Vol. 33. No. 1. Pp. 1–12.

Watson J. D., Crick F. H. C. A Structure for Deoxyribose Nucleic Acid: A Structure for a Deoxyribose Nucleic Acid // *Nature*. 1953. Vol. 171. No. 4356, April 25. Pp. 737–738.

Weber M. *The Vocation Lectures: "Science as a Vocation", Politics as a Vocation*. Indianapolis, IN : Hackett, 2004.

What Makes Mars So Hostile to Life? 2013. BBC Science. Jan 7. URL: <http://www.bbc.co.uk/science/0/20915340>. October 6, 2013.

Whorf B. L. *Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf* / Ed. by J. B. Carroll. Cambridge, MA : MIT Press, 1956.

Wittgenstein L. *Tractatus Logico-philosophicus*. London : Routledge, 1922.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ДИНАМИКА БИОРАЗНООБРАЗИЯ, ДРЕЙФ МАТЕРИКОВ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Снакин В. В.*

В качестве причины массовых (глобальных) вымираний видов в истории биосферы Земли рассматривается геодинамика – движение материков, в результате которого литосферные плиты перемещаются по поверхности Земли, периодически объединяясь и образуя суперматерики и даже единый материк (в разное время Могогея, Метатегя, Мезогегя, Пангегя). При этом снимаются географические барьеры, изменяется климат, сокращается количество экологических ниш, что ведет к резкому снижению видового разнообразия (массовым вымираниям видов), подтверждаемому палеонтологическими данными. Последующие затем расхождения материковых плит, географическая изоляция приводили к новому витку эволюции и увеличению разнообразия на новом уровне. Современные процессы глобализации также приводят к снижению роли географической изоляции и соответственно к снижению биоразнообразия, возможно, перед началом нового эволюционного витка при расширении биосферы за пределы Земли.

Ключевые слова: биоразнообразие, геодинамика, дрейф материков, глобализация, изменение климата, массовые вымирания видов, географические барьеры, эволюция биосферы.

As the cause of the mass (global) extinctions in the history of the Earth's biosphere the paper considers geodynamics – the movement of continents, resulting in the lithospheric plates' movement across the surface of the Earth which periodically unite and form supercontinents and even a single continent (at different times Monogaea, Metagaea, Mezogaea, Pangeaea). At the same time the geographical barriers are eliminated, climate changes, the number of ecological niches is reduced, which leads to a sharp decline in species diversity (mass extinctions) confirmed by paleontological data. The subsequent divergences of continental plates, geographic isolation led to a new cycle of evolution and increase in diversity at a new level. Contemporary processes of globalization also lead to a decrease in the role of geographic isolation and thus to a reduction of biodiversity, possibly before the beginning of a new cycle of evolution during expanding the biosphere beyond the Earth.

Keywords: biodiversity, geodynamics, continental drift, globalization, climate change, mass extinctions of species, geographical barriers, evolution of the biosphere.

* Снакин Валерий Викторович – д. б. н., профессор, зав. лабораторией ландшафтной экологии Института фундаментальных проблем биологии РАН, зав. сектором Музея землеведения МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: snakin@mail.ru.

Введение

История биосферы – это история вымирания одних видов и возникновения других. Вымирание видов¹ в результате естественных процессов – нормальное явление, сбалансированное в геологическом времени появлением новых видов. «Нам нечего изумляться факту вымирания... Вымирание видов и целых групп видов, игравшее такую выдающуюся роль в истории органического мира, является почти неизбежным следствием принципа естественного отбора» [Дарвин 1991]. По В. А. Красилову [1992], вымирание – способ регуляции разнообразия в переменных условиях, ослабляющий конкуренцию. Причиной вымирания видов является постоянное их совершенствование в целях максимального использования ресурсов среды, изменяемой, в свою очередь и в свою пользу, новыми видами. В процессе эволюции биосферы число видов возрастало, биосфера распространялась на не занятые жизнью участки, включала в орбиту своей деятельности новые вещества, а энергию солнечных лучей и химических соединений утилизировала все более эффективно.

В результате вымираний на смену примитивным видам приходили более совершенные. «Для биосферы вымирания были благом, как для вида благом является смерть особи от старости. В обоих случаях отсекаются носители косной наследственной информации, сдерживающей эволюцию» [Федонкин 1991].

Динамика биоразнообразия, как и в целом эволюционный процесс, носит скачкообразный характер². Соответственно в истории биосферы Земли имеется несколько периодов, когда вымирание носило массовый характер и биоразнообразие быстро (в геологическом масштабе времени) и резко снижалось. В такие периоды массовых (по сути, глобальных) вымираний исчезало до 90 % видов, как это было в период Великого пермского вымирания примерно 250 млн лет назад. Как правило, в промежутках между массовыми вымираниями биоразнообразие восстанавливалось и перед очередным вымиранием превосходило свой прежний уровень.

В качестве причин массовых вымираний, точность определения времени и длительности которых оценивается миллионами лет, рассматривают множество процессов, наиболее популярными из которых являются: генетические проблемы, конкуренция с другими видами в ограниченном пространстве, новые болезни и паразиты, катастрофы (падение крупных метеоритов, усиление вулканизма и водородной дегазации жидкого земного ядра), изменения окружающей среды (изменения климата, разрушение озонового слоя), человеческий фактор.

Общепризнанной (главной) причины исчезновения большинства видов в научной литературе нет.

Дрейф материков как причина массовых вымираний видов

В данной работе в качестве важнейшей причины динамики биоразнообразия и, в частности, массовых вымираний попытаемся рассмотреть геодинамику³, то

¹ Вымирание видов – процесс сокращения численности вплоть до полного исчезновения видов и других таксономических групп организмов в процессе эволюции. Вымершей считается исчезнувшая группа, не оставившая после себя каких-либо (даже измененных) потомков.

² На скачкообразность эволюции неоднократно обращал внимание В. И. Вернадский [1991], анализируя историю биосферы и закономерности ее эволюции.

³ Геодинамика – наука о глубинных силах и процессах, возникающих в результате эволюции Земли как планеты и определяющих движение масс вещества и энергии внутри Земли и в ее внешних твердых

есть внутренние (глубинные) процессы планеты, приводящие к перемещению литосферных плит и так называемому дрейфу материков⁴.

Предполагается, что образование единого суперконтинента в различных частях Земли и их дальнейшее расхождение происходило неоднократно: Кенорленд, или Моногея (образовался около 2,7 млрд лет назад в неоархее); Колумбия, или Нуна, или Метагея (в период от 1,8 до 1,5 млрд лет назад в палеопротерозойской эре); Родиния, или Мезогея (1,1 млрд лет – 750 млн лет назад); Пангея (300 млн лет – 180 млн лет назад). Изучение перемещения плит показало, что такое объединение блоков континентальной коры происходит примерно каждые 500–600 млн лет, и следующий суперконтинент Пангея Ультима образуется через 200–300 млн лет [Continents... 2000]. Объединения и расхождения отдельных материков и островов, естественно, происходили гораздо чаще.

Как справедливо отмечал С. А. Ушаков [1983], «становится все более ясным, что глобальная эволюция жизни на Земле тесно связана с изменениями взаимного расположения материков и океанов. Изолированный материк – это своеобразная замкнутая или полузамкнутая экологическая область. Перемещения материков, их столкновения и разделения вместе с глобальными изменениями климата и крупномасштабными циркуляциями воды в океане самым кардинальным образом должны были влиять на всю эволюцию жизни на нашей планете».

В экологическом смысле слияние материков означает не только изменение климатических условий, но и ликвидацию географических барьеров. При этом на объединенных пространствах оказывалось по несколько видов, занимающих одну и ту же экологическую нишу. Происходит сокращение разнообразия местообитаний и соответственно экологических ниш, возрастает межвидовая конкуренция. А согласно правилу конкурентного исключения⁵, два вида не могут устойчиво сосуществовать в ограниченном пространстве, если они занимают одну и ту же экологическую нишу. Процесс конкуренции при совместном проживании видов всегда протекает до полного вытеснения одного вида другим. Виды, менее приспособленные к условиям окружающей среды, вымирают.

Выживающие, наиболее эволюционно развитые виды при дальнейшем разбегании материков в условиях географической изоляции дают начало новому витку эволюции, превосходящему предыдущий. Дальнейшее сближение материков в новых географических условиях ведет к новому циклу вымирания и последующему возрастанию биоразнообразия. Таким образом, снижение разнообразия (вымирание) способствует сохранению и дальнейшей эволюции наиболее приспособленных видов, которые в ходе дальнейшей географической изоляции дают начало новым более перспективным видам.

оболочках. У истоков геодинамики в 1950-е гг. стояли немецкий ученый А. Вегенер, американские ученые А. Холмс, Х. Хесс, российские ученые В. А. Магницкий, В. В. Белоусов, В. Н. Жарков, П. Н. Кропоткин, О. Г. Сорохтин, Е. В. Артюшков и др.

⁴ Гипотеза дрейфа материков, выдвинутая А. Вегенером в 1912 г., в настоящее время полностью подтверждена [Сорохтин, Ушаков 2002; Хаин 2003 и др.].

⁵ Правило конкурентного исключения (иначе принцип Вольтерры – Гаузе, закон Гаузе) сформулировал В. Вольтерра (1926 г.) на основе изучения математической модели динамики двух популяций, конкурирующих за один пищевой ресурс. В 1931–1935 гг. Г. Ф. Гаузе экспериментами на простейших показал, как происходит конкурентное вытеснение одного вида другим. Обсуждение правила конкурентного исключения сыграло важную роль в развитии концепции экологической ниши и эколого-географической модели видообразования, а также в оценке межвидовой конкуренции как фактора, поддерживающего структуру сообществ [Биологический... 1988].

Данные, приводимые в табл. 1, основанные на сопоставлении различных (порой противоречивых) данных [Ушаков 1983; Хронология...; Нигматзянов 2014; Снакин 2014 и др.], указывают на неоднократное совпадение объединения – расхождения материков с периодами массовых вымираний видов⁶ и ускорения видообразования. При этом стоит отметить, что реконструкция объединения – расхождения материковых плит не может считаться вполне завершённой. Датировки массовых вымираний также весьма ориентировочны. Кроме того, как правило, чаще обсуждают феномен полного объединения материков, но для ускорения процессов вымирания видов достаточно объединения двух материковых плит.

Таблица 1

Геохронологическая шкала и история жизни на Земле

Время, млн лет назад	Эон	Эры	Периоды, системы	Этапы формирования биосферы
1	2	3	4	5
2	Фанерозой	Кайнозой	Четвертичный, или антропоген (голоцен – до 10 тыс. лет назад и плейстоцен – от 10 тыс. лет до 2 млн лет назад)	Появление и становление человека. Четвертичное оледенение, когда Антарктида оказалась в р-не Южного полюса, а Евразия и Северная Америка приблизились к Северному полюсу
25			Неоген (плиоцен и миоцен)	Эоцен-олигоценное вымирание (33,9 млн лет назад) унесло 13 отрядов сухопутных млекопитающих, возможно, из-за объединения материковых фрагментов и сокращения числа экологических провинций.
65			Палеоген (олигоцен, эоцен и палеоцен)	Индостан оторвался от Африки и присоединился к Азии; формирование Индийского океана [Пушаровский 2000]. Мел-палеогеновое вымирание (65,5 млн лет назад) унесло шестую часть видов, в том числе динозавров. 52–60–65 млн лет назад раскололась Лавразия – Северная Америка отделилась от Гренландии, а Гренландия – от Европы; раскол остатков Гондваны – разделение Антарктиды и Австралии
145	Мезозой	Мел	Трансгрессия; в конце мела массовая гибель видов (до 50 %), в том числе кораллов и моллюсков в океане. Появление современных рыб, доминирование цветковых растений. 120–130 млн лет назад Южная Америка откололась от Африки	

⁶ Взаимосвязь дрейфа континентов с массовыми вымираниями отмечалась ранее [Снакин 2008, ст. «Вымирание»].

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
199	Фанерозой		Юра	Пангея распадается на Лавразию и Гондвану с последующим делением на более мелкие части. Доминирование динозавров, ихтиозавров, аммонитов; появление птиц, млекопитающих и цветковых растений, обилие насекомых
251			Триас	Триасово-юрское вымирание (200–205 млн лет назад; вымерло более 50 % всех видов)
299		Палеозой	Пермь	Великое пермское вымирание (251–252 млн лет назад; исчезло 80–90 % всех видов). Образование Пангеи (300 млн лет – 180 млн лет назад). Вымирание 305 млн лет назад унесло 10 % всех видов
360			Карбон (каменноугольный период)	Появление пресмыкающихся и насекомых, обилие древовидных папоротников, образующих «каменноугольные леса»
416			Девон	Появление земноводных, аммонитов и паучообразных; первые мохообразные и папоротникообразные. Девонское вымирание (364–374 млн лет назад; вымерло 19 % семейств)
443			Силур	Появление челюстноротых (большеротые); первые коралловые рифы; наземные растения (споровые сосудистые – плауны и др.). Ордовикско-силурийское вымирание (440 млн лет назад; исчезло более 60 % видов морских беспозвоночных), возможно, из-за движения Гондваны к области Южного полюса, последующего оледенения и падения уровня Мирового океана
488			Ордовик	Появление позвоночных; обилие трилобитов, моллюсков и ракообразных
542			Кембрий	Расхождение материков. Кембрийский взрыв – появление всех типов беспозвоночных и иглокожих; увеличение содержания кислорода в атмосфере; исчезновение металлического железа в литосфере
2500	Докембрий	Протерозой Неопротерозой (рифей) Мезопротерозой (рифей) Палеопротерозой	Эдиакарий (венд) Криогений Тоний Стений Эктазий Калимий Статерий Орозирий Риасий Сидерий	Примитивные многоклеточные; примитивные эукариоты. Кислород в атмосфере; формирование озонового слоя, уменьшение содержания углекислого газа, первые оледенения. Образование единых материков: Мезогей, или Родиния, в районе Южного полюса и единый океан – Мировия (1,1 млрд лет – 750 млн лет назад); Метегей (от 1,8 до 1,5 млрд лет назад); сильнейшее протерозойское оледенение

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
3900		Архей	Неоархей Мезоархей Палеоархей Эоархей	Проявление жизни (фотосинтез, водоросли); формирование земной коры, атмосферы, гидросферы (Мировой океан), образование плотного ядра Земли. Образование единого материка (Моногея, ок. 2,7 млрд лет назад)
4600		Катархей		Возникновение Земли

Следует отметить, что процесс объединения – расхождения материковых плит – долговременный процесс с характерным временем в миллионы лет⁷, что хорошо объясняет длительный характер многих массовых вымираний (в отличие от катастрофических теорий).

Глобализация как фактор вымирания видов

Глобализация в значительной мере действует аналогично слиянию материков, снижая действие фактора географической изоляции. Активизация случайного и преднамеренного перемещения животных и растений с помощью человека приводит к конкурентной борьбе между видами, оказавшимися в одной экологической нише.

Инвазия⁸ и интродукция⁹ – одно из важнейших в экологическом отношении проявлений глобализации, увеличивающее давление на местные виды и ведущее к их вымиранию. Так, вполне преднамеренный завоз в Европейскую Россию в 20-х гг. прошлого века ондатры (*Ondatra zibethicus*) с хозяйственной целью привел к заселению водоемов этим видом и вытеснению русской выхухолы (*Desmana moschata*). Ондатра распространилась почти по всей территории страны, кроме Севера. В дальнейшем это, вероятнее всего, приведет к вымиранию русской выхухолы, несмотря на в значительной мере донкихотские действия человека по ее сохранению¹⁰ (на особо охраняемых природных территориях или в искусственных условиях в зоопарках, в криобанках; все это, естественно, поможет сохранить отдельных представителей выхухолы для наших потомков, что в дальнейшем даст возможность использовать генофонд этого вида в рамках генной инженерии). Имеются и более оптимистические примеры. Интродукция восточно-индийской красной лилии, или лотоса (*Nymphaea rubra*), в термальное озеро Хевиз (Венгрия) в 1898 г. оказалась удачной, украсила ландшафт озера, привлекая многочислен-

⁷ Необходимо учитывать, что вымирание одного из двух оказавшихся в одной экологической нише видов также долговременный процесс. Согласно исследованиям А. С. Алексеева [1998], период низкого таксономического разнообразия при массовых вымираниях может составлять от 1–2 до 5–6 млн лет, а разница от дестабилизирующего толчка до восстановления предшествующего биоразнообразия – до 10–15 млн лет.

⁸ Инвазия [от лат. *invasio* – нашествие, нападение] – в экологии вторжение на какую-либо территорию нехарактерного для нее вида, включение в сообщество новых для него видов.

⁹ Интродукция [от лат. *introducio* – введение] – распространение животных и растений (называемых интродуцентами) за пределы естественного ареала. Существует некоторая неопределенность в соотношении понятий «инвазивные», «интродуцированные» и «синантропные» (то есть связанные с человеком) виды.

¹⁰ Интересно, что расширяющаяся деятельность человека по сохранению исчезающих видов при огромной антропогенной нагрузке на биосферу в значительной мере напоминает активизацию процессов глобализации в противовес глобализации.

ных посетителей, а изображение цветка лотоса стало частью герба курортного городка Хевиз.

Подобных примеров можно привести множество. Разработаны различные списки инвазивных видов¹¹, которые включают виды животных и растений, случайно занесенных человеком (или распространившихся по созданным человеком коридорам) в новые для них регионы, где они успешно приживаются, начинают размножаться и захватывать другие территории. Инвазивные виды негативно влияют на местную фауну и флору, отчего часто становятся карантинными объектами.

Как свидетельствуют многочисленные данные, деятельность человека (особенно в последние два века) как основного агента глобализации увеличила темпы вымирания (табл. 2). Непродуманная интродукция, повсеместное выращивание ограниченного количества сельскохозяйственных культур на огромных пространствах привели к сокращению разнообразия мест обитания диких видов, заселению местных экологических ниш аналогичными видами с иных территорий (рис. 2) и соответственно к вытеснению местных видов пришельцами.

Таблица 2

Число видов позвоночных, находящихся под угрозой полного исчезновения по регионам [ГЕО-3... 2002]

Регион	Млекопитающие	Птицы	Рептилии	Амфибии	Рыбы	Всего
Африка	294	217	47	17	148	723
Азия и Океания	526	523	106	67	247	1469
Европа	82	54	31	10	83	260
Южная Америка	275	361	77	28	132	873
Северная Америка	51	50	27	24	117	269
Западная Азия	0	24	30	8	9	71
Полярные регионы	0	6	7	0	1	14

Таким образом, с эволюционных позиций деятельность человечества можно воспринимать как ускоритель эволюции и, возможно, как подготовку к дальнейшему распространению наиболее устойчивых в современных условиях видов за пределы Земли.

¹¹ Группой специалистов по инвазивным видам Международного союза охраны природы (IUCN) был составлен список из 100 самых опасных инвазивных видов. В него включены организмы, оказавшие наибольшее негативное влияние на деятельность человека и аборигенные виды. Список включает 56 видов животных, 36 видов растений, 3 вида грибов, 3 вида хромистов, 1 вид простейших и 2 вируса.

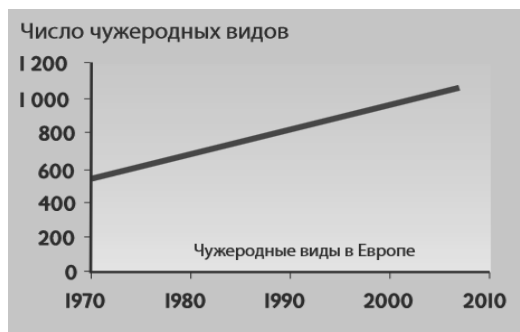

Рис. 1. Динамики численности инвазивных видов в Европе [Глобальная... 2010]

Что касается геодинамики, то следующий цикл вымирания, возможно, будет обусловлен образованием так называемой Пангеи Ультимы – гипотетического суперконтинента, который предположительно образуется через 200–300 млн лет путем слияния большей части современных материков. По гипотезе американского геолога Х. Скотезе, ядром будущего континента станут объединившиеся Африка, Евразия и Северная Америка (рис. 2). При этом Британские острова окажутся в районе Северного полюса, в то время как Аляска и Сибирь переместятся в субтропики. Однако в силу предшествующих глобализационных процессов это вымирание будет, скорее всего, менее существенным, чем наблюдавшиеся ранее в истории биосферы.

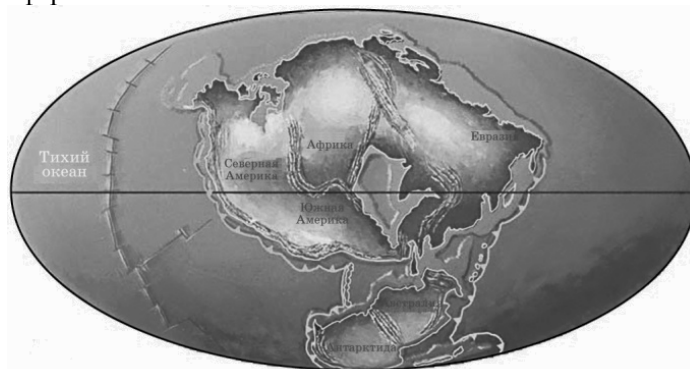

Рис. 2. Предполагаемое расположение континентов Пангеи Ультимы [Continents... 2000; см. также сайт: www.scotese.com]

Выводы

1. Дрейф материков является одним из важнейших факторов динамики биоразнообразия; обусловленное геодинамикой движение материковых плит, периодическое слияние материков и соответствующее снятие географических барьеров представляет собой одну из важнейших причин массовых вымираний в биосфере Земли. В результате перемещения и слияния материков естественным образом меняются и климатические условия (материки могут оказаться как на экваторе, так и на полюсах), что также является важным фактором динамики биоразнообразия.

2. Снижение разнообразия в результате массовых вымираний при объединении материков способствовало сохранению и дальнейшей эволюции наиболее приспособленных видов, которые в ходе последующего расхождения материков давали начало новым перспективным видам.

3. Процессы глобализации, активно наблюдающиеся в настоящее время, действуют аналогично объединению материков, снимая географические барьеры, и также могут служить причиной для нового периода существенного снижения биоразнообразия.

4. Учитывая дискуссионность датировок при определении рубежей геохронологической шкалы, надеемся, что дальнейшее уточнение периодов объединения – расхождения различных материковых плит и периодов массовых вымираний позволит более обоснованно выделить главные причины динамики биоразнообразия.

Литература

Алексеев А. С. Массовые вымирания в фанерозое: дис. ... д-ра геол.-минерал. наук. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998.

Биологический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1988.

Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.

Глобальная перспектива в области биоразнообразия 3. Краткий обзор. Монреаль : Секретариат Конвенции о биологическом разнообразии, 2010.

Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. Л. : Наука, 1991.

Красилов В. А. Охрана природы: принципы, проблемы, приоритеты. М. : ВНИИ природы, 1992.

Нигматзянов Р. Первопричина катастроф в истории Земли [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://n-t.ru/tp/ng/pk.htm>.

Пушаровский Ю. М. Главная структурная асимметрия Земли // Соровский образовательный журнал. 2000. Т. 6. № 10. С. 59–65.

Снакин В. В. Экология и природопользование в России. М. : Academia, 2008.

Снакин В. В. Глобальные экологические процессы и эволюция биосферы: Энциклопедический словарь. М. : Academia, 2014.

Сорохтин О. Г., Ушаков С. А. Развитие Земли. М. : Изд-во МГУ, 2002.

Ушаков С. А. От гипотезы дрейфа материков к теории глобальной тектоники [Электронный ресурс]: Наука и человечество. 1983. Земля. URL: http://www.oldbooks.matrixboard.ru/index_1983-021.htm.

Федонкин М. А. Биосфера: четвертое измерение // Природа. 1991. № 9. С. 10–18.

Хаин В. Е. Основные проблемы современной геологии. М. : Научный мир, 2003.

Хронология эволюции [Электронный ресурс] : Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D5%F0%EE%ED%EE%EB%EE%E3%E8%FF_%FD%E2%EE%EB%FE%F6%E8%E8.

Continents in Collision: Pangea Ultima [Электронный ресурс] 2000. Nasa Science. URL: http://science.nasa.gov/science-news/science-at-nasa/2000/ast06oct_1/

GEO-3: Global Environment Outlook. N. p. : UNEP, 2002.

УПРАВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Алешковский И. А., Ионцев В. А. *

В статье рассматривается история формирования основ управления международной миграцией на глобальном уровне. Проанализирован феномен двойственного характера миграционной политики на глобальном, региональном и национальном уровнях, обусловленный несопадением интересов различных акторов системы международных отношений. Приводятся рекомендации по совершенствованию управления миграционными процессами.

Ключевые слова: глобализация, управление, международная миграция населения, прогнозирование, миграционная политика, двойственный характер миграционной политики.

The article provides the history of legal framework of regulating migration processes on the global level. The author analyzes the dual nature of migration policy on the regional, national and global levels, which occurs when interests of different parties involved in international relations do not coincide. Recommendations are given on ways to improve the regulation of migration processes.

Keywords: globalization, governance, international migration of population, forecast, migration policy, duality of the migration policy.

Глобализационные процессы в сочетании со стремительными переменами в глобальных политических и экономических системах способствовали резкой интенсификации межгосударственных территориальных перемещений населения во второй половине XX в. и привели к формированию принципиально новой миграционной ситуации в мире. Так, общая численность «классических» международных мигрантов в мире за последние полвека увеличилась более чем в три раза (с 75,46 млн чел. в 1960 г. до 232 млн чел. в 2013 г.). Если же к ним добавить другие категории мигрантов (трудоустроенных мигрантов вместе с членами их семей, нелегальных мигрантов, маятниковых мигрантов, сезонных и приграничных рабочих, вынужденных мигрантов и «экономических туристов», то есть мигрантов, занимающихся бизнесом, связанным с пересечением границы и использующих при этом туристическую визу), то общая численность жителей земного шара, участвующих в международных миграциях, превышает в настоящее время 1,2 млрд человек. Таким образом, международная миграция стала одним из глобальных явлений, оказывающих воздействие на все стороны жизни мирового общества.

* Алешковский Иван Андреевич – к. э. н., доцент, заместитель декана факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: aleshkovski@yandex.ru.

Ионцев Владимир Алексеевич – д. э. н., профессор, заведующий кафедрой народонаселения экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: iontsev@econ.msu.ru.

Соответственно возникает закономерный вопрос: возможно ли управлять этим явлением? Чтобы ответить на него, нужно обозначить, что представляет собой управление тем или иным социальным явлением. На наш взгляд, этот термин можно выразить простой формулой: «прогноз плюс политика». И действительно, чтобы эффективно управлять тем или иным социальным явлением или процессом, необходимо ясно понимать не только настоящие тенденции развития данного процесса, но и представлять его перспективы. Последнее и позволяет сделать прогнозирование миграционных процессов, которое чаще всего связано с демографическим прогнозированием, особенно когда речь идет об анализе населения мира, его отдельных регионов и стран.

В этом контексте, говоря о перспективах международной миграции населения, можно отметить, что, согласно оценкам экспертов ООН, к 2050 г. численность населения мира по медианному прогнозу составит 9,6 млрд человек против 7,2 млрд человек в 2014 г. (прирост на 33 %). За это же время численность классических мигрантов в мире удвоится, превысив 450 млн чел. Если же говорить обо всех категориях мигрантов, то их численность, по нашим оценкам, примерно утроится, превысив 3 млрд чел.

Преобразование миграционных потоков в глобальное явление обусловило значительное усиление интереса к вопросам международной миграции со стороны ученых, государственных и политических деятелей, международных общественных организаций, широких слоев общественности. В свою очередь, появилась потребность в совершенствовании инструментов управления миграционными процессами на национальном и региональном уровнях, формировании миграционной политики на глобальном уровне, которая представляет собой *систему международных договоров, соглашений и других двусторонних и многосторонних нормативно-правовых актов по регулированию межгосударственных территориальных перемещений населения, преследующую социальные, экономические, демографические, геополитические и другие цели.*

Проведенный нами анализ показал, что одной из характерных особенностей сложившейся системы мер в области управления межгосударственными территориальными перемещениями населения стал ее двойственный характер.

При этом на современном этапе двойственный характер миграционной политики отчетливо проявляется на трех уровнях:

- *на глобальном (мировом) уровне* – как результат противоречий между интересами различных факторов системы международных отношений (развитых и развивающихся стран, международных организаций и отдельных государств);
- *на региональном уровне (уровне интеграционных объединений)* – как существование противодействующих тенденций либерализации миграционных режимов внутри интеграционных объединений и одновременного ужесточения миграционной политики по отношению к гражданам третьих стран;
- *на национальном уровне (уровне отдельных государств)* – как противоречие между социально-демографическими и экономическими интересами, с одной стороны, и соображениями национальной безопасности – с другой.

При этом особое звучание приобретает противоречие между мигрантами и принимающими государствами, предпринимателями и обществом в целом. Это особенно важно иметь в виду, поскольку в последние годы получает развитие по-

литика интеграции мигрантов в развитых странах мира, которая может проводиться как на региональном, так и на национальном уровнях.

Глобальный (мировой) уровень миграционной политики

Основу нормативной базы по вопросам управления миграционными процессами на межгосударственном уровне составляют международные договоры, соглашения, рекомендации и другие нормативно-правовые акты, которые принимаются на различных заседаниях и конференциях, проводимых под эгидой ведущих международных организаций, прежде всего Организации Объединенных Наций и ее подразделений (ЮНФПА, ЮНКТАД, УВКБ ООН, ПРООН и др.), Международной организации по миграции и Международной организации по труду. При этом необходимо отметить, что на глобальном уровне в настоящее время нет общемирового миграционного режима (Руководство... 2006).

Среди глобальных конференций особое место принадлежит Всемирным конференциям ООН, имеющим межправительственный статус. По вопросам народонаселения было проведено три таких конференции (в 1974 г. в Бухаресте, в 1984 г. в Мехико и в 1994 г. в Каире), на которых были приняты два основополагающих документа, содержащих концептуальные подходы к управлению процессами международной миграции: Всемирный план действий в области народонаселения (1974 г.) и Программа действий в области народонаселения и развития (1994 г.).

Во Всемирном плане действий в области народонаселения, в частности, указывается, что «для некоторых стран международная миграция может стать, при определенных обстоятельствах, инструментом демографической политики... по крайней мере, два типа международной миграции представляют значительный интерес для многих стран в мире: миграции трудящихся-мигрантов с низкой квалификацией и миграции высококвалифицированных рабочих и специалистов» [World... 1975].

В числе значимых рекомендаций в сфере управления международной миграцией во Всемирном плане действий в области народонаселения (*Ibid.*) можно выделить следующие:

- правительства и международные организации должны прежде всего стимулировать добровольные межгосударственные миграции;
- правительствам рекомендуется проводить двусторонние и/или многосторонние консультации с целью гармонизации их политики в области управления международной миграцией;
- страны, принимающие мигрантов, должны обеспечить надлежащее медицинское обслуживание и услуги социального обеспечения для мигрантов и членов их семей, должны гарантировать их физическую безопасность;
- в отношении трудящихся-мигрантов правительствам следует принять меры по предотвращению их дискриминации на рынке труда и в обществе, защите прав человека и борьбе с предрассудками в их отношении, устранению препятствий на пути воссоединения их семей;
- правительствам следует иметь в виду гуманитарные соображения в отношении нелегальных мигрантов;
- необходимо принять меры по разработке национальной и международной политики, направленной на предотвращение «утечки умов».

На Международной конференции по народонаселению 1984 г. были проанализированы промежуточные десятилетние итоги и предложены новые рекомендации по дальнейшему проведению в жизнь Всемирного плана действий в области народонаселения в сфере международной миграции.

В том числе были предложены следующие рекомендации [Report... 1984]:

– принимающие страны должны реализовать меры для защиты основных прав человека для всех мигрантов на их территории, обеспечить уважение к их культурной идентичности;

– должны быть приняты меры в целях содействия взаимной интеграции иммигрантов и населения принимающих стран;

– правительства принимающих стран следует учитывать не только экономические и социальные интересы собственных стран, но и вопросы благополучия мигрантов и их семей, а также демографические последствия миграции;

– правительствам принимающих стран предлагается рассмотреть вопрос о принятии мер по содействию нормализации семейной жизни зарегистрированных трудящихся-мигрантов в принимающих странах через воссоединение семей;

– при разработке законов и нормативных актов, направленных на ограничение нелегальной миграции, содержащиеся в них меры должны распространяться не только на нелегальных мигрантов, но и на тех лиц, которые стимулируют нелегальную миграцию и содействуют ей;

– правительства и международные организации должны стремиться найти долгосрочные решения проблем, связанных с беженцами и перемещением беженцев, и работать в направлении устранения причин этих проблем.

В Программе действий в области народонаселения и развития, принятой в 1994 г. и рассчитанной на следующие 20 лет (Программа... 1994), международной миграции отдельно посвящена X глава. В ней, в частности, указывается, что *эффективная политика в области международной миграции должна строиться с учетом ограниченных экономических возможностей принимающей страны, влияния миграции на принимающее общество и ее воздействия на страны происхождения.*

Среди рекомендаций в сфере миграционной политики в Программе действий в области народонаселения и развития 1994 г. были предложены, в частности, следующие:

– правительствам принимающих стран предлагается рассмотреть возможность использования определенных форм временной миграции... в целях повышения квалификации граждан стран происхождения, особенно развивающихся стран и стран с переходной экономикой;

– правительствам рекомендуется обмениваться информацией о своей политике в области международной миграции и правилах, регулирующих въезд и пребывание мигрантов на их территории;

– правительствам предлагается рассмотреть возможность ратификации Международной конвенции о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей¹;

¹ Конвенция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1990 г., впервые устанавливала международное определение различных категорий рабочих-мигрантов и представляла собой важный шаг к закреплению ответственности принимающих стран в признании прав мигрантов и обеспечении их защиты. Вступила в силу с 2003 г.

– правительствам принимающих стран рекомендуется рассмотреть возможность распространения на зарегистрированных мигрантов и членов их семей одинакового по сравнению со своими гражданами обращения в плане осуществления основных прав человека, принять соответствующие меры, с тем чтобы избежать любых форм дискриминации в отношении мигрантов;

– правительства принимающих стран должны обеспечивать защиту мигрантов и членов их семей;

– правительствам как принимающих стран, так и стран происхождения следует принимать эффективные санкции против лиц, организующих незарегистрированную миграцию, эксплуатирующих незарегистрированных мигрантов или занимающихся торговлей незарегистрированными мигрантами;

– правительствам стран происхождения и принимающих стран следует искать удовлетворительное и долгосрочное решение проблем, порождаемых незарегистрированной миграцией, путем проведения двусторонних или многосторонних переговоров, в том числе относительно заключения соглашений о реадмиссии;

– направлен настоятельный призыв к правительствам соблюдать нормы международного права применительно к беженцам.

Таким образом, предложенные на Всемирных конференциях по народонаселению рекомендации отражают тот факт, что *международная миграция может способствовать формированию нового международного экономического порядка; признается, что необходимым условием для реализации положительного вклада миграции в развитие является эффективная миграционная политика.*

Рекомендации по совершенствованию управления международной миграцией содержатся и в решениях других всемирных конференций и саммитов, в том числе Всемирных конференций ООН по вопросам окружающей среды и развития (Рио-де-Жанейро, 1992 г.; Йоханнесбург, 2002 г.); Международной конференции по правам человека (Вена, 1993 г.); Всемирного саммита по вопросам социального развития (Копенгаген, 1995 г.); IV Международной конференции по проблемам женщин (Пекин, 1995 г.); Всемирной конференции по проблемам расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости (Дурбан, 2001 г.); Всемирного саммита (Нью-Йорк, 2005 г.).

Еще одним важным мероприятием межправительственного характера стала Бернская инициатива, с которой в 2001 г. выступила Швейцария и которая определила направление на упрочение сотрудничества между государствами с целью совершенствования управления миграцией на национальном, региональном и глобальном уровнях. Важнейшим результатом Бернской инициативы стала разработка Международной программы по управлению миграцией, в которой содержится ряд общих рекомендаций по созданию сбалансированного и всестороннего подхода к управлению миграционными процессами [Руководство... 2006].

Опубликованный Департаментом по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН в 2006 г. «Сборник рекомендаций по вопросам международной миграции и развития» характеризует, в какой степени принятые на международных конференциях и саммитах документы способны служить ориентиром для правительств в плане содействия выработке совместных инициатив в области управления международной миграцией [Compendium... 2006].

В сентябре 2006 г. в Нью-Йорке прошел первый Диалог на высоком уровне по вопросам международной миграции и развития, в ходе которого были рассмотрены многоплановые аспекты международной миграции и развития, включая обмен опытом и информацией о передовой практике в отношении возможных путей максимального увеличения связанных с международной миграцией выгод и уменьшения ее негативных последствий. По итогам Диалога было принято решение: продолжить глобальное обсуждение проблем международной миграции и развития и создать Глобальный форум по проблемам международной миграции и ее развития (Global Forum on Migration and Development) в качестве места систематического и всеобъемлющего обсуждения проблем, связанных с международной миграцией и развитием. В 2007–2014 гг. прошло семь совещаний в рамках Глобального форума, в которых приняли участие представители более 160 государств – членов ООН и более 45 международных организаций.

Мероприятия Глобального форума позволяют обеспечить неформальное обсуждение специалистами и лицами, ответственными за принятие решений, актуальных вопросов совершенствования миграционной политики в интересах развития; обменяться передовым опытом в этой области; выявить имеющиеся проблемы в регулировании миграционных процессов на национальном, региональном и международном уровнях; обсудить возможности для установления партнерских отношений и сотрудничества между странами, международными организациями и диаспорами по вопросам миграции и развития.

В октябре 2013 г. в Нью-Йорке состоялся второй Диалог на высоком уровне по вопросам международной миграции и развития.

В принятой по итогам второго Диалога Декларации, в частности, указывается, что представители государств [International... 2013]:

- принимают решение действовать в направлении разработки эффективной и всеохватной повестки дня по вопросам международной миграции за счет улучшения деятельности существующих институтов и структур, а также повышения эффективности партнерских связей на региональном и глобальном уровнях;

- признают необходимость в таком международном сотрудничестве, которое позволяло бы целостно и всеобъемлющим образом решать проблемы неорганизованной миграции в целях обеспечения безопасной, упорядоченной и организованный миграции при полном соблюдении прав человека;

- признают усилия, прилагаемые международным сообществом по урегулированию соответствующих аспектов международной миграции и развития на основе различных инициатив как в системе Организации Объединенных Наций, так и в рамках других процессов;

- подтверждают необходимость действенного поощрения соблюдения и защиты прав человека и основных свобод всех мигрантов, особенно женщин и детей, независимо от их миграционного статуса и решения проблем международной миграции на основе международного, регионального и двустороннего сотрудничества и диалога;

- в этой связи отмечают необходимость принятия надлежащих мер по защите трудящихся женщин-мигрантов во всех секторах, в том числе женщин-мигрантов, работающих в качестве домашней прислуги;

– подчеркивают необходимость соблюдения и поощрения соответствующих международных трудовых норм и соблюдения прав мигрантов на работе;

– рекомендуют государствам – членам ООН сотрудничать в разработке программ мобильности, способствующих безопасной, упорядоченной и организованной миграции, в том числе мобильности рабочей силы.

Таким образом, проведенный анализ показал, что итоговые документы конференций и встреч на высшем уровне содержат различные рекомендации по совершенствованию миграционной политики. Вместе с тем уже в них проявляется *двойственность подходов на глобальном уровне к управлению миграционными процессами*. Двойственность на глобальном уровне заключается прежде всего в том, что интересы различных акторов системы международных отношений часто входят в противоречие друг с другом. Так, например, существуют противоречия между основными странами эмиграции и странами иммиграции. Как следствие, многие подписанные на международных конференциях документы и соглашения долгие годы, вследствие их ратификации незначительным числом стран, остаются не вступившими в силу или применяются в ограниченном числе стран.

Характерным примером является ситуация с ратификацией международных конвенций, касающихся трудящихся-мигрантов и затрагивающих экономические интересы принимающих государств. Так, Конвенция Международной организации труда 1949 г. № 97 «О трудящихся-мигрантах» ратифицирована до настоящего времени только 26 % стран, Конвенция МОТ 1975 г. № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» – 12 % стран. В свою очередь, Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей была принята в 1990 г., вступила в силу только в 2003 г. и ратифицирована к настоящему времени лишь 24 % стран (см. табл. 1).

Таблица 1

Положение с ратификацией международно-правовых документов, касающихся международной миграции

Договор	Год вступления в силу	Участники договоров на 19.04.2006 г.		Участники договоров на 01.12.2013 г.	
		Количество стран	Процентная доля стран	Количество стран	Процентная доля стран
1	2	3	4	5	6
Конвенция МОТ 1949 г. № 97 о трудящихся-мигрантах	1952	45	23	49	26
Конвенция МОТ 1975 г. № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения	1978	19	10	23	12

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.	2003	34	17	47	24
Протокол 2000 г. о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказаниях за нее	2003	97	50	157	81
Протокол 2000 г. против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху	2004	89	46	137	71
Конвенция о статусе беженцев 1951 г.	1954	143	73	144	75

Источник: Руководство... 2006; International... 2013.

Завершая рассмотрение миграционной политики на глобальном уровне, подчеркнем важную особенность отношения мирового сообщества к этой проблеме: международная миграция рассматривается как функция изменяющихся политических, экономических и социальных условий и неотъемлемый элемент развития.

При этом во всех дискуссиях по вопросам миграции просматриваются три ключевые проблемы: 1) недостаток достоверных и полных статистических данных по миграции; 2) комплексный характер международной миграции и отсутствие всеобъемлющей теории миграции; 3) сложная взаимосвязь между миграцией и развитием, неполное понимание совокупностей взаимосвязей между миграцией и различными факторами (демографическими, экономическими, политическими, экологическими и др.).

Поиск решения этих проблем необходим для выработки обоснованной миграционной политики, принятия решений по всем актуальным аспектам взаимосвязи миграции и развития, реализации потенциала международной миграции как фактора развития стран происхождения, транзита и назначения.

Региональный уровень миграционной политики

Региональное сотрудничество в сфере управления международной миграцией осуществляется через официальные механизмы, действующие в рамках региональных интеграционных объединений (в частности, путем либерализации мобильности населения как составной части интеграционных процессов), и региональные межгосударственные соглашения (путем реализации единой миграцион-

ной политики), а также менее формальные механизмы (например, региональные консультативные советы)².

Наиболее ярким примером управления международной миграцией в рамках регионального интеграционного объединения является режим свободного перемещения граждан и рабочей силы в рамках Европейского союза. В настоящее время граждане стран – членов ЕС могут свободно передвигаться через внутренние межгосударственные границы ЕС с различными целями (в том числе в целях найма на работу или организации предпринимательской деятельности) без ограничения продолжительности пребывания на территории другого государства – члена ЕС. Европейский союз также проводит единую политику в отношении иммиграции и предоставления убежища гражданам третьих стран, укрепляет партнерство с основными странами происхождения мигрантов, разрабатывает и принимает меры для обеспечения равного обращения с гражданами третьих стран, проживающими в странах – членах ЕС. Необходимо отметить, что принятые к настоящему времени общеевропейские нормативно-правовые акты в основном касаются правил предоставления убежища и предотвращения нелегальной иммиграции, и лишь некоторые из них рассматривают вопросы легальной иммиграции, в том числе проблемы воссоединения семей, привлечения студентов, исследователей и высококвалифицированных трудящихся-мигрантов.

Различные механизмы регулирования международной миграции действуют и в рамках других региональных интеграционных объединений, включая Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР), Содружество независимых государств (СНГ), Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), Центральноеафриканское экономическое и валютное сообщество (ЦАЭВС), Евразийский экономический союз и др.

Региональные межгосударственные соглашения представляют собой официальные межгосударственные соглашения о сотрудничестве в области управления миграционными процессами. Согласно проведенному в 2005 г. МОТ обследованию, в основном межгосударственные соглашения касаются программ приглашения трудовых мигрантов; приема стажеров или молодых специалистов; сезонной миграции; вопросов координации материальных прав и выплат в области социального обеспечения; реадмиссии нелегальных иммигрантов; вопросов содействия безопасному и своевременному переводу денежных средств трудящихся-мигрантов. Так, в Соглашении стран – членов СНГ о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов (Соглашение... 1994) указывается, что «стороны предпринимают необходимые меры с целью предотвращения трудоустройства трудящихся-мигрантов посредниками, не имеющими соответствующих разрешений компетентных органов Стороны выезда на осуществление такой деятельности. Всякое лицо, способствующее тайной или незаконной иммиграции, несет ответственность в соответствии с действующим законодательством Стороны трудоустройства». В Соглашении о сотрудничестве

² Как правило, межгосударственные соглашения в области управления миграционными процессами заключаются между странами одного региона. Однако существуют и межрегиональные межгосударственные соглашения. Так, например, между ЕС и США существует соглашение, согласно которому граждане ЕС и США могут передвигаться по территории соответственно США и ЕС без визы не более трех месяцев в течение полугодия.

государств СНГ в борьбе с незаконной миграцией (Соглашение... 1998) указывается, что «правительства государств-участников соглашения рассматривают сотрудничество в борьбе с незаконной миграцией как одно из важных направлений регулирования миграционных процессов». В рамках формирования на постсоветском пространстве Таможенного союза и Евразийского экономического союза в 2010 г. были приняты два важных документа, регулирующих трудовую миграцию: *Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей* и *Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств*.

Следует отметить, что двусторонний подход позволяет правительствам действовать более гибко, нежели в формате общих соглашений в рамках интеграционных объединений, поскольку условия каждого соглашения можно сформулировать с учетом ситуации в соответствующих странах. Однако с точки зрения регулирования миграционных потоков отслеживание хода осуществления многочисленных соглашений, содержащих различные положения, увеличивает административное бремя.

Новой формой регионального сотрудничества стали региональные консультативные советы (РКС), число которых многократно возросло с начала 1990-х гг. Одними из первых РКС стали Межправительственные консультации по вопросам политики в области убежища, беженцев и миграционной политики в Европе, Северной Америке и Австралии, которые стали проводиться с 1985 г. для обсуждения вопросов предоставления убежища. В настоящее время, по данным ООН, в Европе действуют несколько таких консультативных советов, в том числе Будапештский процесс, Сёдеркёпинг, Панъевропейский диалог по управлению миграцией и др. Как правило, региональные консультативные советы носят неофициальный характер, их решения, несмотря на то, что они получают одобрение участвующих сторон, не являются обязательными. Вместе с тем они содействуют диалогу и обмену информацией, позволяют собрать вместе официальных представителей стран происхождения, транзита и назначения мигрантов, способствуют координации и согласованности действий как на международном, так и на национальном уровнях.

Проведенный нами анализ показал, что *двойственный характер миграционной политики на региональном уровне выражается в двух аспектах*. Первый состоит в том, что в современном мире в условиях активно развивающихся интеграционных процессов, с одной стороны, происходит либерализация миграционной политики, появляются «прозрачные границы» в рамках региональных объединений, обеспечивается свобода перемещения населения и рабочей силы граждан стран-участниц через внутренние государственные границы этих союзов. С другой стороны, в рамках интеграционных объединений происходит унификация законодательства в области регулирования международной миграции, а также имеет место принятие все более жестких мер в отношении иммигрантов из третьих стран, что обусловлено различными аспектами национальной безопасности (в том числе борьба с угрозами международного терроризма, защита национального рынка труда). Второй аспект заключается в том, что интересы и задачи интеграционного объединения в целом могут не совпадать или даже противоречить интересам его отдельных государств-членов. Например, позиция Великобритании с самого начала ее вхождения в ЕС (1973 г.) имела несколько особый ограничительный характер, что затем нашло отражение в том, что она не подписала Шенгенское соглашение. В настоящее время правительство Великобритании рассмат-

ривает возможность введения ограничительных мер по отношению к мигрантам из других стран Европейского союза, а также ограничений по использованию ими социальных услуг и системы социальной защиты Великобритании. В Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА) между США, Канадой и Мексикой свобода передвижения граждан, в том числе трудящихся-мигрантов, обеспечивается между США и Канадой, в то время как возможности трудовой миграции мексиканских граждан в эти страны существенно ограничены.

Национальный уровень миграционной политики

На разных исторических этапах в миграционной политике государства преобладает та или другая ее составляющая (эмиграционная или иммиграционная), которая и определяет в целом ее сущность в данный период.

В специальном периодическом издании ООН по демографической политике (World Population Policies Database) содержится отдельный информационный раздел о взглядах национальных правительств на миграцию и государственной политике в области международной миграции.

Как видно из таблиц 2 и 3, в настоящее время только 13 % суверенных государств (большая часть из которых расположена в Африке) не регулируют уровень иммиграции, тогда как политику в отношении эмиграции не проводят 45 % государств (в основном страны Африки, Европы и Северной Америки). При этом все развитые страны реализуют меры в области регулирования иммиграции, тогда как эмиграцию регулирует только 20 % из них.

Таблица 2

Взгляды национальных правительств в отношении иммиграционной политики, 2011 г.

Регион	Политика в области уровня иммиграции			
	Снижать	Поддерживать	Увеличивать	Без вмешательства
Мир в целом	16 %	60 %	11 %	13 %
Европа	11 %	64 %	25 %	—
Африка	19 %	38 %	2 %	41 %
Азия	30 %	55 %	12 %	2 %
Латинская Америка и Карибский бассейн	12 %	79 %	3 %	6 %
Северная Америка	—	100 %	—	—
Австралия и Океания	—	94 %	6 %	—

Таблица 3

Взгляды национальных правительств в отношении эмиграционной политики, 2011 г.

Регион	Политика в области уровня эмиграции			
	Снижать	Поддерживать	Увеличивать	Без вмешательства
1	2	3	4	5
Мир в целом	24 %	22 %	9 %	45 %
Европа	18 %	14 %	—	68 %
Африка	25 %	15 %	2 %	58 %

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5
Азия	21 %	29 %	29 %	21 %
Латинская Америка и Карибский бассейн	33 %	36 %	–	30 %
Северная Америка	–	–	–	100 %
Австралия и Океания	31 %	19 %	31 %	19 %

Источник: International... 2013.

Таким образом, в современных условиях в большинстве стран мира преобладающей становится иммиграционная политика, в рамках которой правительства проявляют большой интерес к тому, что собой представляют иммигранты, и предъявляют к въезжающим различные требования, касающиеся уровня образования, профессии, квалификации, материального состояния, возраста, семейного положения и т. п. На последние характеристики обращается особое внимание как с учетом ситуации на национальном рынке труда и задач демографической политики, так и с учетом аспектов национальной безопасности.

Стоит отметить, что наибольшие изменения, которые произошли в национальной миграционной политике с конца 1950-х гг., связаны именно с ее иммиграционной составляющей. Для государств, традиционно проводящих иммиграционную политику, суть изменений состоит в том, что принятые законы были направлены, во-первых, на поощрение иммиграции высококвалифицированных специалистов, во-вторых, на борьбу с нелегальной миграцией.

Анализ законов, принятых в последние годы и направленных на противодействие нелегальной миграции, демонстрирует *двойственность политики принимающих государств*: с одной стороны, политика в отношении вновь прибывающих мигрантов становится все более рестриктивной, с другой стороны, проводится политика легализации тех, кто въехал в страну раньше и нелегально трудоустроился. В развитых странах с 1980 по 2014 г. было проведено свыше 30 миграционных амнистий и свыше 10 млн нелегальных иммигрантов было амнистировано. Таким образом, фактически речь идет не об искоренении нелегальной иммиграции, а о легализации тех, кто въехал в страну раньше и нелегально трудоустроился. Так, в 2014 г. президент США Б. Обама подписал указ о реформе миграционной системы США, предполагающей легализацию свыше 5 млн нелегальных мигрантов. Необходимо отметить, что ряд экспертов высказываются против проведения такого рода кампаний, поскольку последние, по их мнению, лишь увеличивают потенциальные масштабы нелегальной иммиграции.

Двойственность миграционной политики на национальном уровне также проявляется в противоречиях экономического, демографического и геополитического характера. Так, в интересах демографического и экономического развития часто представляется необходимым провести либерализацию миграционной политики, в то время как интересы национальной безопасности нередко требуют ее ужесточения. Последнее противоречие особенно наглядно проявилось после событий 11 сентября 2001 г. в США.

Что касается миграционной политики России, то, с одной стороны, за современный период ее развития (1991–2014 гг.) была создана определенная законода-

тельная база в области регулирования миграционных процессов, а с другой – в России до сих пор нет стратегического видения миграции как положительного явления. *Двойственность миграционной политики России* проявляется в том, что на высшем государственном уровне (в частности, в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации, посланиях президента России Федеральному собранию РФ) провозглашается тезис о необходимости проведения осмысленной иммиграционной политики, привлечения из-за рубежа наших соотечественников и квалифицированных легальных трудовых ресурсов, тогда как на «исполнительном» уровне отношение государства к управлению миграционными процессами остается во многом полицейским, а сама миграция рассматривается прежде всего как процесс, угрожающий национальной безопасности России. Сохранение такой ситуации идет вразрез с интересами экономического и демографического развития России. Последнее обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования миграционной политики РФ.

В заключение отметим, что, на наш взгляд, преодоление двойственного характера миграционной политики и использование потенциала международной миграции как ресурса развития могут быть достигнуты только с помощью реализации разумного и стратегически выверенного подхода к управлению международной миграцией.

Литература

Программа действий Международной конференции по народонаселению и развитию 1994 г. // Доклад Международной конференции по народонаселению и развитию. Каир, 5–13 сентября 1994 г. A/CONF.171/13/Rev.1. Нью-Йорк : ООН, 1994.

Руководство по разработке эффективной политики в области трудовой миграции в странах происхождения и назначения. М. : ОБСЕ; МОМ; МОТ; 2006.

Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов от 15 апреля 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_86989/ (дата обращения: 25.01.2015).

Соглашение о сотрудничестве государств СНГ в борьбе с незаконной миграцией от 06 марта 1998 г. [Электронный ресурс]. URL: http://moscow.iom.int/russian/Legislation/CIS_IllegalMigration_ru.pdf (дата обращения: 25.01.2015).

Compendium of Recommendations on International Migration and Development: The United Nations Development Agenda and the Global Commission on International Migration Compared. New York : United Nations, 2006.

International Migration Policies: Government Views and Priorities 2013. New York : United Nations, 2013.

Ozden C., Parsons C., Schiff M., Walmsley T. Where on Earth is Everybody? The Evolution of Global Bilateral Migration 1960–2000. Policy Research Working Paper 5709. New York : World Bank, 2011. P. 59.

Report of the International Conference on Population, 1984, Mexico City, 6–14 August 1984. New York : United Nations, 1984.

World Population Plan of Action. Report of the United Nations World Population Conference, 1974, Bucharest, 19–30 August 1974. New York : United Nations, 1975 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.population-security.org/27-APP1.html> (дата обращения: 25.01.2015).

ЕВРОПЕИЗАЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОДНОГО КОНЦЕПТА

Шульга М. А.*

Раскрывается содержание концепта европеизации. Делается вывод, что этот концепт уместен при исследовании европеизации в контексте периферии Европейского союза. Исследование же европеизации в контексте ЕС целесообразнее осуществлять в рамках концепта евроинтеграции. Показана важность концепта европеизации для уяснения содержания европейской политики соседства, а также разность восприятия этого концепта самим Европейским союзом и странами его периферии.

Ключевые слова: Европейский союз, концепт европеизации, периферия ЕС, европейская политика соседства.

The content of the concept of Europeanization is disclosed. The conclusion is drawn that this concept is relevant in the research of Europeanization in the context of the periphery of the European Union. It is more appropriate to carry out the research of Europeanization in the EU context in the framework of the concept of European integration. The importance of the concept of Europeanization for understanding the content of the European neighborhood policy and also the difference of the perception of this concept by the European Union and its periphery are shown in this article.

Keywords: European Union, the concept of Europeanization, the periphery of the EU, the European neighborhood policy.

Для изучения Европейского союза принято использовать два концепта – «евроинтеграция» и «европеизация». На первый взгляд эти концепты как некий сопровождающий тот или иной термин «пучок» представлений, понятий и переживаний [Степанов 2004: 42] являются во многом сходными и созвучными. Евроинтеграция, бесспорно, предполагает европеизацию. Но бесспорно ли обратное? Всегда ли европеизация означает и гарантирует участие (именно участие, а не вовлечение, ведь последнее может происходить и помимо нашей воли) в интеграционных процессах на поприще ЕС?

Заметим, что концепт «евроинтеграция» играет важную роль в теоретическом анализе ЕС, поскольку отражает развитие Европейского объединения угля и стали в Европейский союз. Терминологически этот концепт традиционно определяется как «сближение», то есть мерило плотности, интенсивности связей между различными элементами, либо же как «усиление взаимосвязи», то есть процесс уплотнения, интенсификации или усиления характеристик какой-то связи [Айзінг 2007: 257]. Соответственно этим определениям собственно термин «европейская интеграция» обозначает процесс создания европейских институтов и политик, эволюционирующих в направлении формирования некоего наднационального

* Шульга Марина Андреевна – д. пол. н., профессор кафедры государственного управления Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. E-mail: marina_shulga@i.ua.

центра, вокруг которого и конституируется общее европейское пространство. А концепт «евроинтеграция» акцентирует добровольную основу выходящего за пределы существующих национальных, политических и экономических границ сближения государств, обществ и экономик. И, опять же, добровольное делегирование государствами – членами ЕС созданным ими же общим институтам части своих полномочий. Эта добровольность и воспринимается в качестве гаранта того, что решения в некоторых сферах общих интересов будут приниматься на общеевропейском уровне демократическим путем.

В отличие от концепта европейской интеграции концепт Европеизации отражает, как интеграционные процессы влияют на страны-участницы, какие изменения на национальном уровне влекут за собой изменения общенациональные. Иначе говоря, как Европейский союз в лице своих общих институтов и политик воздействует на страны-члены, и каковы последствия такого воздействия. Точнее – как страны-члены воспринимают и переживают эти последствия: как желательные или как вынужденные для себя.

Именно поэтому концепт Европеизации применяют для исследования Европейского союза (а не Европы в целом), расшифровывая его как «Еuropeизацию» самих государств – членов Европейского союза, то есть как упрочение и распространение общих для них политических правил, норм и практик. В этом контексте Европеизация – суть политический проект, нацеленный на объединение и политическое укрепление Европейского союза путем вмешательства центра в национальные и субнациональные системы управления.

Сам термин «Еuropeизация» предлагается толковать трояко [Айзінг 2007: 259–261]. Во-первых, как появление и развитие на общеевропейском уровне различных структур управления, то есть политических, юридических и социальных институтов, формализующих взаимодействие акторов во время политического решения вопросов, а также как становление политических систем, специализирующихся на создании обязательных европейских правил. Здесь термин «Еuropeизация» фактически является синонимом термина «Европейская интеграция», обозначающего, как отмечалось выше, становление структуры (единого центра) коллективного принятия решений странами – членами Европейского союза.

Во-вторых, как производный от евроинтеграции процесс преобразования политической и экономической динамики Европейского союза на часть организационной логики национальной политики. Такое прочтение Европеизации акцентирует то, что действия общеевропейских институтов могут иметь различные последствия и результаты в странах-членах, а влияние ЕС на национальном уровне зависит не только лишь от эффективности функционирования его органов, но и от конкретных национальных факторов.

Второе истолкование термина «Еuropeизация» позволяет говорить о двух типах Европеизации – «сверху» и «снизу». Европеизация «сверху» происходит, например, благодаря Европейскому центральному банку путем установления показателей общеевропейской ценовой стабильности. Европеизация «снизу» осуществляется за счет структурных экономических реформ в сфере рыночной рабочей силы, тарифных соглашений и социальных расходов. Проводя эти реформы, страны-участницы фактически конкурируют за лучшую национальную политическую программу. При этом государства могут укреплять свой статус и влияние в ЕС, если они способствуют тому, что другие государства-участники заимствуют их программу. Учитывая это, государства-участники в своих стратегиях реформ

пытаются быть оригинальными и предоставлять характер моделей собственным способам решений, с тем чтобы обеспечить перенос специфических элементов локальной политической системы на общенациональный уровень для минимизации затрат на согласование этих систем и получения преимуществ в конкуренции. Поэтому европеизация «снизу» изучается в рамках концепции «нескольких Европ», согласно которой каждое государство-участник претендует и пытается получить концептуальную ведущую роль в сфере политики экономического роста и занятости.

Третье толкование термина «европеизация» фактически обобщает предыдущие два, а именно: развитие и консолидация определенных институтов и практик на уровне ЕС, с одной стороны, и забота государств-членов о своих национальных политических системах – с другой. Причем такое заимствование касается не политической системы в целом, а отдельных ее элементов, в частности правил, парадигм политики, политических программ стран-членов и т. п. Тем самым европеизация определяется как процесс конструирования, распространения и институционализации формальных и неформальных процедур, убеждений и норм, которые сначала определяются и консолидируются в процессе разработки общих для Европейского союза решений, а затем инкорпорируются в логику локального дискурса, идентичностей, политических структур и публичных политик [Айзінг 2007: 260].

Третье прочтение термина «европеизация» не только делает возможным его сближение с термином «европейская интеграция», но и позволяет говорить о широком понимании последнего. Такое понимание учитывает как общеевропейский уровень интеграционных процессов, так и воздействие этих процессов на национальных игроков. И если в узком понимании европейская интеграция связана собственно с формированием и развитием европейских институтов и политики, то в широком она охватывает также и европеизацию как влияние этих институтов и политик на страны-участницы.

Широкое понимание евроинтеграции свидетельствует о том, что евроинтеграция неоспоримо подразумевает европеизацию. И наоборот – европеизация является необходимым следствием евроинтеграции. Однако оперирование не понятиями и терминами, их обозначающими, а концептами, которые, будучи предметом «эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений», не только мыслятся, но и переживаются [Степанов 2004: 42], не позволяет установить обратный порядок этой зависимости. Причиной тому – двоякая направленность самих процессов европеизации. Во-первых, эти процессы могут быть нацелены на страны – члены ЕС. В этом случае принято говорить о европеизации в контексте ЕС, которая и является необходимым элементом евроинтеграции в широком понимании этого термина. Во-вторых, европеизация может использоваться по отношению также и к странам, не входящим в Европейский союз, – к государствам – кандидатам на вступление или же странам-соседям. В этом случае более корректно говорить о собственно европеизации или европеизации в контексте периферии ЕС, которая существует в виде распространения форм европейской политической организации и управления за пределы территории Европейского союза.

Разница заключается в том, что принятие общих правил действующими членами Европейского союза часто следует из иных механизмов, чем «покорность потенциальных членов ЕС» [Вахудова 2009: 272]. В первом случае Европейский союз рассматривается как структура, в рамках которой и происходит процесс ев-

ропеизации, связанный с принятием наднациональных норм и правил нынешними его государствами-членами. «Ведущим мотивом в нем является принятие наднациональных норм и правил нынешними государствами – членами ЕС, которое иногда обозначают термином “ЕС-изация”» [Вахудова 2009: 272]. При этом считается правилом, что большинство общественных игроков реагирует на европейскую политику и институты ЕС в соответствии с привычками и опытом, приобретенным в своих национальных политических системах. Следствием этого является, например, слабое обратное влияние ЕС на национальные модели представительства интересов. Так, на уровне ЕС образовалась сетевая форма представительства интересов, характеризующая политические отношения вне существующих институтов. На национальных же уровнях продолжают существовать модели корпоративизма, плюрализма, этатизма, что говорит о приспособлении национальных акторов к ЕС с помощью привычных для себя политико-управленческих практик.

Повторим, что европеизация в контексте ЕС предусмотрена евроинтеграцией в широком ее понимании. А потому существует как «интерактивный процесс, где страны-члены, на которые воздействует процесс интеграции в ЕС, являются в то же время акторами, иницирующими и формирующими этот процесс» [Европеизация... 2005: 27]. Примером такой двусторонней связи может быть процедура комитологии, суть которой заключается в том, что государства-члены ограничивают и контролируют исполнительную власть Европейской комиссии с помощью специальных комитетов в составе представителей государств-членов под председательством представителя Комиссии.

В случае же собственно европеизации или европеизации в контексте периферии Европейский союз выступает как самостоятельный и внешний по отношению к своей периферии игрок. ЕС европеизирует свою периферию, а «государства, на которые воздействует этот процесс, не имеют институциональных средств участия в принятии Европейским Союзом решений, затрагивающих их интересы» [Там же]. Скажем, торговые партнеры Европейского союза должны повиноваться правилам, регулирующим доступ к его рынкам, не принимая при этом участия в установлении этих правил и не имея никакого контроля над их процедурными изменениями. Тем самым государства периферии поддерживают с ЕС различного рода институциональные контакты, но характер и интенсивность этих контактов определяет сам Европейский союз. И если термин «европеизация» охватывает оба контекста европеизации – и ЕС, и периферию, – то концепт европеизации связан все же исключительно с контекстом периферии. Ведь в случае «ЕС-изации» европеизация воспринимается ее участниками как «интерактивный процесс», организуемый и осуществляемый всеми без исключения игроками на добровольной основе. «В случае ЕС особенно важно, что права, полномочия и компетенции распределяются между многими государственными уровнями, связанными между собой в политическом процессе принятия и воплощения решений, причем ни один уровень не может в одностороннем порядке быть устраненным с этого процесса» [Айзінг 2007: 257]. Именно добровольность сближения государств, обществ и экономик, как отмечалось выше, и акцентируется концептом евроинтеграции, который в данном случае своеобразно поглощает концепт европеизации, обесценивая его исследовательскую значимость. Ведь европеизация в контексте ЕС переживается как неотъемлемая составляющая евроинтеграции, одобряется как необходимое условие сближения государств-членов и усиления взаимосвязи между ними с це-

лью формирования единой общеевропейской системы принятия коллективных решений, а потому может изучаться как атрибут европейской интеграции.

Выделение же «ЕС-изации» как еще одного наряду с евроинтеграцией процесса, наверное, и провоцирует возникновение тех методологических проблем в изучении европеизации в контексте Европейского союза, на которые сетуют европейские ученые. Это и невозможность рассмотрения европеизации как простого соотношения между национальным и общенациональным состояниями; и тот парадокс, что страны, в которых общеевропейские регуляторные акты не привели к каким-либо изменениям, могут быть столь же европеизированными, как и государства, в которых благодаря этим актам осуществлено много существенных изменений; и наличие альтернативных моделей приспособления национальных систем к евроинтеграции; и проблема временного сравнения как проблема очерченности европейской интеграции и европеизации [Айзінг 2007: 265–269].

В контексте же периферии ЕС европеизация сопряжена с моментом принудительности (а не добровольности и интерактивности), поскольку процессы уплотнения и усиления связей, присущие евроинтеграции, не предусмотрены здесь как таковые. Поэтому концепт европеизации здесь уместен, ценен и интерес, ведь он отражает реакцию периферии на европеизацию ее Европейским союзом в ситуации далеко не партнерских (не формируемых по принципу «субъект-субъект») отношений между ними. Это и надежды на европеизацию, и сомнение в ее действительности вкупе с разочарованием в ее плодах. Это и эйфория в ожидании жизни по канонам европейских ценностей, и привкус горечи от осознания, что эти ценности, оказываясь не высокими стандартами развития, а жесткими его ограничителями, способны лишь манить. Концепт европеизации в этом случае оказывается сгустком разноречивых переживаний и чаяний, свойственных периферии ЕС.

Не в последнюю очередь это связано с тем, что европеизация в контексте периферии получает внешнеполитическое измерение и может рассматриваться как своеобразный самостоятельный инструмент внешней политики Европейского союза, в частности как форма участия последнего в решении так называемых сецессионистских конфликтов [Европеизация... 2005: 19–33]. В этом случае европеизация является процессом, который приводится в действие и стимулируется европейскими институтами путем привязки окончательного решения сецессионистского конфликта к определенной степени интеграции заинтересованных сторон в европейские структуры. То есть предполагается, что перспектива членства в европейских структурах трансформирует поведение и позиции политических акторов, вовлеченных в сецессионистский конфликт, таким образом, что урегулирование этого конфликта в конечном итоге осуществится. Европейский союз добивается решения сецессионистского конфликта фактически за счет обещания предоставления разделенной стране доступа к ЕС [Там же: 19].

Принимая участие в урегулировании сецессионистских конфликтов, Европейский союз использует так называемые пассивные рычаги своего влияния, то есть повествование о привлекательности членства в ЕС. Пассивное влияние является той «тягой», которую ЕС направляет на внутреннюю политику вероятных кандидатов на вступление исключительно благодаря факту своего существования «как цивилизационного выбора, как демократического общества, как гаранта безопасности и как шанса для экономического процветания» [Вахудова 2009: 86, 91].

Рычагами пассивного воздействия является демонстрация Европейским союзом:

1) политических выгод от членства в ЕС (подчинение правилам ЕС, что, в частности, позволит регулировать отношения с могущественными соседями, а также получение права голоса в принятии решений ЕС);

2) экономических выгод от членства в ЕС (доступ к рынку ЕС, поступления из бюджета ЕС, рост инвестиций, призванный обеспечить экономический рост, и рост предпринимательства, долженствующий повлечь за собой рост умений);

3) выгод, связанных с избавлением от расходов в случае недопущения, что выгледит особенно эффектно на фоне постоянного потока помощи, экспертной поддержки и прямых иностранных инвестиций, вливаемого во вновь присоединенные соседние страны [Вахудова 2009: 87–94]. М. Леонард в этом контексте оперирует термином «пассивная агрессия», смысл которой заключается в том, чтобы «забрать протянутую руку дружбы» и лишить некоторые страны перспективы вступления в Европейский союз [Леонард 2006: 79].

Понятно, что пассивные рычаги влияния могут использоваться в отношении как разделенных государств, так и государств, которые не страдают от сепаратистских конфликтов. Кроме перечисленных выше рычагов пассивного воздействия ЕС на свою периферию европейские исследователи выделяют следующие механизмы ее европеизации [Европеизация... 2005: 33–39]. Во-первых, кондициональность. Это принудительный механизм европеизации, нацеленный на изменение поведения акторов с помощью вознаграждений и санкций в случае, соответственно, принятия или отвержения ими предложений со стороны ЕС в виде финансовой и технической помощи, институциональных связей, доступа к рынку и, конечно же, перспективы членства. «Членство в ЕС, подобно горшку с золотом, является достаточно сильным стимулом, чтобы заставить страны пережить болезненные процессы реформ, необходимые для того, чтобы стать успешными и свободными» [Леонард 2006: 83].

Следующий механизм европеизации – социализация и социальное обучение, обеспечивающие усвоение элитами государств периферии европейских норм, ценностей, а также способствующие развитию новых идентичностей. Социализация задает внутренним игрокам четкие ориентиры в виде либеральных рыночных принципов и стандартов демократического управления, ориентируясь на которые эти игроки теперь должны определять свои интересы и идентичности. Социальное обучение предполагает тесные контакты между ЕС и странами, в него не входящими, с целью формирования плотного институционального окружения вокруг ЕС путем создания в странах его периферии политических институтов по европейскому образцу.

Третий механизм европеизации – это «осмысление уроков». Он определяется как модель ситуации, когда знание в сфере одних политических реалий используется для развития политической жизни в других обстоятельствах и в другое время. «Осмысление уроков» включает: 1) «мягкие» трансферы, то есть передачу идей, концепций и подходов; 2) «жесткие» трансферы, то есть передачу программ и способов их применения.

Европеизация разделенных государств является асимметричным процессом, поскольку, во-первых, не существует никаких институциональных каналов взаимодействия между ЕС и не признанными властями сепаратистскими образованиями. Во-вторых, интеграция и политика ЕС по-разному воспринимаются враждующими сторонами. В-третьих, ЕС может предлагать ресурсы и легитимацию

одной стороне сепаратистского конфликта, значительно ограничивая возможности доступа к ним другой.

Европеизация неразделенных государств также отмечена фактом асимметрии. Ведь играя по правилам ЕС, пытаясь полностью переориентировать свою торговлю на рынки ЕС, элиты стран, подпадающих под европеизацию, фактически реализуют стратегию максимизации своей зависимости от ЕС. Л. Грубер по этому поводу замечает, что «региональные организации вроде ЕС всегда будут обслуживать интересы государств-основателей, а не интересы более поздних пришельцев, которые, скорее всего, предпочли бы, чтобы этих организаций вообще не существовало» [цит. по: Вахудова 2009: 90].

Социализация и социальное обучение как инструменты европеизации в контексте периферии ЕС позволяют говорить о такой ее составляющей, как гуманитарное измерение расширения ЕС. Суть этого измерения отражена в «европейской политике соседства» или «политике сходства» и заключается в намерении ЕС сделать своих соседей похожими на себя, не делая их при этом своими членами. Уже упомянутый М. Леонард называет такое намерение «превентивным вмешательством», нацеленным на создание политических и институциональных основ стабильности стран-соседей и базирующимся поэтому на стратегии долгосрочного присутствия ЕС в их жизни за счет экономического и правового вмешательства упреждающего характера.

По словам же С. Гоцци, «политика сходства» строится на понимании «близости» как фактора, призванного упреждать возникновение любых препятствий на пути формирования таких отношений между ЕС и его соседями, которые будут «разделять все, кроме институций» [Гоцци 2003: 282]. Именно «близость» должна помочь соседям ЕС сдвинуть с места тяжелый процесс внутренних реформ. При этом привлекательность ЕС и членства в нем сами по себе будут играть роль «внешнего давления», мотивируя к осуществлению внутренних преобразований.

Как мы видим, европейская политика соседства не предусматривает получения странами, в нее вовлеченными, членства в ЕС. Именно поэтому ее иногда называют «политикой полуоткрытых дверей», призванной найти механизм, позволяющий предупредить требования относительно получения членства и минимизировать для ЕС негативные последствия соседства с рядом государств, в первую очередь в контексте угроз нелегальной миграции, контрабанды, организованной преступности, межэтнических конфликтов и т. п. Тот же С. Гоцци считает, что европейский единый рынок и право Европейского союза позволят ЕС в полном объеме использовать внешний потенциал всех отраслей своей общей политики в отношениях с соседями, с тем чтобы без предоставления им членства в ЕС приблизить их к себе. Более мягко формулирует эту мысль Р. Проди: «Мы должны быть готовы предложить нечто большее, чем партнерство, но меньшее, чем членство; не исключая членства, если и когда соседние страны будут к нему готовы» [цит. по: Там же: 282]. Эти слова Проди свидетельствуют о том, что ЕС в своей «политике сходства» и шире – в процессе европеизации собственной периферии во многом ориентируется на так называемую исключительную стратегию, когда учредительные нормы организации рекомендуют принять прежде, чем позволят войти в ее состав [Там же: 60]. При этом достижение соответствия нормам ЕС автоматически не компенсируется получением права членства в нем. Вспомним о так называемом четвертом критерии членства в ЕС, согласно которому ЕС оставляет за собой право определять момент, когда он будет готов принять новых

членов. А каждое государство-член имеет право наложить вето на вступление нового государства или, по крайней мере, эффективно блокировать прохождение последним различных этапов вступительной процедуры.

Отсюда возможность определения и восприятия Европеизации в контексте периферии ЕС как целенаправленной политики последнего с конкретными объектами для воздействия, а не как совместной попытки двух субъектов создать что-то общее для себя. Отсюда – вся та гамма разноречивых переживаний и оценок, которую несет в себе концепт Европеизации. Отсюда – разность его переживания со стороны стран – членов ЕС и стран его периферии. Так, для самого ЕС концепт Европеизации играет роль своеобразного зеркала, отражающего не только (и не столько) привлекательность Европейского союза, но и ту правду о «политике полуоткрытых дверей», которая порождает и питает различные сомнения и переживания в этой самой привлекательности.

Для стран же периферии ЕС концепт Европеизации – это своего рода предостережение и от опасности бездумного преклонения перед блеском европейских ценностей, и от поспешно-непродуманного (иногда – в пику другим своим соседям) сотрудничества с ЕС на правах объекта его «политики схождения». В этом плане концепт Европеизации нацеливает государства периферии на прагматизм в отношении с Европейским союзом, на восприятие сотрудничества с ним и – в перспективе – членства в нем не как самодостаточной цели, а как средства для достижения своих интересов. При этом граждане должны как минимум быть проинформированы не только о плюсах, но и о минусах такого сотрудничества и членства. Знать и понимать, что Европеизация не тождественна евроинтеграции, а сама евроинтеграция, как она осмысливается и переживается в рамках соответствующего концепта, начинается даже не с момента процедуры вступления в ЕС, а с момента приобретения членства в нем. Правящим же элитам государств периферии ЕС, дабы выиграть от «политики схождения», важно еще до приобщения к ней обеспечить своим гражданам надлежащий уровень жизни и отказаться от спекуляций на тему «палочки-выручалочки» в виде европейских стандартов и европейских ценностей, то есть проводить не проевропейскую, а прогосударственную политику, памятуя давнюю мудрость о том, что вечными для любого государства могут быть лишь его интересы.

Литература

Айзінг Р. Європеїзація та інтеграція. Концепти дослідження ЄС / Р. Айзінг // Європейська інтеграція. Уклад.: М. Яхтенфукс, Б. Колер-Кох; пер. з нім. М. Яковлева. Київ : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. С. 255–274.

Вахудова М. А. Нерозділена Європа: демократія, важелі впливу та інтеграція після комунізму. Київ : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009.

Гоці С. Урядування в об'єднаній Європі. Київ : К.І.С., 2003.

Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии. М. : Весь мир, 2005.

Леонард М. XXI – век Европы. М. : АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2006.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М. : Академический Проект, 2004.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

СТРАСТИ ПО КЛИМАТУ. КТО И ПОЧЕМУ ПРОТИВ БОРЬБЫ С ГЛОБАЛЬНЫМ ПОТЕПЛЕНИЕМ?

Вебер А. Б.*

С конца XX в. обсуждение проблемы климатических изменений и их последствий для человечества перешло в политическую плоскость – как противостояние «алармистов» и «скептиков», сторонников и противников борьбы с глобальным потеплением. Сопротивление последних затруднило переговоры о всеобъемлющем и обязывающем международном соглашении по климату, которое пришло бы на смену не отвечающему масштабу проблемы Киотскому протоколу. Ситуация становится все более тревожной, о чем напомнил Пятый доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК). Кто и почему выступает против оценок и рекомендаций МГЭИК? Этот вопрос по-прежнему сохраняет актуальность в связи с намеченной на 2015 г. новой конференцией ООН по климату.

Ключевые слова: изменение климата, глобальное потепление, природные и антропогенные факторы, соглашения по климату, устойчивое развитие.

Since the late 20th century, the debate on climate change and its consequences for humanity has moved to the political plane as a confrontation between “alarmists” and “skeptics”, supporters and opponents of fighting global warming. The resistance of the latter has impeded negotiations on a comprehensive and binding international climate agreement that would replace the Kyoto Protocol which no longer meets the scale of the problem. The situation is becoming increasingly worrying, as the Fifth Assessment Report by the Intergovernmental Panel on climate change has reminded. Who and why is opposed to the assessments and recommendations of the IPCC? This issue is still relevant in connection with a new UN Climate Conference scheduled for 2015.

Keywords: climate change, global warming, natural and anthropogenic factors, climate agreement, sustainable development.

«Что же касается проблемы глобального потепления, то следует наконец признать, что это следствие циклических изменений климата, имеющих естественную природу, и что теория так называемого парникового эффекта не имеет научного обоснования, как, впрочем, и заключенный на ее основе Киотский протокол» [Снакин 2014: 11].

Это цитата из статьи известного российского ученого-биолога, опубликованной по стечению обстоятельств практически одновременно с выходом в свет оче-

* Вебер Александр Борисович – д. и. н., главный научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: mailbox@polisma.ru.

редного, пятого по счету Оценочного доклада (Assessment Report) авторитетной Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), где подтверждается, в том числе на основе полученных сотнями исследователей из многих стран новейших данных, решающая роль *антропогенного* фактора в наблюдаемом за последние десятилетия глобальном потеплении.

Регистрируемое учеными повышение интенсивности так называемого парникового эффекта (а он существует с тех пор, как возникла земная атмосфера) по сравнению с доиндустриальной эпохой – прямое следствие роста масштабов хозяйственной деятельности человека и народонаселения. В результате антропогенная эмиссия парниковых газов (ПГ) достигла беспрецедентных масштабов. По данным упомянутого доклада, с 1750 по 2011 г. совокупный объем антропогенной эмиссии CO₂ в атмосферу достиг 2040 (±310) млрд т. Из этого объема примерно 40 % (880 млрд т) осталось в атмосфере, остальное поглощено мировым океаном и растениями, почвами на суше. Половина этой антропогенной эмиссии пришлось на последние 40 лет [Climate Change... 2014a: 4]

С ростом объема выбросов растет их радиационное воздействие. Доказано, что при нынешних темпах эмиссии ПГ – если не будут предприняты скоординированные международные усилия для их сокращения – средняя температура на земной поверхности к концу XXI в. может повыситься на 3,7–4,8 °C по сравнению с уровнем 1850–1900 гг., а с учетом неопределенности природных климатических изменений – и на большую величину [Там же: 21]. Это грозит и природным системам планеты, и человечеству самыми тяжелыми последствиями – все более частыми и масштабными стихийными бедствиями, распространением голода, войнами за территории и доступ к ресурсам, угрозой самому существованию человечества.

Выводы последнего доклада МГЭИК – еще один тревожный сигнал, обязывающий политиков ускорить выработку, согласование и принятие всеобъемлющего и обязывающего международного соглашения по климату, которое заменило бы Киотский протокол (1997), первый срок действия которого истек в декабре 2012 г. Предполагалось, что новое соглашение будет принято на Копенгагенской конференции ООН по климату в 2009 г., но она не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Переговоры натолкнулись на серьезные трудности, связанные прежде всего с разногласиями между развитыми и развивающимися странами. На последующих встречах по линии Рамочной конвенции ООН по климату удалось договориться о продлении действия Киотского протокола до 2020 г., но это паллиатив, так как сфера его действия и эффективность весьма ограничены. Очередная конференция ООН по климату должна состояться в Париже в 2015 г.

К сожалению, у МГЭИК немало противников, которые на протяжении многих лет стремятся дискредитировать ее деятельность и оспорить выводы. И тем самым помешать принятию нового, всеобъемлющего соглашения о климате. Кто и почему против? Вопрос не праздный и заслуживает внимания.

Постоянным оппонентом МГЭИК стала базирующаяся в США организация под названием Неправительственная международная группа экспертов по изменению климата (далее НГИК). В самом названии содержится вызов – претензия на альтернативу МГЭИК. Последнюю третируют как скорее политическую, чем научную организацию, так как она зависит, мол, от правительств и действует в их интересах. Утверждение нелепое хотя бы потому, что ни США при президенте

Дж. Буше-младшем, отозвавшем американскую подпись под Киотским протоколом, ни Китай, ни Россия, как и многие другие государства, первоначально вовсе не стремились включаться в борьбу с глобальным потеплением.

На публикацию Четвертого оценочного доклада МГЭИК (февраль 2007 г.) основатель и руководитель НГИК Фред Зингер ответил своего рода манифестом под названием «Природа, а не деятельность человека, управляет климатом» (“Nature, Not Human Activity, Rules the Climate”). Одновременно НГИК стала готовить развернутый ответный доклад (“Climate Change Reconsidered”), который был опубликован в июне 2009 г., то есть за несколько месяцев до Копенгагенской конференции, с явной целью повлиять на ее исход.

Доклад НГИК был представлен и разрекламирован как «самая полная критика позиции МГЭИК». Если, говорилось в предисловии, МГЭИК считает, что рост средней температуры с середины XX в. «*весьма вероятно*» вызван ростом концентрации ПГ в атмосфере, то НГИК делает противоположный вывод: «...*весьма вероятно*, что доминирующей причиной изменения климата являются естественные причины». Это утверждение сопровождалось оговоркой: «Мы не говорим, что антропогенные парниковые газы не могут вызывать некоторого потепления или не вызывали его в прошлом. Наш вывод: они не играют *существенной* роли» [Idso, Singer 2009: iii].

Спустя два года (в августе 2011 г.) НГИК опубликовала «промежуточный доклад» – обзор работ близких ей по взглядам авторов, появившихся после 2009 г., а затем, уже в предвидении Пятого доклада МГЭИК, – два новых объемистых доклада: “Climate Change Reconsidered II: Physical Science” (17 сентября 2013 г.) и “Climate Change Reconsidered II: Biological Impacts” (31 марта 2014 г.). Оба названных доклада имели ту же цель, что и доклад 2009 года, – дискредитацию выводов готовившихся к публикации отчетов трех рабочих групп МГЭИК и полной сводной версии Пятого доклада.

Основной метод все тот же: обзор и обобщенное изложение частных мнений противников концепции глобального потепления, конструирование на их основе собственных предвзятых выводов, сопровождаемое надуманными обвинениями в адрес МГЭИК, которая будто бы игнорирует роль естественных факторов и сосредоточивает внимание исключительно на антропогенных факторах, допуская возможность «управления климатом». В действительности ученые МГЭИК вовсе не отрицают природной изменчивости климата, рассматривая антропогенный фактор как новое явление и существенную причину нарушения сложившегося ранее в природе климатического и вообще биосферного равновесия, а предлагаемые меры адаптации и смягчения – как управление *общественными процессами*, которое позволило бы снять избыточную антропогенную нагрузку на внешнюю природную среду.

Противники МГЭИК пытаются обосновать свою «альтернативную» концепцию ссылками на природные циклы потеплений и похолоданий в прошлом. Но это циклы длительностью в сотни, тысячи и десятки тысяч лет, что несопоставимо с периодом в несколько десятилетий, о котором идет речь сегодня. Не надо быть специалистом в области климатологии, чтобы понять: аналогия с прошедшими эпохами неуместна. Настаивание на ней свидетельствует о пренебрежении системным подходом, о стремлении внушить другим свои предвзятые взгляды, продиктованные отнюдь не научными интересами.

Патроны НГИК и не скрывают действительной причины неприятия выводов МГЭИК: для них неприемлема мысль о необходимости большей роли правительств, естественно вытекающая из признания антропогенного фактора в изменении климата (“we are not biased toward the assumption that greater government activity is necessary”). Действительный смысл отрицания антропогенного фактора – забота о свободе рынка и частного предпринимательства, об интересах тех корпораций, которые являются одними из главных виновников недопустимого увеличения эмиссии ПГ. Если все дело в природных процессах, то и предпринимать ничего не надо.

Эту сторону дела высветил скандал, который разразился в США в феврале 2012 г., когда в распоряжение печати попали внутренние документы Хартлендского института (Heartland Institute) – консервативной американской организации, которая взяла на себя публикацию докладов НГИК и, как оказалось, финансировала ее. Хартлендский институт не раскрывает своих финансовых источников, но известно, что в числе его спонсоров – ряд американских фондов консервативной политической направленности, а также крупные корпорации в таких отраслях, как нефтегазовая индустрия, автостроение, табачная индустрия, фармацевтика и др.

Из опубликованных документов стало известно, что Хартлендский институт выплачивал большие суммы денег так называемым «климатическим скептикам» и оказывал финансовую поддержку соответствующим исследовательским проектам. Из кассы института получали деньги авторы и редакторы упомянутых выше докладов НГИК – Крэг Идсо (11 600 долларов в месяц), Фред Зингер (5000 долларов в месяц плюс на текущие расходы) и другие. Стало известно также о закрытых планах института, направленных на дискредитацию наук о климате и противодействие преподаванию в школах по программам, разъясняющим концепцию глобального потепления [The Heartland...].

Кто и почему платит тем, кто готов оспаривать роль антропогенного фактора в изменении климата, стало известно еще раньше. Любопытные факты всплыли, в частности, в связи с английским телевизионным фильмом “The Great Global Warming Swindle” («Великая ложь о глобальном потеплении»), показанном по четвертому каналу BBC 8 марта 2007 года. Показ фильма был приурочен к публикации Четвертого доклада МГЭИК по оценке климата. Фильм был пронизан одной идеей: принятый мировым научным сообществом вывод об антропогенной природе наблюдаемого ныне глобального потепления – ложь.

Фильм тогда же был публично изобличен в Англии как пропагандистский, основанный на искажении фактов, на передержках и по крайней мере одном доказанном подлоге. В адрес британского Бюро по коммуникациям (Ofcom) на него поступило 265 жалоб, в том числе 176-страничный доклад группы британских ученых с детальным разбором содержания фильма. Ofcom вынес по этим жалобам специальное определение, констатировав множество нарушений британского радиовещательного кодекса, допущенных создателями фильма.

Критики фильма не ограничились указанием на искажение фактов, но и привели неопровержимые доказательства того, что его создатели были в той или иной мере связаны с угледобывающими, нефтегазовыми и энергетическими компаниями или с организациями, лоббировавшими их интересы. К обращению британских ученых был приложен список лиц, имевших отношение к созданию фильма, и сведения об этих организациях и источниках их финансирования. Вот

некоторые приведенные там данные: American Council on Science and Health (ACSH) – с 1998 г. получил от Exxon Mobil 125 000 долларов; American Legislative Exchange Council (ALEC) – с 1998 г. получил от Exxon Mobil 1 127 700 долларов; Atlas Economic Research Foundation (AERF) – с 1998 г. получил от Exxon Mobil 925 000 долларов и т. д.

Это лишь небольшая часть обширной информации о связях и источниках доходов создателей фильма, которая содержалась в упомянутом докладе, размещенном в Интернете (см. Summary of Complaint to Ofcom Regarding “The Great Global Warming Swindle”. Final Revision. Июнь 2007 г.). Надо добавить, что наш Первый телевизионный канал в один из октябрьских дней 2009 г., то есть незадолго до Копенгагенской конференции, показал русскую версию этого фильма, умолчав о скандальной его подоплеке. Остается лишь догадываться, кто профинансировал эту затею и в чьих интересах это делалось.

Копенгагенская конференция по климату началась на фоне скандала, прозванного Климатгейтом. Неизвестные хакеры вскрыли электронную переписку ученых из Центра климатических исследований Университета Восточной Англии. В переписке упоминалось якобы о нежелательности публикации исследований, отрицавших факт глобального потепления, о снижении, а не росте температуры на Земле. Как потом выяснилось, это была совершенно произвольная интерпретация частных мнений, высказанных в порядке неформальной дискуссии, да еще и на не всегда понятном для других профессиональном сленге.

Тем не менее Конгресс США, где преобладали противники мер против глобального потепления, потребовал официального расследования. Была создана специальная комиссия, в центре внимания которой оказался один из главных героев скандала – американский профессор Майкл Манн, создатель выразительного графика температурных изменений на Земле, известного как «хоккейная клюшка». Его обвиняли в сокрытии и фальсификации климатических данных. Но эта комиссия, как и две комиссии его университета, не нашла подтверждения этим обвинениям, оправдав М. Манна. В Великобритании были оправданы и другие ученые, ставшие фигурантами этого дела.

Однако раздутая противниками МГЭИК и средствами массовой информации пропагандистская кампания сделала свое дело, усилив позиции «скептиков» в преддверии Копенгагенской конференции. Среди тех, кому Климатгейт оказался на руку, был, в частности, Андрей Илларионов – бывший советник президента Путина по экономическим вопросам, в начале 90-х «руливший» вместе с Гайдаром и Чубайсом рыночными реформами в России. После отставки в 2005 г. с поста советника (его прогнозы и рекомендации оказались несостоятельными) он уехал в США и поступил там на работу старшим научным сотрудником «либертарианского» Института Катона (Cato Institute).

Еще будучи в должности советника российского президента, Илларионов выступил против Киотского протокола и участия в нем России. В одном из интервью (в 2004 г.) он заявил, что Киотский протокол – это нечто вроде «межгосударственного Госплана», но только намного хуже, что он сродни ГУЛАГу и даже... Освенциму (!). Это «договор смерти (!), ...поскольку его главной целью является удушение экономического роста и экономической активности в странах, которые примут на себя обязательства этого протокола» [Илларионов... 2004]. Эти злобные и провокационные тирады отразили всю меру неприязни приверженца не-

ограниченной рыночной свободы к государственному интервенционизму, подобную той, что питают к нему американские неоконсерваторы.

Но не только это. От ратификации Россией Киотского протокола зависело в тот момент его вступление в силу. Это не входило в интересы его противников в Соединенных Штатах. Позиция советника российского президента, ответственного к тому же за связи с «семеркой», имела в данном случае определенное значение. Поэтому у немецкой газеты «Тагесшпигель» были, по-видимому, основания выступить с прямыми обвинениями в его адрес в статье, посвященной проблеме ратификации Киотского протокола и многозначительно озаглавленной «Драгоценный климат» [Илларионов... 2004].

Незадолго до открытия Копенгагенской конференции 56 газет в 44 странах мира опубликовали редакционную колонку британской «Гардиан» с призывом к мировому сообществу поддержать борьбу с климатическими изменениями. От имени дотоле никому не известной, да и в дальнейшем никак не проявившей себя организации «Международная гражданская коалиция по вопросам изменения климата», А. Илларионов представил «ответ» на «Обращение 56», опубликованный, как он утверждал, в 14 странах. О Копенгагенской конференции там было сказано, что она преследует «ложные цели»...

Илларионов присовокупил к этому собственное заявление, в котором вновь оспаривал научную обоснованность антропогенной природы наблюдаемого глобального потепления (упрекать в этом человечество, мол, «антигуманно»). Единственная правильная политика, по его словам, – это ускорение экономического роста, развитие свободной торговли, защита прав частной собственности [Илларионов 2009]. Он и в дальнейшем не упускал случая внедриться в серьезные дискуссии по проблемам климата. В одной из таких дискуссий он вновь апеллировал к Климатгейту, но опытный взгляд специалиста-климатолога легко обнаружил в его дилетантских комментариях массу элементарных ошибок, путаницы и даже фальсификаций [Кириленко 2010].

Как и на Западе, в России немало тех, кто готов оспаривать антропогенный фактор глобального потепления. Первой реакцией было: если для кого-то это и угроза, то для России «шанс» на развитие, поскольку откроются возможности повышения производительности сельского хозяйства, уменьшения энергоемкости промышленного производства и жизнеобеспечения, особенно в северных и восточных районах страны [Никонов, Хомяков 1999]. Эти аргументы, кстати, и сейчас в ходу. И еще: меры по смягчению последствий глобального потепления слишком дороги, «нам» они не выгодны, пусть этим занимаются другие...

Глобальное потепление объявляли PR-проектом, раскручиваемым некими «национальными и международными силами» в целях «освоения средств», выделяемых государством на борьбу с «ложными проблемами» [Никонов 2007]. В планах сокращения выбросов ПГ усматривали заговор против России, направленный на то, чтобы развалить экономику страны [Горшков 2009]. С этих позиций выступали и некоторые отечественные исследовательские центры, занимающиеся вопросами национальной энергетики и энергетической стратегии: их эксперты в свое время подвергли нападкам Климатическую доктрину Российской Федерации (подписана в декабре 2009 г. тогдашним президентом Д. Медведевым), утверждая, будто она грозит России «катастрофой».

Выступления в российских средствах массовой информации с оспариванием роли антропогенного фактора в наблюдаемом глобальном потеплении продолжались и после того, как Росгидромет – на основе собственных наблюдений – подтвердил выводы МГЭИК [Оценочный... 2008]¹. Наиболее вызывающей публикацией в этом ряду стал, пожалуй, очерк известной своими реакционными взглядами журналистки Юлии Латыниной, опубликованный под названием «Климатократия» [Латынина 2010]. В этом направленном против «климатических алармистов» очерке два основных тезиса. Первый: теория глобального потепления создает (?) наднациональное правительство, которое получает власть, которую не удалось получить ни Гитлеру, ни Чингисхану, ни Сталину. Второй: «Я хочу, чтобы все твердо понимали, что **СО₂ не является загрязнителем**» (выделено мной. – А. В.).

Что касается первого тезиса, то он настолько нелеп, что вряд ли нуждается в комментариях. Второй тезис требовал какого-то фактического обоснования. Видимость такого обоснования должен был создать ряд таблиц и графиков, приведенных, однако, без указания источников. Но Латынина не специалист в данной области, поэтому во второй части очерка у нее появился соавтор – Майкл Крайтон. Кто такой Крайтон? Это известный американский писатель-фантаст, сценарист, кинорежиссер, постановщик знаменитого фильма «Парк Юрского периода».

Крайтон интересовался проблемами климата, он известен как противник теории глобального потепления, что нашло, в частности, отражение в его фантастическом романе «Государство страха» (2004). Там приводится множество ссылок на публикации, ставившие под сомнение некоторые аспекты изменения климата. Но специалистом в области климатологии он не являлся. Стал ли этот роман источником сведений для Латыниной – трудно сказать. Но соавтором ее Крайтон никак не мог быть, так как скончался в ноябре 2008 г. Да у него, наверное, и не хватило бы фантазии приписать главе МГЭИК Ранджендре Пачаури такую жажду власти над всем миром, какая привиделась автору «Климатократии»².

Присущая этой журналистке неистовая враждебность к активистам экологических движений объясняется, судя по ее писаниям, опасением того, что меры по защите окружающей среды приведут к ограничению потребительских вожделений так называемого среднего класса – количества личных автомобилей, других материальных благ, привычного комфорта. Эта мысль для нее непереносима, она пронизывает ее более позднюю большую статью, которая в очередной раз «разоблачает» мнимых «экофундаменталистов», требующих будто бы «отказа от прогресса» и возврата человечества чуть ли не к первобытному состоянию [Латынина 2013].

Статья эта пестрит нелепыми и просто лживыми утверждениями, начиная с заявления о том, что, по представлению, экологов окружающая среда страдает от новых технологий. Ведь известно, что на самом деле она страдает преимущественно от *старых* технологий, тогда как становление низкоуглеродной экономики требует как раз использования новых и новейших технологий. Никакие пере-

¹ Пользуется поддержкой и другая версия изменения климата – глобальное похолодание. Интересно, что статью на эту тему автор (профессор РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина) сопроводил схемой, на которой точно обозначено начало глобального похолодания – конец 2014 г., а прогноз представлен кривыми... роста спроса на голубое топливо, в том числе прогнозом ОАО «Газпром» [Гаврилов 2014].

² Полная версия очерка была помещена на сайте «Новой газеты», но вторая часть потом оттуда исчезла.

держки не кажутся автору чрезмерными; здесь и присущая якобы большинству простых людей (толпе!) «ненависть к прогрессу», и «экофундаменталистская инквизиция», которая настраивает людей на «борьбу с наукой и техническим прогрессом», и «жрецы новой экологической церкви», жаждущие регулировать все и вся в роли «мирового правительства», и бог знает что еще.

Латынину читают, в том числе в Интернете, десятки тысяч людей, и многим ее бесцеремонный стиль и столь же бесцеремонные суждения нравятся. Да и расчитаны они, конечно, на самые примитивные представления, на невежество многих в вопросах экологии. Хотя немало и тех, кто не клюнул на грубые передержки и увидел за словестной эквилибристикой отсутствие какого-либо реального смысла, отметил это в своих комментариях на сайте «Новой газеты».

Эксперты, участвовавшие в обсуждении результатов работы МГЭИК, обратили внимание на некоторые неточности в Четвертом докладе, не влиявшие, впрочем, на общие выводы. Тем не менее в 2010 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун распорядился провести «независимую и всеобъемлющую проверку методов и процедур», которых придерживались ученые МГЭИК. Проведение проверки было поручено представительному Международному ученому совету при ООН, учрежденному еще в 2000 г.

Пан Ги Мун подчеркнул тогда же, что не сомневается в основных выводах Четвертого доклада. Несколько небольших неточностей, сказал он, не могут изменить достигнутых результатов в исследовании проблемы изменения климата. И не снижают значимости работы Группы. Угрозы, связанные с изменением климата – реальные, но политики, принимающие решения, и общественность вправе располагать беспристрастной и полной информацией.

При подготовке Пятого доклада его составители учли предложения по улучшению методов и процедур обобщения и интерпретации полученных результатов наблюдений и измерений. Применены более строгие критерии оценки обоснованности каждого вывода. Оговаривается степень достоверности фактов; вероятность измеряемых количественных показателей, основанная на статистическом анализе данных наблюдений или результатов моделирования, или тех и других, а также на экспертных заключениях; и степень согласия по выводам.

Особое внимание обращено на пути и средства борьбы с глобальным потеплением, в том числе на связанные с этим инвестиционные и финансовые аспекты. Показаны возросшие технологические возможности использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Во многих секторах снижение издержек получения возобновляемой энергии делает ее экономически конкурентоспособной. Возможности ее более широкого использования растут. Но, подчеркивается в докладе, здесь требуется и политическая поддержка, включая существенное изменение структуры инвестиций в энергетику, а следовательно, и инвестиционной политики. Возможные затраты на сокращение эмиссии ПГ доклад оценивает в 343–385 млрд долларов в год [Climate Change 2014b: 26]

Если действовать быстро, настаивают авторы доклада, то затраты на снижение эмиссии ПГ до устойчивого уровня оказались бы сравнительно небольшими и тогда не пришлось бы жертвовать надеждами людей на улучшение качества жизни. Напротив, можно говорить о некоторых побочных выгодах этих затрат – таких как улучшение качества воздуха, состояния других экосистем, здоровья людей, устойчивости энергоснабжения и пр. Но издержки борьбы с глобальным потеплением станут все больше нарастать, если в ближайшие 10–15 лет не удастся добиться радикального сокращения выбросов.

Меры по смягчению последствий изменения климата – один из путей к реализации принципа *устойчивого развития*, который декларирован мировым сообществом и национальными правительствами, но все еще далек от практической реализации. В докладе рассматривается широкий набор политических практик, которые могли бы ускорить этот процесс, компенсируя дисфункции рынка (*market failure*), тормозящие его. При том понимании, что это проблема коллективных действий на основе соответствующих ценностных, этических суждений.

Выводы Пятого доклада получили поддержку как со стороны ООН и национальных правительств, так и со стороны международной общественности. Налицо важные подвижки в позициях государств, от которых в решающей степени зависят результаты дальнейших переговоров по новому всеобъемлющему договору о климате. Президенты США и Китая на встрече в Пекине (ноябрь 2014 г.) в совместном заявлении обязались предпринять новые шаги по защите климата. Барак Обама сообщил о намерении США сократить эмиссию ПГ на 26–28 % по сравнению с уровнем 2005 г. Си Цзиньпин объявил, что Китай планирует к 2030 г. повысить долю возобновляемой и ядерной энергии в энергетическом балансе страны до 20 % (с 8 % в 2008 г.). Кроме того, впервые было сказано о решении Китая добиваться к 2030 г. снижения выбросов углекислого газа в атмосферу.

Происходят подвижки и в позиции России. В конце сентября 2013 г. президент Путин подписал указ, устанавливающий для российской экономики цель по выбросам к 2020 г. в объеме не более 75 % от уровня 1990 г. До этого Россия на протяжении определенного периода воздерживалась от участия в международном сотрудничестве посткиотского периода. Важное событие произошло на конференции ООН по климату в Лиме (1–14 декабря 2014 г.): впервые все страны согласились определить свои обязательства по сокращению выбросов парниковых газов. Таким образом, вырисовываются более обнадеживающие перспективы для успеха Парижской конференции ООН по климату в 2015 г. – если, конечно, этому не помешают нынешние конфронтационные тенденции в международных отношениях и другие привходящие обстоятельства.

Литература

- Гаврилов В. Сценарий похолодания // НГ-Энергия. 2014. С. 12.
- Горшков С. Совершенно условный сценарий // НГ-Наука. 2009. 23 сентября. С. 11.
- Илларионов о ГУЛАГе и Освенциме [Электронный ресурс]: Полит.ру. 2004. URL: <http://www.polit.ru/news/2004/04/14/gulag>.
- Илларионов А. Научного консенсуса по климатическому вопросу не существует... // Новая газета. 2009. № 140. 16 декабря. С. 3.
- Кириленко А. Несколько утверждений Андрея Илларионова противоречат действительности [Электронный ресурс]: Полит.ру. 2010. URL: http://www.polit.ru/article/2010/12/15/kirilenko_illarionov.
- Латынина Ю. Климатократия // Новая газета. 2010. № 26. 15 марта. № 27. 17 марта.
- Латынина Ю. Окружающая среда гибнет от нищеты, а не от новых технологий // Новая газета. 2013. № 139. 11 декабря.
- Никонов А., Хомяков П. Глобальное потепление – шанс для России // НГ-Наука. 1999. № 1. Январь. С. 15.

Никонов А. История отможенных в контексте глобального потепления. М. : ЭНАС, 2007.

Оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях в Российской Федерации. Общее резюме. М.: Росгидромет, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://www.aari.ru/resources/m0035/CD_climate_2008/pdf/resume_ob_pdf.

Снакин В. В. Глобальные тенденции в эволюции биосферы // Век глобализации. 2014. № 2. С. 3–13.

Climate Change 2014a. Synthesis Report. Summary for Policymakers. [Электронный ресурс]. URL: www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/syr/SYR_AR5_SPMcorr1.pdf.

Climate Change 2014b: Mitigation of Climate Change. Summary for Policymakers. URL: file:///C:/ulcr/Downloads/ipcc_wg3_ar5_Summary-for-policymakers.pdf.

Idso C., Singer F. Climate Change Reconsidered: 2009 Report of the Non-Governmental Panel on Climate Change (NIPCC). Chicago, IL : The Heartland Institute, 2009.

The Heartland Institute [Электронный ресурс]: Wikipedia. URL: [http://en.wikipedia.org/w/index.php?title=the Heartland Institute](http://en.wikipedia.org/w/index.php?title=the%20Heartland%20Institute).

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: НА ОСТРИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Мазур О. А.*

Активизация деятельности группировки «Исламское государство» в Ираке и Сирии усложнила ситуацию на Ближнем Востоке. Особые изменения коснулись курдского меньшинства, которое оказалось на передовой противостояния террористам. Важнейшие вопросы: принадлежность Киркука и юридическая независимость Иракского Курдистана, раздробленность курдского движения и активное продвижение курдов Сирии к автономии – получили новое развитие. От того, сумеют ли курдские лидеры воспользоваться сложившейся ситуацией и состоявшимися изменениями, зависит будущее курдского анклава в регионе.

Ключевые слова: «Исламское государство», Масуд Барзани, Кобани, Турция, автономия, Салих Муслим.

The rise of Islamic State in Syria and Iraq has deteriorated the situation in the Middle East. Special changes have happened to the Kurdish minority which found itself at the edge of war with the terrorists. The main questions such as official status of Kirkuk, de jure independence of the Iraqi Kurdistan, factionalism of the Kurdish movement, determined attempts of the Syrian Kurds to form autonomy – have got new impulse. The future of the Kurdish region will depend on the ability of the Kurdish leaders to use the current situation.

Keywords: The Islamic State, Masoud Barzani, Kobani, Turkey, autonomy, Saleh Muslim.

Ближний Восток всегда был местом серьезных противоречий, где сталкивались интересы не только тех стран, которые расположены в данном регионе [Абылгазиев, Ильин 2009: 4–60]. Сегодня же обстановка на Ближнем Востоке и вовсе все больше погружается в хаос. Нестабильность в регионе усугубилась с активизацией деятельности террористической группировки «Исламское государство» (ИГ; ранее носила название «Исламское государство Ирака и Леванта»), которая не только держит под контролем значительные части северо-западного Ирака, включая районы проживания курдов, но и распространяет боевые действия на соседнюю Сирию, а также угрожает другим странам. Актуальность статьи обусловлена тем, что курдское меньшинство оказалось на передовой противостояния террористической группировке. Это приводит к значительным потерям и вынуждает правящие курдские элиты приспосабливаться к ежедневно меняющейся военно-политической обстановке. Цель статьи – проследить изменения в развитии курдского вопроса в связи с появлением и активной деятельностью на региональной арене террористической группировки «Исламское государство».

«Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) – суннитская террористическая группировка ваххабитского толка, действующая на территории Ирака

* Мазур Ольга Анатольевна – аспирант кафедры «Политология Востока» ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: olga.mazur.89@mail.ru.

и Сирии. Структура была создана в начале Иракской войны под «зонтиком» «Аль-Каиды» в 2004 г. арабом из Иордании Абу Мусаб аль-Заграви, несколько раз меняла название, в апреле 2013 г. стала именоваться «Исламское государство Ирака и Леванта», что свидетельствовало о ее включенности в военные действия в Сирии. Согласно докладу американского Центра стратегических и международных исследований (Centre for Strategic and International Studies) в 2011 г., Заграви разработал стратегию противодействия вооруженным силам западной коалиции в Ираке, которая включала в себя изолирование сил США, нанесение ударов по ее союзникам, государственным структурам и кадрам Ирака, уничтожение шиитов [Kirdar]. Вскоре стратегия Заграви была отвергнута, что стало началом отмежевания ИГИЛ от ведущей террористической организации мира. После убийства Заграви в июне 2006 г., отхода группировки от «Аль-Каиды» и расширения географии деятельности она, как уже говорилось выше, получила окончательное название – «Исламское государство Ирака и Леванта». Возглавил ИГИЛ Абу Бакр Аль-Багдади.

Целью ИГИЛ изначально провозглашалось создание халифата, единого интернационального государства, базирующегося на шариате, в провинциях Ирака с преобладающим суннитским населением. Позже география деятельности и притязаний группировки была распространена и на Сирию. ИГИЛ стремится развернуть на контролируемой территории элементы государственного управления и жесткий вариант шариата. Это наиболее жестокая группировка, взявшая на себя ответственность за тысячи убитых иракских и сирийских граждан, в том числе курдов.

Финансовую и прочую поддержку ИГИЛ оказывают силы в Иордании, Сирии и Саудовской Аравии. В настоящее время она полагается на фондирование из открытых источников и рекрутирование новобранцев непосредственно из Ирака и Сирии. Значительная часть финансирования является результатом криминальной деятельности, контрабанды и вымогательства [Арзуманян 2014: 26].

Заметное усиление и продвижение «Исламского государства» к заявленным целям стало возможным благодаря политике бывшего премьер-министра Ирака шиита Нури аль-Малики, который не смог сохранить баланс между тремя главными группами населения – шиитами (около 65 % населения), суннитами (около 30 %) и курдами (около 5 %), что вызвало скатывание Ирака в новую гражданскую войну. Эскалация напряженности в провинции (мухафазе) Анбар, самой западной части Ирака с доминированием суннитского населения, началась с протестов суннитов, требовавших освободить десятки тысяч заключенных, которые зачастую арестовывались без должных оснований. Ситуация стала ухудшаться, когда Нури аль-Малики назвал демонстрантов повстанцами и пригрозил принять против них жесткие меры. Серьезные столкновения начались в декабре 2013 г., когда иракские войска разгромили лагерь протестантов в административном центре мухафазы Рамади. Силовая акция правительства в Рамади привела к насильственному отклику суннитских группировок, сильнейшей из которых была ИГИЛ, организовавшая единое командование и постепенно взявшая под контроль большую часть провинции. 6 июня 2014 г. боевики ИГИЛ напали на второй по величине город Ирака Мосул, который был ими полностью оккупирован 10 июня. 11 июня был захвачен Тикрит, террористы заняли ряд городов провинции Салахад-Дин, а 12 июня началось масштабное наступление на Багдад. Приход боевиков

в населенные пункты Ирака сопровождался насилием и массовыми убийствами мирных жителей.

Успехи террористов ИГИЛ в Ираке и активизация деятельности в Сирии позволили им 29 июня 2014 г. объявить о создании исламского халифата на подконтрольной территории Сирии и Ирака, а также переименовать себя в «Исламское государство». ИГ угрожает безопасности всего Ближневосточного региона, однако наибольшие изменения в связи с деятельностью ИГ происходят с курдским меньшинством. Важнейшие вопросы: принадлежность Киркука и юридическая независимость Иракского Курдистана, раздробленность курдского движения и активное продвижение курдов Сирии к автономии – получили новое развитие.

В июне 2014 г., когда правительственные иракские войска бежали от наступающих отрядов ИГИЛ, в конфликт вступило Региональное правительство Курдистана – курдская автономия Ирака, которая на текущий момент является прообразом государства и фактически независима от центрального правительства. 12 июня военизированные курдские формирования – пешмерга – установили полный контроль над городом Киркук, который всегда рассматривался курдами как часть исконно курдской земли. После свержения режима Саддама Хусейна в Ираке в 2003 г. вопрос принадлежности Киркука встал на повестку дня в связи с тем, что курды стали настаивать на реализации статьи № 58 Временной конституции Ирака и статьи № 140 Постоянной конституции, согласно которым переселенные курды в период политики «арабизации» Хусейна должны вернуться на места своего исторического проживания. Вплоть до последних событий глава курдской автономии Масуд Барзани заявлял о необходимости организовать референдум по вопросу включения Киркука в состав региона Курдистан, однако его проведение постоянно откладывалось. Главным камнем преткновения является проблема контроля над нефтяными месторождениями Киркука, которые включают 13 % всех иракских запасов нефти. В связи с бедственным положением иракского правительства и наступлением ИГИЛ курды воспользовались шансом и в единоличном порядке присоединили данные территории. 26 июня Барзани посетил Киркук, где выступил перед собравшимися и назвал присоединение Киркука «огромным достижением, ради которого мы боролись и проливали кровь долгие годы» [President Barzani: We'll...].

Практически сразу после присоединения Киркука 1 июля Барзани объявил о том, что в ближайшем будущем курды Ирака проведут референдум о независимости автономии. Это вызвало недовольство Турции и ряда стран Запада, которые делают ставку на сохранение единого Ирака, пусть и очень условного. Министр иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер заявил, что «независимое государство курдов станет причиной дальнейшей дестабилизации всего региона и новых конфликтов» [Добров].

Очевидно, что избрание нового иракского правительства во главе с премьер-министром Хайдером аль-Абади является последним шансом сохранить Ирак как единое государство. Учитывая, что его значительная часть находится под контролем Исламского государства, экономика Ирака разрушена, а внутренние этнические и религиозные противостояния не прекращаются, вопрос о фактической ревизии франко-английского соглашения Сайкса – Пико от 1916 г. и появлении на территории Ирака нового курдского государства стоит на повестке дня. В нынешних условиях процесс оформления независимости Иракского Курдистана будет зави-

сеть от исхода боевых действий с Исламским государством. Учитывая высокую боеспособность курдских пешмерга, поддержку со стороны США, которые вот уже месяц осуществляют ракетные удары по позициям боевиков и в целом выступают за широкую автономию курдов в Ираке, утверждение курдов на территориях, богатых полезными ископаемыми (нефтеносные районы Киркука), и общую положительную динамику экономического развития курдского региона, можно сделать вывод о том, что мы приближаемся к черте, за которой провозглашение независимости станет простой формальностью.

Как уже было отмечено, группировка «Исламское государство» летом 2014 г. развернула террористическую деятельность и на территории Сирии. Боевикам удалось закрепиться в сирийских провинциях Алеппо и Ракка. Стратегическое значение для ИГ приобрел город Кобани (по-арабски Эйн-аль-Араб), захват которого позволит террористам установить контроль над значительной частью границы между Сирией и Турцией, а также над большей частью севера Сирии. Кобани населен преимущественно курдами, которые в последнее время активно претендуют на большую автономию. С середины сентября курдское ополчение и отряды народной самообороны держат тяжелейшую оборону. Информация о ситуации в городе поступает противоречивая: исламисты утверждают, что контролируют большую часть города, курдские ополченцы заявляют, что им удается отражать атаки. Бои за Кобани, а также географическое положение Сирийского Курдистана, граничащего с подконтрольными территориями Исламского государства, поставили под вопрос существование самого курдского анклава в Сирии.

В июле 2012 г. гражданская война в Сирии впервые затронула Дамаск, что заставило руководство страны перебросить войска на защиту столицы, в том числе и из курдского анклава. Таким образом, сложилась ситуация, когда центральное правительство не контролировало курдские земли, чем и воспользовалась ведущая партия Сирийского Курдистана – Партия Демократического союза (PYD), которая взяла под контроль фактически все курдские территории Сирии и стала активно добиваться прав автономии. К моменту наступления боевиков Исламского государства курды образовали вполне жизнеспособное образование, которое не только активно решало социальные и экономические проблемы, но и могло себя защитить.

Между тем атаки исламистов выявили ряд слабостей курдской автономии в Сирии. Во-первых, курдское движение там крайне раздробленно и представлено двумя ведущими партиями – Партией демократического союза (PYD) и Курдским национальным советом (KNC), каждая из которых имеет свою политическую и идеологическую направленность, программу действий и разную социальную базу. Внутренние противоречия не позволили курдам эффективно и своевременно реагировать на изменение приграничной ситуации, что привело к трагическим последствиям – долгой осаде Кобани, многочисленным жертвам среди гражданского населения, а также появлению беженцев.

Во-вторых, указанные партии ориентируются на разные региональные силы, это ведет к тому, что у курдов нет постоянных региональных партнеров, на которых можно было бы опереться. Общекурдское движение на Ближнем Востоке представлено двумя противостоящими партиями: Демократической партией Курдистана (ДПК) во главе с президентом Курдской Иракской Автономии Масудом Барзани и Рабочей Партией Курдистана (РПК) в Турции, лидером которой явля-

ется Абдулла Оджалан. Партии представляют две модели достижения автономии и признания права курдов на существование. Иракские курды сумели использовать исторический шанс, когда 5 апреля 1991 г. резолюция ООН № 688 осудила репрессии центрального правительства Ирака против гражданского населения страны, и особенно курдов [Организация...]. Это повлекло за собой введение войск США, Франции и Великобритании в курдские районы, в результате возникла Курдская автономная область, которая сегодня фактически независима от центрального иракского правительства и являет пример осуществления курдской мечты. РПК же избрала путь вооруженного противостояния турецкому правительству, что на протяжении более 30 лет является головной болью для официальной Анкары. В марте 2013 г. пребывающий в турецкой тюрьме лидер РПК А. Оджалан призвал свою партию пойти на перемирие с турецким правительством, однако мирный процесс идет вяло, и есть возможность полного срыва достигнутых сторонами договоренностей.

РҮД считается крылом Рабочей партии Курдистана (РПК), действующей в Турции. Анкара и Вашингтон признают РПК террористической группировкой, так как партия более 30 лет ведет подрывную деятельность против законного турецкого правительства для того, чтобы заставить Турцию признать права курдов на самоопределение. Это осложняет взаимоотношения партии с ведущими региональными и международными лидерами, делает ее фактически изолированной на международной арене. КНС пользуется правом международно признанного, легитимного представителя курдского народа в Сирии. Тесные связи с президентом Регионального правительства Курдистана Барзани, а значит, и относительно налаженные отношения с Турцией, делают партию узнаваемой на международной арене. Названные региональные силы, на которые ориентируются две курдские сирийские партии, находятся в жестком противостоянии и имеют разные интересы, что отражается и на самих курдах.

В-третьих, наступление ИГ обозначило особую геополитическую роль Турции для всего курдского движения и для курдов Сирии в частности. Турецкое правительство является главным противником независимого курдского государства в регионе, так как большая часть курдов, около 12 млн человек, проживают на ее территории. Более 30 лет Турция ведет непримиримую борьбу с Рабочей партией Курдистана, которая стремится к признанию за курдами больших автономных прав. Когда в ноябре 2013 г., лидер РҮД Салих Муслим провозгласил создание переходного автономного правительства в Сирийском Курдистане, это вызвало резко негативную реакцию со стороны Турции. Министр иностранных дел этой страны Ахмет Давутоглу заявил, что «автономия не может провозглашаться в одностороннем порядке» [Kurdish...]. Турция использует любые методы, чтобы остановить продвижение курдов к автономии. Когда в середине сентября боевики Исламского государства осадили Кобани, курдский город на самой границе Турции и Сирии, сирийские курды обратились к своим братьям, проживающим в соседних странах, с призывом о помощи. Однако турецкое правительство, контролирующее единственный свободный коридор для снабжения оружием осажденных курдских ополченцев в Кобани, долгое время держало его закрытым. Турция решила воспользоваться ситуацией и выдвинула ряд предложений сирийским курдам. Согласно данным турецкой газеты "Hurriyet Daily", турецкие представители подталкивают РҮД объединить силы со Свободной армией Сирии, ко-

торая сражается с режимом Асада. Президент Эрдоган подчеркнул приоритет цели свержения режима Асада среди задач по борьбе с боевиками Исламского государства. Салеху Муслиму было предложено в Анкаре, чтобы его партия дистанцировалась от РПК и определенно заявила о своей оппозиционности режиму Асада, в этом случае ему пообещали логистическую поддержку в борьбе с террористами ИГ [Sevil Ergus]. Нежелание Анкары оказать помощь Кобани привело к массовым недовольствам курдов Турции, которые в ночь на 7 октября 2014 г. организовали акции протеста в Анкаре, Измире, Адане и ряде других крупных турецких городов.

Под давлением США и Масуда Барзани 21 октября курдские силы пешмерга были пропущены турецким правительством в Кобани для борьбы с террористами ИГ. Новый министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу отметил, что «Анкара в полной мере сотрудничает с мировым сообществом по вопросу поддержки курдов, борющихся с Исламским государством» [Sena Alkan]. Однако турецкое руководство не поддержало идею США поставить курдам Кобани оружие, так как во главе обороны города стоит сирийская Партия демократического союза, которая, как уже было отмечено, считается крылом Рабочей партии Курдистана в Сирии. Бои за Кобани стали лакмусовой бумажкой взаимоотношений курдов и турецкого правительства. Как и ожидалось, несмотря на существующее перемирие с РПК, заключенное в марте 2013 г., и партнерские отношения с курдами Ирака, которые поставляют Турции нефть, Анкара не только всеми силами препятствует усилению курдов Сирии, но и использует любую возможность для продвижения своих интересов в регионе. От того, как лидеры сирийских курдов будут взаимодействовать с Турцией, зависит будущее курдской сирийской автономии.

В-четвертых, хрупкость курдской автономии в Сирии, которой в основном управляет Партия демократического союза во главе с Салихом Муслимом, заключается в слабом взаимодействии данной партии с региональным курдским движением, особенно с Курдским региональным правительством в Ираке во главе с Барзани. После провозглашения Партией демократического союза создания автономного переходного правительства в Сирийском Курдистане Барзани назвал действия РYD авторитарными и направленными на маргинализацию других курдских партий в Сирии. Он также отметил в своем обращении, выложенном на официальном сайте Президента Курдской автономии в Ираке, что «мы поддерживаем только те действия, которые были предприняты по согласованию со всеми остальными курдскими партиями в Сирии» [President...]. Несомненно, Барзани имел в виду поддерживаемый им Курдский национальный совет, который не принял участия в провозглашении и активно вытесняется РYD из политического пространства Сирийского Курдистана. Однако Барзани противостоит не столько самой курдской автономии в Сирии, сколько односторонним действиям, предпринимаемым РYD. Как политик, стоящий у истоков завоевания иракскими курдами фактической независимости, он прекрасно понимает, что любое разногласие внутри курдской общины ведет к крушению общекурдского дела. Приход террористов Исламского государства на сирийские курдские земли стал демонстрацией правоты Барзани. Сирийские курды, опирающиеся на Рабочую партию Курдистана, оказались фактически одни перед угрозой уничтожения, без должного вооружения и подкрепления. Это заставило главу РYD Муслима забыть о конь-

юнктурных политических соображениях и обратиться за помощью к курдским братьям, в том числе и к Региональному правительству Курдистана. Призыв был услышан, но это не помогло избежать массовых жертв и образования потоков курдских беженцев.

Выявленные в ходе наступления боевиков ИГ слабости сирийской курдской автономии сейчас активно искореняются руководством Партии демократического союза. 22 октября после девятидневных напряженных переговоров между Партией демократического союза и Курдским национальным советом в городе Дохук при участии главы Курдского регионального правительства Масуда Барзани было подписано соглашение о сотрудничестве и разделении политических полномочий на курдских землях Сирии. Соглашение содержит три важнейших пункта: создание Временного комитета в составе 30 человек для совместного управления курдским сирийским анклавом; проведение выборов в сирийский курдский парламент; решение вопроса о создании дополнительных вооруженных сил помимо отрядов народной самообороны, которые имеют тесные контакты с PYD [PYD...].

Представляется, что заключение договора будет иметь для курдов Сирии положительные последствия. Во-первых, налаживание связей между PYD и KNC приведет к большей легитимации Партии демократического союза, так как она получит шанс не восприниматься как отделение Рабочей партии Курдистана в Сирии, а будет рассматриваться как официальный представитель сирийских курдов на региональной и международной арене. Положительный сигнал партии Салиха Муслима был дан Соединенными Штатами Америки накануне заключения договора, когда 20 октября авиация США сбросила оружие, боеприпасы и медикаменты курдским ополченцам, обороняющим Кобани. Во-вторых, наличие договора с Курдским национальным советом позволит Партии демократического союза войти в орбиту общекурдской политики региона, прежде всего посредством выстраивания связей с главой Регионального правительства Курдистана Масудом Барзани. Совместные военные действия сил отрядов народной самообороны и пешмерга в конце октября 2014 г. стали основой дальнейших совместных трансграничных операций курдов Ирака и Сирии в борьбе с террористами Исламского государства. В-третьих, прорыв Партией демократического союза регионального и международного вакуума приведет к изменению политики Турции по отношению к сирийским курдам. Уже сейчас турецкое правительство вынуждено считаться с тем, что Соединенные Штаты видят в курдах фактически единственную силу, способную сдерживать боевиков Исламского государства. Более того, США пошли на некоторое сближение с Партией демократического союза, хотя ранее избегали всяческих контактов с этой структурой, так как воспринимали ее как часть причисленной к террористическим организациям Партии рабочего Курдистана и чтобы не вызывать недовольство своего ближайшего союзника в регионе – Анкары. Вопреки противодействию Турции, США снабдили ополченцев Кобани оружием и проводят авиаудары по позициям террористов. Определенное потепление отношений между США и курдами заставит турецкое правительство выстраивать свою политику по отношению к последним с оглядкой на их возросший авторитет, а также на появляющееся партнерство между курдами региона.

Таким образом, деятельность исламистов на территории проживания курдов привела к противоречивым последствиям. С одной стороны, курды понесли многочисленные жертвы, столкнулись с масштабными инфраструктурными разруше-

ниями; с другой – курдская общность оказалась в резко меняющейся политической обстановке, которую их лидеры попытались использовать на благо курдского движения в Сирии и Ираке. Несомненно, делать окончательные выводы о будущем курдских анклавов крайне рано, так как ситуация меняется фактически ежедневно, а террористы «Исламского государства» находятся в опасной близости от территорий курдов как Ирака, так и Сирии. Однако предварительные итоги состоят в том, что теперь курды стали заметной силой региона, с которой вынуждены считаться все оппоненты, включая Турцию. Также наступления боевиков наглядно продемонстрировали курдам, представлявшим до этого противоборствующие партии, что только единство позиции, общая политическая и военная линия могут привести гонимое доселе меньшинство к воплощению давней общей мечты.

Литература

Абылгазиев И. И., Ильин И. В. Глобальный кризис и проблема нового мироустройства // Век глобализации. 2009. № 2(4). С. 4–60.

Арзуманян Р. В. Иррегулярные конфликты. Ближний Восток: террористические группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» и «Исламский фронт»: цели, задачи, формы и способы действий в Сирии и Ираке. М. : Центр стратегических оценок и прогнозов, 2014.

Добров Д. Смогут ли курды противостоять наступлению ИГИЛ на севере Ирака? ИНО СМИ Россия. URL: http://inosmi.ru/op_ed/20140820/222495537.html.

Организация объединенных наций: [сайт]. URL: <http://documents/resolutions/1991.shtml>.

Kirdar J. Al Qaeda in Iraq. Centre for Strategic and International Studies [Электронный ресурс]. URL: http://csis.org/files/publication/110614_Kirdar_AlQaedaIraq_Web.pdf.

Kurdish Declaration of Autonomy in Syria Rejected by Turkey [Электронный ресурс]. URL: <http://rudaw.net/english/middleeast/syria/14112013>.

President Barzani: We'll Make Kirkuk an Example of Religious and Ethnic Coexistence. URL: <http://rudaw.net/English/Kurdistan/260620144>.

President Barzani Expresses Concern about Future of Kurds in Syria. URL: <http://www.krp.org/english/articledisplay.aspx?id=8qZs3I9JYZI>.

PYD Acknowledges Barzani's Effort on Kobani [Электронный ресурс]. URL: <http://basnews.com/en/News/Details/PYD-Acknowledges-Barzani-s-Effort-on-Kobani/39065>.

Sevil Ercus. Ankara Urges PYD Leader to Join FSA [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/ankara-urges-pyd-leader-to-join-ranks-of-free-syrian-army-against-al-assad.aspx?pageID=238&nID=72545&NewsCatID=510>.

Sena Alkan. Turkey Allowing Kurdish Peshmerga Forces to Cross into Kobani [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dailysabah.com/politics/2014/10/20/turkey-helping-kurdish-peshmerga-forces-pass-into-kobani-says-fm-cavusoglu>.

ПРОЦЕССЫ КОНВЕРГЕНЦИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ*

Руденко Д. Ю., Зинковская К. Ю.**

Статья посвящена анализу процессов конвергенции в мире в период с 1995 по 2011 г. В исследовании проводится тестирование на наличие σ -конвергенции и β -конвергенции (абсолютной и условной). Зависимой переменной является ВВП на душу населения в постоянных ценах 2005 г. Расчет уравнений регрессии показал, что: а) в мире имеет место конвергенция; б) факторы глобализации содействуют более высоким темпам роста развивающихся стран относительно развитых. Сделан вывод о необходимости изучения процессов конвергенции между группами стран на фоне усиливающегося неравенства внутри стран.

Ключевые слова: глобализация, развивающиеся страны, конвергенция.

The article analyzes the processes of convergence in the world economy between 1995 and 2011. The hypothesis of σ -convergence as well as β -convergence (absolute and conditional) is tested. The dependent variable used in the study is GDP per capita in constant 2005 prices. The evidence shows that: (a) there is a convergence in the global economy; (b) globalization contributes to higher growth rates of developing countries. It is concluded that it is necessary to study the processes of convergence between the groups of countries against the background of growing inequality within countries.

Keywords: globalization, developing countries, convergence.

Введение

Процессы глобализации затрагивают все большее количество аспектов нашей жизни: экономику, политику, культуру, безопасность, окружающую среду. Экономическое измерение глобализации включает в себя все возрастающие с каждым годом международные потоки товаров и услуг, капитала и информации, а также растущую мобильность людей в условиях открытой, ставшей глобальной экономики. Многие специалисты видят в глобализации одну из причин так называемой «новой конвергенции», которая началась с 1990 г. Однако вопрос сближения уровней социально-экономического развития развитых и развивающихся стран все еще остается открытым.

* Материалы статьи подготовлены при поддержке гранта Президента Российской Федерации молодым ученым – кандидатам наук (проект 14.Z56.14.3051-МК).

** Руденко Дмитрий Юрьевич – к. э. н., доцент кафедры мировой экономики и международного бизнеса Финансово-экономического института ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет». E-mail: drudenko@inbox.ru.

Зинковская Кристина Юрьевна – аспирант экономического факультета ГАОУ ВО ТО «Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права». E-mail: kafedrame105@mail.ru.

Как утверждают С. Доурик и Б. Делонг, «глядя на мир в целом, конвергенция была ограничена в географии и в сроках», страны не сближаются с одной общей «точкой притяжения», а движутся «клубами», при этом есть такие группы стран, которые все время отстают. Членство в клубе конвергенции в целом связывается с принятием политики открытости торговле [Globalization... 2003: 192]. Л. Притчетт пишет о «Великой эпохе дивергенции» и приводит следующие данные: из 56 стран, для которых имеются относительно достоверные статистические данные, в 17 развитых экономиках ВВП на душу населения рос в среднем на 1,5 % в 1870–1960 гг., на 3,2 % – в 1960–1979 гг. и на 1,5 % – в 1980–1994 гг. Для 28 менее развитых стран рост душевого ВВП был существенно ниже: 1,2 % – в 1870–1960 гг., 2,5 % – в 1960–1979 гг. и 0,34 % – в 1980–1994 гг. [Pritchett 1997: 13]. П. Байрох оценивает средние темпы роста развитых стран между 1870 и 1960 гг. в 1,5 % по сравнению с 0,5 % для развивающихся экономик, что предполагает еще большее расхождение доходов на душу населения [Bairoch 1993]. Однако темпы экономического роста в развивающихся странах за последние 20 лет устойчиво ускорились и значительно превышают темпы роста в странах с развитой экономикой (см. рис. 1). Это является важным структурным изменением в динамике мировой экономики.

Рис. 1. Темпы экономического роста в развитых и развивающихся странах мира, 1980–2013 гг.

Источник: расчеты авторов на основе IMF... 2013.

К. Дервиш пишет, что «резкое разделение стран на богатые и бедные, характерное для мира со времен промышленной революции начала XIX в., в настоящее время смягчается» [Дервиш 2012: 11]. Главный вопрос заключается в том, продолжится ли эта новая конвергенция и какую роль в ней играет глобализация.

Действительно, глобализация за счет усиления торговых связей и роста объемов прямых иностранных инвестиций способствует экономическому росту по мере импорта технологий бедными странами [Чумаков 2011]. Однако в условиях нарастания общемировой экономической нестабильности увеличивается число противников глобализации, которые рассматривают ее как основную причину кри-

зисных явлений в мировой финансовой системе, четко обозначившихся в 2008 г. и грядущих в ближайшем будущем. Одним из ярых противников нынешней глобализации является российский ученый, профессор, альтерглобалист А. Бузгалин, который выступает против «глобальных игроков» и тотальной власти капитала. Он со своими единомышленниками утверждает (и этот вывод обосновывается в сотнях материалов многих видных ученых планеты, таких как И. Валлерстайн, С. Амин и др.), что сейчас мир столкнулся не просто с новым этапом интернационализации экономической и общественной жизни, угрожающей суверенитету наций, государств, но и особой, характерной для «позднего» капитализма (Э. Мандел), социальной формой этого процесса. *Мир столкнулся не просто с глобализацией, но с глобальной гегемонией корпоративного капитала.* Это именно гегемония – целостная, тотальная власть капитала как единой экономической, социальной, политической и духовной силы; это власть именно капитала, персонифицированного прежде всего узким кругом глобальных игроков (ТНК и др.), сращенных с истеблишментом «Большой семерки», и это власть капитала, охватывающая весь мир [Бузгалин 2005]. Поэтому среди противников глобализации прижилось мнение, что она не может породить ничего, кроме усугубления неравенства между народами.

Как утверждают Д. Скрипнюк и Д. Руденко [2007: 101] «проблему неоднозначного отношения к глобализации можно отчасти объяснить разным смыслом, который те или иные авторы вкладывают в данное понятие. Одни считают, что глобализация подразумевает свободное движение капитала, другие ассоциируют ее с культурной и экономической гегемонией США, третьи вообще используют этот термин как некое универсальное понятие для обозначения всего, что им не нравится в современной жизни». В настоящей работе понятие «глобализация» рассматривается лишь с экономической точки зрения (в его конкретном значении), то есть с позиции расширения внешней торговли и иностранных инвестиций, как частичная или полная ликвидация установленных государствами ограничений международной торговли и возникновение в результате этого сложной глобальной системы производства и обмена, приобретающей все более интегрированный характер.

Методология исследования

Перед авторами была поставлена задача – доказать или опровергнуть устоявшееся мнение, что глобализация порождает и усугубляет неравенство в мире. Информационной базой послужила статистика Всемирного банка, Международного валютного фонда и Швейцарского экономического института КОФ за 1995–2011 гг. Выборка состоит из 115 развитых и развивающихся стран мира, в которых на 2011 г. проживало более 6 млрд человек и на которые приходилось более 95 % мирового выпуска продукции.

Для тестирования наличия или отсутствия конвергенции в академической литературе предложено большое число различных подходов, начиная от простых статистических методов (оценка динамики стандартного отклонения) и заканчивая использованием сложных эконометрических моделей. Работы Р. Барро и Х. Сала-и-Мартина [Barro, Sala-i-Martin 2003] являются наиболее цитируемыми исследованиями в этой области. В работах Д. Ква предложена и тестируется идея клубной конвергенции в мире [Quah 1997].

В настоящей работе проводится тестирование на наличие σ -конвергенции и β -конвергенции (абсолютной и условной). Зависимой переменной является ВВП на душу населения в постоянных ценах 2005 г. Концепция σ -конвергенции справедлива, если наблюдается снижение дисперсии показателя для группы стран во времени. Х. Сала-и-Мартин [Sala-i-Martin 1996: 1329] отмечает, что дисперсия может быть измерена путем вычисления стандартного отклонения (σ) логарифма душевого дохода $\log(x_{it})$ для каждого года:

$$\sigma^2 = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N [\log(y_{it}) - \mu_t]^2,$$

где N – число наблюдений; $\log(y_{it})$ – логарифм душевого дохода i -наблюдения в период времени; t , μ_t – среднее значение $\log(y_{it})$.

В качестве показателя дисперсии в данной работе будет использоваться коэффициент вариации (CV), так как данный статистический показатель является относительным и не зависит от единицы измерения:

$$CV = \sqrt{\frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \left(\frac{\log(y_i)}{\mu} - 1 \right)^2}, \quad (1)$$

где N – число стран; y_i – ВВП на душу в постоянных ценах 2005 г. населения страны i ; μ – среднее значение $\log(y_i)$ всех стран N .

Для оценки того, имеют ли страны с изначально более низкими доходами более высокие темпы экономического роста, используют концепцию абсолютной и условной β -конвергенции. Гипотеза проверки абсолютной β -конвергенции подразумевает отрицательную статистическую зависимость между темпом роста показателя и его начальным уровнем. Для анализа β -конвергенции в работе строится уравнение регрессии:

$$\log \sqrt[T]{\prod_{t=0}^T \frac{y_t}{y_{t-1}}} \cdot 100 = \alpha + \beta \log y_{t_0}, \quad (2)$$

где y_t – значение показателя в t -й промежуток; y_{t-1} – значение показателя в $t-1$ промежуток; y_{t_0} – значение показателя в начальный период времени t_0 ; α – свободный член, имеющий одинаковое значение для всех стран и характеризующий долгосрочное стационарное состояние, к которому, согласно неоклассической модели роста, должны приближаться страны; β – подлежащий оценке коэффициент. Статистически значимое значение $\beta < 0$ говорит о наличии конвергенции, при которой более бедные экономики характеризуются более высокими темпами экономического роста.

Концепции σ -конвергенции и β -конвергенции взаимосвязаны, однако не эквивалентны [Коломак 2009: 115]. Если β -конвергенция указывает на существование тенденции к сокращению разрыва в ВВП на душу населения между странами, то σ -конвергенции – на уменьшение во времени дисперсии распределения ВВП на душу населения или другого показателя дохода на выборке стран. Поскольку Х. Сала-и-Мартин доказано, что β -конвергенция является необходимым, но недостаточным условием для σ -конвергенции [Sala-i-Martin 1996: 1330], то гипотеза о наличии β -конвергенции не исключается при имеющей место σ -дивергенции.

Идея условной конвергенции является доработанной моделью абсолютной конвергенции. Эта концепция предполагает, что сближение зависит от структурных характеристик каждой экономики (в том числе и степени ее открытости), и эти структурные различия означают, что разные страны имеют различные стационарные состояния относительно доходов на душу населения. Другими словами, страны имеют «различные траектории пропорционального роста, которые определяются специфическими региональными факторами развития» [Коломак 2009: 115]. Если при условной конвергенции страна приближается к собственному устойчивому состоянию, то абсолютная конвергенция означает, что все страны сходятся к общему устойчивому состоянию.

Либерализация торговли, рост мирового товарооборота и прямых иностранных инвестиций, импорт и адаптация технологий странами периферии в условиях глобальной экономики могли стать причинами возможной конвергенции. Несмотря на то что в развитых странах высоки нормы инвестирования в человеческий капитал и НИОКР, этим странам угрожают несбалансированность государственных финансов и платежных балансов, риски дефляции и роста безработицы. В свою очередь на развивающихся странах негативно сказываются волатильность на рынках капитала (ввиду неустойчивости институтов рынка), инфляционные риски (в том числе из-за обесценения национальных валют) и слабый внутренний спрос, обусловленный растущим неравенством и бедностью населения. Для учета внутренних факторов развития и проверки наличия условной β -конвергенции авторы добавили ряд контрольных переменных в уравнение (2):

$$\log \sqrt[t]{\prod_{i=0}^t \frac{y_i}{y_{i-1}}} \cdot 100 = \alpha + \beta_1 \log y_{t_0} + \beta_2 \overline{TRADE} + \beta_3 \overline{FDI} + \beta_4 \overline{E} + \beta_5 \overline{S} + \beta_6 \overline{KOF}_{t_0} + \beta_7 \overline{KOF} + \beta_8 EX, \quad (3)$$

где y_t – значение ВВП на душу населения в t -й промежуток; y_{t-1} – значение ВВП на душу населения в $t-1$ промежуток; y_{t_0} – значение ВВП на душу населения в начальный период времени t_0 ; \overline{TRADE} – среднее значение внешнеторговой квоты (в % от ВВП), $\log; \overline{FDI}$ – среднее значение притока прямых иностранных инвестиций в % от ВВП, $\log; \overline{E}$ – среднее значение числа пользователей сети Интернет на 100 человек, $\log; \overline{S}$ – среднее значение доли валовых сбережений в % от ВВП, $\log; \overline{KOF}$ – среднее значение индекса глобализации KOF , $\log; \overline{KOF}_{t_0}$ – значение индекса глобализации KOF в начальный период времени t_0 , $\log; EX$ – среднее геометрическое темпов роста экспорта товаров и услуг в %, \log .

Эмпирические результаты исследования

Проанализируем максимальные и минимальные значения ВВП на душу населения в постоянных ценах 2005 г. Как видно из табл. 1, в мире сохраняется высокая степень неравенства. Номинальное значение ВВП на душу населения в 2011 г. в стране-лидере (Кувейт) превышало выпуск в стране-аутсайдере в 225 раз (в 1994 г. – в 177 раз; в 2003 г. – в 280 раз; в 2008 г. – в 255 раз).

Таблица 1

**Описательные статистики, ВВП на душу населения
в постоянных ценах 2005 г.**

Год	Мин. значение, долл. США	Макс. значение, долл. США	Среднее значение $\log(y_i)$	Стандартное отклонение $\log(y_i)$	Коэффициент вариации (CV)
1995	285,27	50506,47	3,742	0,562	0,150
1996	274,48	49135,12	3,751	0,565	0,151
1997	253,62	51181,88	3,761	0,571	0,152
1998	243,93	52233,47	3,767	0,575	0,153
1999	228,42	52976,36	3,772	0,579	0,153
2000	207,53	54393,09	3,783	0,586	0,155
2001	197,74	55191,75	3,790	0,585	0,154
2002	198,75	55753,41	3,797	0,584	0,154
2003	204,01	56016,89	3,808	0,586	0,154
2004	211,09	57875,36	3,824	0,585	0,153
2005	220,96	58908,16	3,838	0,586	0,153
2006	226,71	60211,12	3,854	0,588	0,152
2007	234,22	62841,31	3,870	0,589	0,152
2008	241,86	61875,49	3,879	0,584	0,151
2009	241,86	58285,88	3,870	0,573	0,148
2010	252,32	58090,06	3,882	0,571	0,147
2011	262,64	59098,05	3,891	0,571	0,147

Источник: расчеты авторов на основе World Bank... 2013.

Относительно благополучных стран в мире меньшинство, только в 55 странах из 115 рассматриваемых уровень душевого ВВП в 2011 г. превышал среднемировой показатель (в 1995 г. – 52, в 2003 г. – 52). При использовании критерия проблемности, принятого в Европейском союзе (душевой ВВП ниже 75 % от среднего уровня), проблемными следует считать 51 (в 1995 г. – 52, в 2003 г. – 53) из 115 стран. Треть рассматриваемых стран (43, в 1995 г. – 51) – явные аутсайдеры с душевым ВВП ниже 2/3 от среднемирового уровня.

В течение рассматриваемого периода (1995–2001 гг.) в мире наблюдались процессы σ -конвергенции, о чем свидетельствует нисходящий тренд значений рассчитанного коэффициента вариации (рис. 2). Из табл. 1 можно видеть, что с 2001 г. коэффициент вариации упал с 0,155 до 0,147 в 2011 г., стандартное отклонение начало стремительно сокращаться лишь после финансового кризиса 2008 г. Таким образом, несмотря на то что в мире увеличился разрыв между максимальным и минимальным значениями, динамика коэффициента вариации свидетельствует о сокращении неравенства. Однако данный процесс не был однородным: в отдельные периоды времени (с 1995 по 2000 г.) наблюдались дивергенционные процессы.

Авторы провели анализ абсолютной и условной β -конвергенции. В табл. 2 представлены базовые регрессии. В столбце (1) дана оценка регрессии темпов экономического роста на логарифм значения душевого дохода в начальный пери-

од времени. Очевидно, что уровень ВВП на душу населения в начальный период времени не является значимым фактором экономического роста в странах мира – гипотеза абсолютной β -конвергенции не подтверждается.

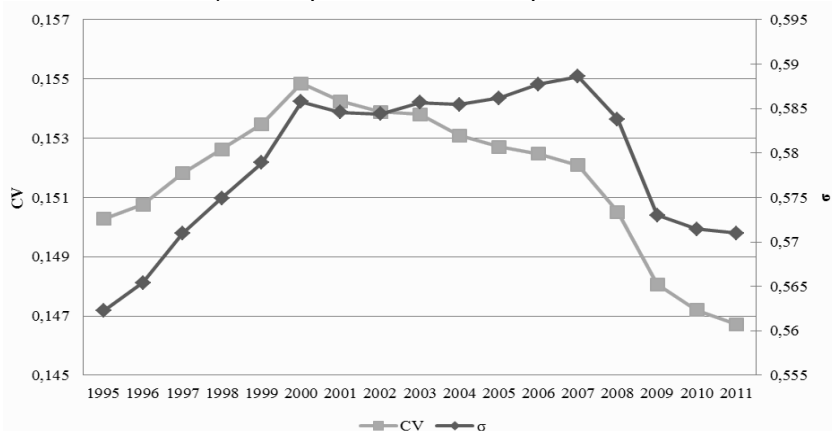

Рис. 2. Коэффициент вариации для показателя ВВП на душу населения
Источник: расчеты авторов.

Таблица 2

Результаты оценки моделей абсолютной и условной β -конвергенции

Показатель	Среднее геометрическое темпов роста ВВП на душу населения в постоянных ценах 2005 г., log					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Константа	2,009*** (0,004)	1,651*** (0,0701)	1,6518*** (0,0700)	1,509*** (0,088)	1,503*** (0,087)	
$\log y_{t_0}$	-0,0001 (0,0011)	-0,0074*** (0,0020)	-0,0076*** (0,0020)	-0,003*** (0,001)		-0,212*** (0,037)
\overline{TRADE}		-0,0017 (0,0023)		-0,002 (0,003)	-0,002 (0,003)	0,230*** (0,051)
\overline{FDI}		0,0040** (0,0016)	0,0036** (0,0014)	0,003* (0,002)	0,004** (0,002)	0,188*** (0,032)
\overline{E}		0,0092*** (0,0018)	0,0100*** (0,0016)			
\overline{KOF}		0,0147 (0,015)				1,491*** (0,107)
\overline{KOF}_{t_0}		-0,0365*** (0,0108)	-0,0273*** (0,0060)		-0,013*** (0,003)	
\overline{S}		0,0179*** (0,0028)	0,0177*** (0,0027)	0,020*** (0,003)	0,020*** (0,003)	
\overline{EX}		0,1925*** (0,0339)	0,1959*** (0,0336)	0,240*** (0,043)	0,248*** (0,043)	
Стандартная ошибка регрессии	0,00672	0,00423	0,00421	0,0049	0,0048	0,1039
R^2	0,0001	0,627	0,622	0,49	0,49	0,99
Число наблюдений	115	112	112	112	112	115

*** коэффициент значим на уровне 0,01;

** коэффициент значим на уровне 0,05;

* коэффициент значим на уровне 0,1.

Источник: расчеты авторов.

В регрессии, приведенной в столбце (2) табл. 2, добавлен контроль на уровень интернационализации национальной экономики, который оценивается через внешнеторговую квоту (в % от ВВП), приток прямых иностранных инвестиций (в % от ВВП), число пользователей сети Интернет на 100 человек, индекс глобализации KOF, темпы роста экспорта товаров и услуг в %. В регрессии столбца (3) отсутствуют статистически незначимые переменные \overline{TRADE} и \overline{KOF} . Базовые регрессии, приведенные в столбцах (2) и (3) табл. 2, объясняют 62,7 % и 62,2 %. В соответствии с результатами регрессии столбца (3) в странах с более высоким начальным уровнем ВВП на душу населения наблюдаются относительно низкие темпы экономического роста, что указывает на наличие β -конвергенции. Большие темпы экономического роста наблюдаются в странах с более высокой степенью интеграции в глобальную экономику.

Важным ограничением регрессионных моделей (2) и (3) является высокий уровень корреляции между объясняющими переменными. В регрессии, приведенной в столбце (4) табл. 2, не включены показатели числа пользователей сети Интернет и индекс глобализации KOF из-за их высокой корреляции между собой и с показателем ВВП на душу населения в начальный период времени. Эти показатели включены в спецификации, приведенные в столбце (5) и (6). В соответствии с результатами регрессии столбца (4) в странах с более высоким притоком прямых иностранных инвестиций, уровнем сбережений и ростом экспорта наблюдаются и более высокие темпы роста душевого ВВП.

В столбце (6) табл. 2 приведена версия регрессии, в которой отсутствует константа. Результаты регрессии столбца (6) подтверждают результаты базовых регрессий: в странах с более высоким уровнем начального душевого ВВП наблюдаются меньшие темпы экономического роста. При этом повышение степени интеграции в глобальную экономику связано с ускорением темпов экономического роста. Таким образом, за рассматриваемый период глобализация способствовала повышению темпов роста развивающихся стран относительно развитых.

Полученные результаты подтверждают выводы Д. Доллара и А. Краая [Dollar, Краау 2004], которые показали, что в развивающихся странах, открывших свою экономику для международной торговли (так называемых глобализаторах), в 1980–90-х гг. наблюдались постоянно увеличивающиеся темпы роста, гораздо более быстрые, чем в богатых странах и в развивающихся странах-антиглобализаторах. Исследование Всемирного банка «Глобализация, рост и бедность: построение общемировой экономики» [Глобализация... 2004: 6], проведенное в 2002 г., обнаружило, что в период с конца 1970-х до конца 1990-х гг. рост глобализации (определяемый как объем торговли в процентах от ВВП) привел к ускорению экономического роста. Развивающиеся страны с наиболее выраженной степенью глобализации (24 развивающиеся страны с более чем 3-миллиардным населением) в 1990-х гг. достигли в среднем 5%-ного роста доходов на душу населения. Напротив, в развивающихся странах с меньшим уровнем глобализации «агрегированные темпы роста в 1990-х гг. были практически отрицательными». В век глобализации те страны, которые отказываются от преимуществ экономической либерализации и мирового рынка, остаются в проигрыше. Дж. Наваретти и М. Спано указывают на то, что данные результаты неудивительны, вспоминая о средних темпах роста стран – чемпионов в либерализации торговли, таких как

Китай и страны Восточной и Юго-Восточной Азии [Торговая...: 51]. Однако высокая степень интернационализации экономики является необходимым, но не всегда достаточным условием для экономического роста и конвергенции. Зачастую необходимы другие факторы и сопутствующие политические меры, чтобы подстегнуть и усилить рост. К таким мерам необходимо отнести формирование инвестиционного климата, включающего в себя эффективное регулирование, отсутствие коррупции, сильную инфраструктуру и развитую сферу финансовых услуг. Доказано [Глобализация... 2004: 16], что развивающиеся страны мира, получающие большую выгоду от глобализации, создали достаточно хороший инвестиционный климат, в котором фирмы могут процветать, возникать и исчезать, если они недостаточно успешны. Страны же, слабо участвовавшие в глобальной экономике, испытывали трудности с обеспечением прав собственности и общим инвестиционным климатом.

Заключение

Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о том, что в течение 1995–2011 гг. в мире наблюдались процессы конвергенции – неравенство сократилось. Расчет уравнений регрессии показал, что факторы глобализации содействуют конвергенции стран мира по уровню развития. Однако данный анализ свидетельствует лишь о конвергенции средних показателей в мире, не учитывая при этом усиления неравенства внутри стран. Можно говорить о конвергенции между группами стран на фоне усиливающегося неравенства внутри стран [Дервиш 2012: 11]. О последнем процессе свидетельствует и беспрецедентный рост доходов самых богатых – 1 % населения стран (рис. 3).

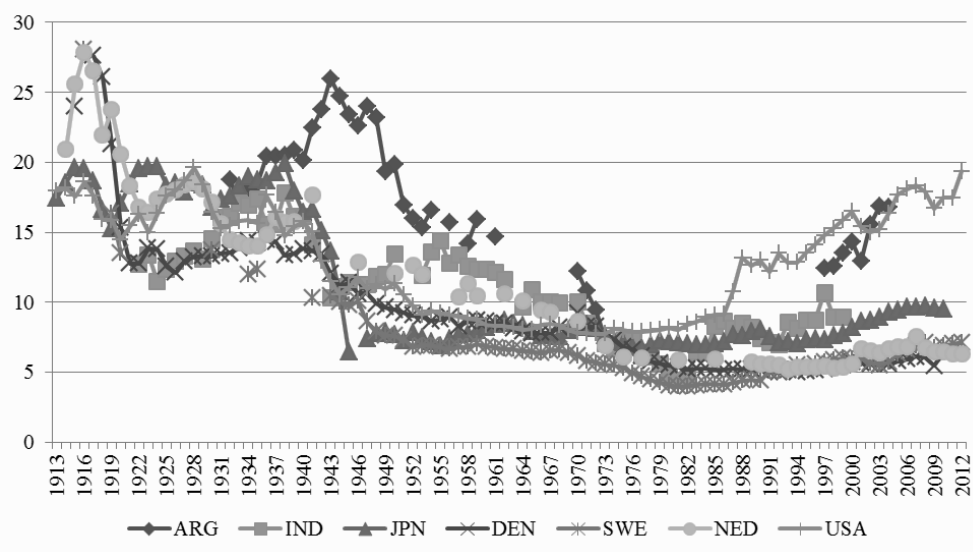

Рис. 3. Динамика доли доходов самых богатых – 1 % населения стран

Источник: расчеты авторов на основе [Alverado *et al.* 2013].

Рис. 3. указывает на тот факт, что процесс усиления неравенства в странах мира начал набирать силу после кризиса 1973 г. Только в США доля 1 % населения, имеющего самые высокие доходы, почти утроилась за последние три десяти-

летия, так что на нее теперь приходится примерно 20 % совокупных доходов в США. Особенно быстро доля самых богатых людей в совокупном доходе росла после 1990 г. на фоне третьей волны глобализации. Разрыв между богатыми и бедными увеличивается не только в США, но и, что поразительно, в европейских государствах всеобщего благосостояния. Только в традиционно самой эгалитарной из всех западноевропейских стран Швеции доля самых богатых 1 % населения выросла с 3,97 % в 1980 г. до 7,13 % в 2012 г. (рис. 3). Об усилении неравенства говорит и растущее число миллиардеров и доли их состояния в мировом богатстве. В этом отношении заслуживает внимания исследование компании из Сингапура Wealth-X, аналитики которой посчитали численность ультрабогатых людей в мире и их совокупные активы. В данную группу лиц, которую специалисты назвали *ultra high net worth individuals*, попадают обладатели состояния свыше 30 млн долларов США. Согласно их данным [Wealth-X 2013], с 2003 г. количество частных лиц с очень крупными состояниями по всему миру увеличилось на 59 %, число обладателей состояния в 100 и более млн долларов США – на 62 %, а число миллиардеров – на 80 %. «Эти новые расхождения в распределении доходов не всегда подразумевают усиление неравенства в стране. Однако они отражают концентрацию доходов и, через доходы, потенциального политического влияния на самом верху, что может привести к дальнейшему усилению концентрации доходов» [Дервиш 2012: 14]. Несмотря на кризисные явления, экономическую турбулентность и неопределенность в глобальной экономике, состояние и **число ультрабогатых людей по всему миру растет**, в то время как доходы миллионов людей в беднейших странах мира остаются почти неизменными на протяжении более столетия. Эти два факта увеличили расхождения между самыми богатыми и самыми бедными людьми в мире, несмотря на общую конвергенцию средних доходов. Как указывает А. Бузгалин, эти проявления глобализации требуют новой политики, ориентированной на цели равномерного обеспечения социальных приоритетов, отказ от милитаризма, финансовых спекуляций и пр. [Бузгалин 2005].

Литература

- Бузгалин А. В. Альтерглобализм: к теории феномена [Электронный ресурс]: Альтернативы. 2005. URL: <http://www.alternativy.ru/node/17> (дата обращения: 09.02. 2014).
- Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики. М. : Весь Мир, 2004.
- Дервиш К. Конвергенция, взаимозависимость и расхождения // Финансы и развитие. 2012. № 9. С. 11–14.
- Коломак Е. А. Модели региональной политики: конвергенция или дивергенция // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2009. Т. 9. № 1. С. 113–120.
- Скрипнюк Д. Ф., Руденко Д. Ю. Социальный аспект глобализации // Проблемы современной экономики. 2007. № 3. С. 101–103.
- Торговая политика и значение вступления в ВТО для развития России и стран СНГ. Руководство / под ред. Д. Г. Тарра. М. : Весь Мир, 2006.
- Чумаков А. Н. Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации. 2011. № 2. С. 174–180.

- Alverado F., Atkinson T., Piketty T., Saez E. The World Top Incomes Database [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://topincomes.g-mond.parisschoolofeconomics.eu>.
- Bairoch P. Economics and World History: Myths and Paradoxes. Chicago : University of Chicago Press, 1993.
- Barro R. J., Sala-i-Martin X. Economic Growth. 2nd edition. MIT Press Books. The MIT Press. 2003.
- Dollar D., Kraay A. Trade, Growth, and Poverty // The Economic Journal. 2004. Vol. 114. № 493. Pp. F22–F49.
- IMF. World Economic Outlook Database October 2013 Edition / IMF. URL: <http://www.imf.org/external/ns/cs.aspx?id=28>.
- Globalization in Historical Perspective / Ed. by M. D. Bordo, A. M. Taylor, J. G. Williamson. Chicago : University of Chicago Press, 2003.
- KOF. KOF Index of Globalization [Электронный ресурс]. URL: <http://globalization.kof.ethz.ch>.
- Pritchett L. Divergence, Big Time // Journal of Economic Perspectives. 1997. № 11 (3). Pp. 3–17.
- Quah D. Empirics for Growth and Distribution: Stratification, Polarization, and Convergence Clubs // Journal of Economic Growth. 1997. № 2. Pp. 27–59.
- Roadmap to Bangalore?: Globalization, the EU's Lisbon Process and the Structures of Global Inequality / Ed. by A. Heshmati, A. Tausch. New York : Nova Science Publishers, 2007.
- Sala-i-Martin X. Regional Cohesion: Evidence and Theories of Regional Growth and Convergence // European Economic Review. 1996. № 40. Pp. 1325–1352.
- Wealth-X. World Ultra Wealth Report 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://wuwr.wealthx.com/Wealth-X%20and%20UBS%20World%20Ultra%20Wealth%20Report%202013.pdf>.
- World Bank. World Development Indicators: 2013 Edition: [сайт]. URL: <http://wdi.worldbank.org/table/3.12>.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Гирусов Э. В.*

В статье показана особая необходимость социально-экологического образования и воспитания, поскольку задаваемые ими установки экофильного характера не формируются стихийно в силу их зачастую коренного отличия от прежних установок в отношении природы, носивших чисто потребительский характер. В новых условиях необходимо изучение законов сохранения биосферы. Только в этом случае экологический кризис не перейдет в катастрофу с полным разрушением биосферы. Даны определение и характеристика этих законов.

Ключевые слова: законы сохранения биосферы, биосферосовместимость, социальная экология, экофильность, экофобность, *homo ecologus*, экологическая эпоха.

The article shows a particular necessity of social and ecological education and training, as their ecophilic attitudes are not formed spontaneously often due to their radical differences from the previous ones which had a purely consumptive character. Under the new circumstances it is necessary to study the biosphere conservation laws. Only in this case the environmental crisis will not turn into a catastrophe with a complete destruction of the biosphere. The definition and description of these laws are also given.

Keywords: laws of biosphere preservation, biosphere compatibility, social ecology, ecophilism, ecophobia, *Homo ecologus*, environmental era.

Социально-экологическое образование и воспитание являются в современных условиях средством подготовки не только знающего и готового к деятельности в новых природных условиях человека, но и, что особенно важно, человека, который знает, как нужно выстроить структуру действий с окружающей природной средой для предотвращения дальнейшего ухудшения ее состояния, чтобы по возможности способствовать ее сохранению и улучшению.

Парадокс современного человека состоит в том, что он зачастую проявляет себя не только в привычной для него созидательной ипостаси, но и в разрушительной по отношению к окружающей природной среде, в силу того еще не очень хорошо осознанного обстоятельства, что за последние примерно 100 лет соотношение сил во взаимодействии человека и природы резко изменилось в сторону человека. Причем произошло это в глобальных масштабах, и данное обстоятельство не всегда осознается людьми достаточно адекватным образом. Вот когда особенно нужны социально-экологическое воспитание и образование.

* Гирусов Эдуард Владимирович – д. ф. н., профессор МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: gireko@mail.ru.

Экологическая культура представляет собой чрезвычайно сложное явление, включающее огромное многообразие составляющих как в образе мышления, так и в сфере практической деятельности, как правило, радикально отличающихся от тех, которые были характерны для традиционной культуры с ее направленностью на радикальные преобразования природы во имя потребностей человека. Каким-либо ограничительные установки если и были в различных формах ранней культуры, то оказались оттеснены на второстепенный план и рассматривались как экзотика наивных людей, не порвавших пуповины своего родства с природой. Признание реальности глобального экологического кризиса и быстрых темпов его перерастания в экологическую катастрофу резко ограничивает спектр выбора стратегии дальнейшего развития обществ. Главный вопрос заключается теперь в том, хватит ли человечеству времени осознать в полной мере новую экологическую парадигму во всей ее сложности и реализовать экологический императив.

Образованию отводится авангардная роль в формировании современного миропонимания, и социально-экологическое образование наряду с экономическим, информационным, гуманитарным должно быть фундаментальной основой всей системы образования.

Экологическая культура, именно в силу своего радикального отличия во многом от традиционной, не может сформироваться сама собой стихийно и постепенно, передаваясь из поколения в поколение, как это было раньше. Преемственность в данном случае не может дать нужного результата, а временем на постепенное преодоление экофобных ориентаций человечество не располагает, поскольку темпы разрушения природы давно превзошли предельные значения, свойственные биосфере, и это чревато опасностью экологической катастрофы. Формирование у людей экологической культуры следует рассматривать как важнейший способ преодоления данной опасности, и для выполнения этой задачи не существует более эффективного средства, чем хорошо поставленное экологическое воспитание, просвещение и образование. Не случайно все серьезные работы, посвященные проблемам социальной экологии, включают в себя разделы по соответствующим аспектам образования, воспитания и просвещения людей [Лосев, Провадкин 1998].

Они, в свою очередь, также должны отличаться от традиционных видов этой деятельности и включать в себя знания о биосфере, о ведущей роли живой природы в поддержании этой планетарной системы, о путях обеспечения совместимости человека с природной средой и т. д., то есть все то, что почти полностью отсутствовало в прежней системе воспитания и образования, но без чего дальнейшее существование человека на Земле становится невозможным.

Человек в процессе воспитания и образования должен не только усвоить новые знания и сформировать иной способ отношения к природе, но и научиться чутко реагировать на происходящие в ней изменения, чтобы вовремя внести коррекцию в свои действия и не довести экологическую ситуацию до катастрофического состояния со всеми бедственными для общества последствиями. То есть экологическое воспитание и образование должны носить **опережающий** характер, обеспечивая тем самым своеобразную временную инверсию в развитии социоприродной системы **от сознательно намечаемого будущего к настоящему**. Прежний временной параметр социального развития от настоящего к будущему теперь стал опасным в силу своей стихийности и недостаточным, поскольку не

охватывал природную реальность как среду своего существования и управляемого развития.

Система воспитания и образования должна **соответствовать** задачам нового объема управления социоприродной реальностью и новой временной парадигме этого процесса. Такого соответствия пока нет, но его нужно обеспечить в срочном порядке по следующим основным направлениям.

Прежде всего необходимо преодолеть тот непосредственный, наивный антропоцентризм, который был характерен для всей прежней культуры и сыграл немалую роль в возникновении экологического кризиса, поскольку человек со всеми его потребностями, вплоть до самых экстравагантных и завышенных, рассматривался как самоцель развития, а вся природа, согласно такой точке зрения, должна была служить источником ресурсов, и не более.

О том, что природе тоже может быть присуща самоценность и ей свойственна своя логика развития, в которую человек должен включить всю свою активность достаточно согласованным образом, не принято было задумываться. Установка в отношении человека к природе была предельно простой: она должна служить человеку как **средство** его благополучия и процветания.

Экологический кризис кладет предел такой упрощенной идеологии. Природа вдруг обнаружила конечность своих ресурсов, и прежде всего тех, с которыми было прочно связано представление об их самовосстановлении: запасы биоресурсов, атмосферного воздуха, пресной воды, стабильность температурного режима, сейсмостабильность и устойчивость экологического равновесия в целом. Все эти жизненно важные параметры окружающей среды оказались уязвимы и стали разрушаться, иссякать, переходить в состояние, непригодное для поддержания жизни.

Пришло время принципиальной смены прежней потребительской парадигмы природопользования на новую – **конструктивную**.

Человек может преодолеть конечный характер возобновимых ресурсов планеты, если он преобразует свою деятельность таким образом, чтобы **поддерживать условия их возобновимости**.

Для этого нужно очень хорошо изучить, что представляет собой биосфера и составляющие ее биогеоценозы, какое место в этих природных системах занимают различные организмы и какую функцию выполняют в поддержании их целостности и пригодности для жизни.

Здесь же появляется вопрос, которым люди раньше никогда не интересовались, но который обязательно возникает, как только общество рассматривается с экологических позиций: какое место в совокупности природных явлений должно занять общество и какую роль в отношении этих явлений выполнять, чтобы они сохранялись в пригодном для жизни состоянии. С позиций антропоцентризма правильный ответ на этот вопрос просто невозможен. Условием ответа на него должен быть переход на **парадигму витацентризма**, и с этих позиций вдруг выясняется, что человек, привыкший считать себя разумным существом, единственный изо всех населяющих планету существ не обладает таким важнейшим для жизни свойством, как способность к экологическому самообеспечению. Напротив, он единственный на планете вид, который является носителем свойства **экологического саморазрушения**. Понятно, что обладающий таким свойством человек не может рассчитывать на то, чтобы сохраниться на планете. Он неминуемо погибнет, изрядно разрушив предварительно окружающую его природу.

Есть математические модели, показывающие конкретные временные параметры этого пагубного развития событий, если не будут в ближайшее время предприняты необходимые меры по формированию у человека способности к экологическому самообеспечению [Экология... 2010]. В отличие от других организмов планеты у человека такая способность не выработается стихийно. Она может быть сформирована только сознательно, в процессе социально-экологического воспитания и образования. Отсюда проистекает их особая важность для общества. Воспитание и образование всегда были важным средством формирования необходимых человеку качеств. Однако формируются они только в процессе воспитания и образования.

Если же говорить о генетических предпосылках, то пока они имеют у современного человека скорее экофобный, нежели экофильный характер, если учесть тот социокультурный контекст, в котором формировались эти предпосылки.

Воспитателям и деятелям просвещения предстоит трудная работа по первоначальному преодолению экофобных предпосылок у своих воспитуемых и обучаемых, чтобы затем уже передать навыки и знания экофильного характера. Великий физиолог И. М. Сеченов утверждал, что человек на 99 % – результат воспитания и образования, подчеркивая тем самым особую значимость учителя в процессе формирования личности. Теперь к этой замечательной миссии воспитания и образования добавляется еще более значимая миссия сохранения жизни на планете как самого человека, так и других живых существ.

В этом заключается особая важность и значимость воспитания и образования как условий предотвращения экологической катастрофы.

Хотелось бы напомнить, что еще в 1987 г. состоявшийся в г. Москве Международный конгресс по проблемам экологического образования и подготовки кадров в области охраны окружающей среды подтвердил и уточнил ряд принципов, содержащихся во «Всемирной стратегии охраны природы», принятой Международным союзом охраны природы и природных ресурсов в 1978 г. и Всемирной хартией охраны природы (ООН, 1982 г.), сформулированных следующим образом:

1. Принцип охвата экологическим образованием всех возрастных, социальных и профессиональных групп населения.

2. Принцип первоочередного обучения лиц, имеющих право и возможность принимать решения в области практической деятельности.

3. Принцип непрерывности экологического образования на разных этапах воспитания и обучения.

Таковы основные принципы социально-экологического воспитания и образования, обязательные для всех групп населения и всех уровней профессий. Особенно хочется подчеркнуть принципы всеобщности этого процесса и первоочередной значимости его для лиц, принимающих решения.

К сожалению, эти принципы, видимо, не всегда выдерживаются.

Следует остановиться еще на одной важнейшей особенности социально-экологического образования – на его новом системном характере.

Экологический кризис – это не только разрушение окружающей человека природы. Бедственное состояние природы, как в зеркале, отражает кризис обществ. Поэтому кризис носит новый системный характер и должен рассматриваться как **социоприродный**, то есть охватывающий всю социоприродную систему.

Для понимания его сути и путей выхода из него требуется совместное участие социальных, естественных и технических наук, которые до сих пор остаются разобщенными.

С данным обстоятельством связано то, что экология в учебных дисциплинах преподается зачастую односторонне – либо как биологическое знание, либо как социальное, в зависимости от того, какой предмет лучше знает преподаватель.

Методика преподавания современной экологии как социоестественной дисциплины разработана слабо, и до сих пор в стране не налажен процесс подготовки педагогических кадров с учетом комплексной социоестественной особенности экологии, экстраполированной на общество.

Пора, наконец, понять, что в учебных заведениях как общеобязательный предмет должна преподаваться социальная экология, которую так и нужно назвать в учебных планах и в рубриках учебных пособий.

Социальная экология представляет собой вполне самостоятельную область знания, изучающую специфические **законы совместимости общества и природы** в рамках единой социоприродной системы. Поэтому преподавание социальной экологии должно идти в виде не только экологических аспектов во всех существующих дисциплинах, но и самостоятельного предмета, дающего основу такого преломления в различных областях науки.

Попытки преодолеть недостатки прежнего преподавания современной экологии путем введения нового названия «образования для устойчивого развития» не решают проблему, создается лишь видимость такого решения.

Среди принципов, которые лежат в основе концепции образования, для устойчивого развития авторы вслед за «экологизацией общества» выдвигают установку на «социализацию природы». Видимо, сами авторы далеки от того, чтобы вкладывать в этот термин экологически негативный смысл. Скорее всего, они имели в виду необходимость учета влияний социальных факторов при оценке состояния природных объектов.

Тем не менее термин явно неудачен уже потому, что нуждается в пояснении и уточнении, и можно не сомневаться, что сторонники наступательной стратегии на природу не замедлят вложить в него свой далекий от экологии смысл.

Пришло время со всей ответственностью отнестись к формированию системы экологического воспитания и образования, прежде всего определить концептуальное ядро этой системы, которым являются наиболее общие законы саморегуляции социоприродной целостности. Эти законы следует положить в основу экологической теории и практики.

Литература

Лосев А. В., Провадкин Г. Г. Социальная экология: уч. пособ. для вузов. М. : Владос, 1998.

Экология и экономика природопользования: учебник для вузов / под общ. ред. проф. Э. В. Гирусова. 4-е изд. М. : ЮНИТИ, 2010.

Мамедов Н. М. Экология и устойчивое развитие. М. : МГАД, 2013.

Чумаков А. Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации // Век глобализации. 2013. № 2 (12). С. 23–37.

Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста: 30 лет спустя. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПОСТРОЕНИЯ ИНТЕГРАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Краснов В. В.*

Обозначена проблема удовлетворения потребностей в человеческом сообществе. Проанализирована возможность успешного существования сообщества, основанного на рациональном объединении. Рассмотрена эгоистическая природа человека как помеха на пути к глобальному благополучию. Показано смещение потребностей человечества с материальных в сторону социальных и духовных. Сделано предположение, что индивидуальная духовная цель развития может находиться внутри объединенного сообщества. Введено понятие интегрального сообщества как высокодифференцированной и вместе с тем высокоинтегрированной социальной системы, в которой интеграция служит для достижения единой общей цели общества, а дифференциация обеспечивает максимальное осознанное индивидуальное участие в этом каждого члена общества.

Ключевые слова: потребности, сообщество, благосостояние, интегральность, альтруизм.

The problem of needs satisfaction of human community is indicated. The possibility of successful existence of the community based on a rational association is analyzed. The selfish human nature as an obstacle on the way to global wellbeing is considered. The changing of human needs from material into social and spiritual is described. It is suggested that individual spiritual aim of development could be inside the united community. The concept of integral community is introduced as high-differentiated and high-integrated social system, in which the integration is used for achieving the one common aim of society and differentiation provides the maximum conscious individual participation of every member of society in it.

Keywords: needs, community, wellbeing, integrality, altruism.

Если рассмотреть весь исторический путь человеческого общества с точки зрения постановки целей развития, то можно обратить внимание, что решение любых задач, по сути, сводилось к достижению благосостояния отдельными личностями или социальными группами. Под благосостоянием обычно понимают обеспеченность населения необходимыми материальными и духовными благами, то есть предметами, услугами и условиями, удовлетворяющими определенные человеческие потребности.

Если исследовать изменение количества и качества потребностей в историческом аспекте, то можно увидеть, что они испытывают постоянный рост. Считается, что к этому приводят две причины:

- 1) увеличение населения Земли;

* Краснов Владимир Владимирович – д. м. н., к. п. н., профессор кафедры медицинской информатики Национальной медицинской академии последипломного образования имени П. Л. Шупика, заведующий проблемной научно-исследовательской лабораторией по вопросам последипломной подготовки врачей (провизоров). E-mail: volodkras@gmail.com.

2) стремление каждого человека к наиболее полному удовлетворению своих материальных и духовных нужд [Лавров, Капогузов 2006].

То есть этому росту способствует само человеческое общество, которое успешно определяет не только виды потребностей, но их качество и способы достижения.

В свою очередь, экономисты пытаются вывести закономерности данного эффекта, который во многих теориях отображен в виде «закона возвышения потребностей». Согласно этому закону, прогресс человечества, рост его культуры, знаний, преобладание духовных начал, расширяющиеся возможности экономики неизбежно обуславливают увеличение потребностей как закономерность человеческой цивилизации [Райзберг 1997].

Преумножение потребностей не ограничивается сугубо материальной основой. Человеческому индивиду свойственно испытывать полный набор их разновидностей: материальных, социальных и духовных. У каждого человека они выражены в разной пропорции, однако существуют обязательно^{**}. Потребности всех уровней (по Маслоу) «инстинктоидны», то есть генетически заложены в психике человека в виде потенциалов. Потребности более высоких уровней актуализируются и начинают влиять на поведение лишь по мере удовлетворения (полного или частичного) низших. Можно сказать, что главным в концепции Маслоу является представление о совпадающем с эволюцией человека движении потребностей от основания (физиологические нужды) к вершине (самоактуализация).

Социальные потребности возникают из отношений между людьми – как непосредственно из межличностных, так и из всех других уровней отношений, которые связывают индивида с обществом. К ним относятся, например, статусные потребности, то есть все те, объектом которых является психологически позитивное для индивида положение в социальной группе – в признании, уважении, власти, солидарности и т. п. В эту же группу входят потребности в эмоционально насыщенных позитивных межличностных отношениях – любви, дружбе, общении; разнообразные морально-этические потребности; в социально-значимой, то есть ценной для «других», для социума деятельности. Все они могут быть определены как потребности социального существования людей [Дилигенский 1994].

Под духовными потребностями Абрахам Маслоу понимал познание, самоактуализацию, самовыражение и самоидентификацию [Maslow 1954]. Понятие духовных потребностей выходит за пределы понятия рациональности и сложно поддается измерениям. Вполне возможно, что именно за счет этого подобные цели развития сообществ демонстрировали наиболее долгую живучесть. При этом всегда существовал риск того, что определенные слои в социуме могли воспользоваться таким соблазнительным инструментарием для достижения личных корыстных целей. Это уверенно демонстрирует вся история человечества: религиозные войны, преследования инквизиции и т. п. – вот далеко не полный перечень исходов.

Располагая современными знаниями, можно увидеть, что у человечества в глобальном масштабе в начале XXI в. остро возник очередной набор проблем,

^{**} Согласно А. Н. Леонтьеву, сфера человеческих потребностей обладает внутренним единством и их разделение на необходимые для поддержания жизни и духовные потребности относительно.

которые связаны с наличием двух аксиом, актуальных как для человека Средневековья, так и для современника:

- аксиома первая: потребности человека (и общества) могут расти безгранично;
- аксиома вторая: ресурсы, которые есть в распоряжении у человечества для удовлетворения растущих потребностей, ограничены.

В итоге многочисленные экономические школы пытаются решить весьма сложную задачу – как наиболее полно удовлетворить возрастающие потребности общества, максимально рационально используя имеющиеся в распоряжении ресурсы. Однако расчеты экономистов и социологов подтверждают наихудшие ближнесрочные прогнозы по обеспечению людей хотя бы материальными благами: водой, пищей, теплом и т. п.

В подобном случае существует несколько традиционных путей выхода из сложной ситуации – или осознанно ограничить собственные потребности, или начать использовать дополнительные ресурсы для создания необходимых благ, или взять блага у тех, у кого они есть. Однако исторические примеры наглядно демонстрируют ущербность подобных моделей.

Так, осознанное *ограничение потребностей* при помощи социальных инструментов является весьма проблематичным актом. Жизнь показывает, что, используя средства идеологической обработки, можно достичь успехов, но только на кратком отрезке времени. Более успешно с подобной задачей справляются различные религиозные направления, которые используют идею ограничения благ материальных в текущий период времени с компенсацией благами духовными в отдаленном будущем.

В свою очередь, ни одна религия или идеология, как демонстрирует все та же история, не может справиться с неконтролируемым естественным ростом потребностей и тем, что далеко не все население осознанно соглашается с установленными правилами поведения. В подобных ситуациях социальная система, если отсутствует возможность *извлекать дополнительные ресурсы* в виде природных богатств или повышать эффективность получения благ за счет новых технологий, переходит к третьему варианту – *насильственному отъему благ* у тех, у кого они есть. Насилие распространяется или на внутренние социальные слои (тоталитарное государство), или за пределы государства (агрессивная внешняя политика).

Проблема еще более усугубилась на нынешнем этапе развития человеческой цивилизации. Развитые сообщества демонстрируют культурную деградацию, причиной которой является сдвиг потребностей в материальную сторону (так называемый феномен общества потребления). Считается, что данный феномен основан на «фетишизации потребления стандартных бытовых товаров и услуг в ущерб развитию духовных и интеллектуальных интересов граждан» [Васильчук 2010].

Значительную лепту в данный процесс вносят современные средства коммуникации и массмедиа, которые помогают реплицировать новые нормы и правила неограниченного потребления с избранных каст на все человечество.

Кроме того, появился еще один новый фактор, который никогда не был значимым во всем периоде развития человечества. Этот фактор – глобализация, в условиях которой даже войны становятся неэффективными, так как, например, в побежденной стране происходят спад экономики и обнищание населения. В результате победитель теряет рынок сбыта своей продукции, что приводит к падению его собственной экономики.

Таким образом, в свете непрерывного роста потребностей и снижения возможностей их удовлетворения традиционные подходы решения проблем неэффективны. Некоторую надежду подает вероятность открытия новых источников энергии, однако здесь можно просто не успеть.

Выходом из сложившейся ситуации в общечеловеческом масштабе могут быть два эволюционных пути: 1) рациональное объединение для более эффективного удовлетворения потребностей; 2) смещение акцента с материальных потребностей в сторону социальных и духовных.

Рассмотрим возможность успешного существования сообщества, основанного на **рациональном объединении**. В биологических моделях для более удачного удовлетворения материальных потребностей (согласно принципам достижения максимума эффекта при минимуме затрат) группы особей демонстрируют постоянные или временные процессы объединения. Природа показывает примеры организации животных для выживания, например в виде группирования хищников во временные стаи при недостатке ресурсов и т. п.

Человеческое сообщество в историческом аспекте также проходит различные процессы формирования коалиций. Классически выделяют следующие способствующие этому факторы: коллективные представления, чувства, верования; ориентированные на других (то есть социальные) действия; общность норм и ценностей, которыми руководствуются люди в своей жизнедеятельности; экономические составляющие и др. [Антоновский 2007].

Как уже упоминалось, в настоящее время происходит стремительное объединение человечества, которое носит название «глобализация». Под последней понимают «серии эмпирически фиксируемых измерений, разнородных, но объединяемых логикой превращения мира в единое целое» [Robertson 1992]. Говоря о глобализации экономики, обычно подразумевают своеобразное стирание границ между государствами при формировании единого рынка.

Смысл глобализации сводится к постулированию неизбежности полной планетарной интеграции, перехода от множества государств, народов, наций и культур к единому мировому государству.

Чаще всего под глобализацией понимают экономический вектор объединения, однако в современном ее проявлении также можно выделить такие направления, как глобальная коммуникация, глобальная политика, глобальная культура, глобальная наука, глобальный язык, глобальный образ жизни.

Анализ теории и методологии глобализации в отечественной и зарубежной литературе позволяет сделать вывод, что глобализация – это современный необратимый процесс преобразования мирового хозяйства в единую зону с единым экономическим, политическим, социокультурным, информационным пространством, в рамках которого беспрепятственно перемещаются капиталы, товары, услуги, информация, стимулируя тем самым развитие современных институтов и механизмов их взаимодействия.

Однако в развитых странах не существует единодушия в понимании сущности данного процесса. Если специалисты США и Великобритании считают глобализацию абсолютным благом, то ученые других стран, в первую очередь Германии, Франции, Японии, относятся к подобному явлению с чрезвычайной осторожностью. Приводятся данные, что от глобализации в конечном итоге выигрывает лишь 14,5 % живущих в западном мире, в то время как остальные

страны, и в первую очередь развивающиеся, наоборот, проигрывают [Малышев 2000].

В документах ООН приводится следующее определение глобализации: «Глобализация – это общий термин, обозначающий все более сложный комплекс трансграничных взаимодействий между физическими лицами, предприятиями, инструментами и рынками <...> Глобализация проявляется в расширении потоков товаров, технологий и финансовых средств, в неуклонном росте и усилении влияния международных институтов гражданского общества, в расширении масштабов трансграничных коммуникационных и информационных обменов, приходе всего через Интернет, в трансграничном переносе заболеваний и экологических последствий, и во все большей интернационализации определенных типов преступной деятельности» [Доклад... 2000].

Считаем необходимым обратить внимание на заключительную часть этого определения – предупреждение о вероятности использования процессов глобализации для усиления негативных социальных процессов. Подобные явления также являются естественным историческим ходом событий – как только развиваются различные средства и технологии продуцирования или перемещения материальных, социальных или духовных ценностей, данный инструментарий сразу вызывает интерес у лиц, желающих обойти законы общества.

Специалистами отмечается, что переход от индивидуальных актов криминального поведения к организованной преступной деятельности характеризуется теми же причинно-следственными цепочками, что и переход от простейших видов экономического функционирования к развитым схемам предпринимательской деятельности в условиях рыночной экономики. В обоих случаях с целью обеспечения максимальной эффективности (максимум прибыли при минимуме риска) вырабатываются все более сложные и высокотехнологичные схемы деятельности. Как следствие, структуры организованных преступных формирований становятся похожими на структуры крупных корпораций [Криминология 2009].

Таким образом, объединение в группы для более эффективного удовлетворения потребностей не демонстрирует долговечности и привлекательности для всего человеческого сообщества в целом. Всегда существует опасность «соскальзывания» идеологической основы организованных социальных групп: основанных на удовлетворении материальных потребностей – в криминальные объединения; социальных потребностей – в национализм; духовных – в религиозный фанатизм.

В любом случае постоянный рост потребностей у членов сообщества приводит к его расслоению по возможностям доступа и распределению ресурсов. Все это заканчивается агрессией, направленной на внешнее и/или внутреннее окружение. В антагонистических сообществах власть переходит в руки тех классов и групп, которые господствуют в экономике, владеют основной массой общественного богатства. Созданные институты власти защищают собственников различными способами: принуждением, насилием, манипулированием общественным мнением. В сознание людей внедряются те ценностные ориентации, которые выгодны господствующим классам.

Человеческая жизнь как таковая уже не воспринимается как социальная ценность. Об этом говорил идеолог рабовладельческого строя Аристотель. Выдвигая идею о том, что человеческая жизнь – высшая ценность, он подразумевал жизнь только одной части общества своего времени – рабовладельцев, свободных граж-

дан, греков. Рабы не могли быть людьми, и в системе общественных отношений рабовладельческого общества раб являлся собственностью, а его социальная роль заключалась в создании материальных благ для «людей» – свободных граждан, создании условий для реализации их «арете» [Аристотель. Политика].

Вся история человечества в эпоху цивилизации показала, что представления о ценностях у собственников, у государства, которое их охраняло, прямо противоположны истинным ценностям. Трудом многих поколений людей создавались огромные богатства материальной и духовной культуры, но их присваивали и ими распоряжались немногие. К выводу, что основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим, что ее развитие крайне противоречиво, научная мысль пришла уже в XIX в. В частности, независимо друг от друга его сделали американский ученый, этнограф, историк Л. Г. Морган и немецкий философ, один из основателей марксизма Ф. Энгельс. Они оба восхищались человечностью древнего родового строя. Морган отмечал, что с наступлением цивилизации рост богатства стал таким огромным, его формы – такими разнообразными, его применение – таким обширным, а управление им в интересах собственников – таким умелым, что это богатство «сделалось неодолимой силой, противостоящей народу», и «человеческий ум стоит в замешательстве и смятении перед своим собственным творением» [Маркс, Энгельс 1961].

Таким образом, рациональное объединение людей в группы, с одной стороны, несет благо для самой группы, с другой – проигрыш для тех, кто не попал в это «сильное» объединение.

Однако целью данного исследования является попытка найти формат таких взаимоотношений, которые являются выигрышными для всех без исключения. Единственным выходом может быть решение, когда границы рационального объединения разрозненных групп расширяются на **все** человечество. В этом случае для подобного глобального сообщества не останется внешних социальных систем, за счет которых оно будет удовлетворять свои потребности, причиняя соответствующие страдания. Однако у такой на первый взгляд утопической идеи есть ряд факторов неоднозначного влияния: *эгоистическая сущность человека* и его *социальная природа*.

Мы считаем, что именно *эгоистическая природа человека* является основным камнем преткновения на пути к глобальному благополучию.

Понятие эгоизма (от лат. *ego* – «я») трактуется как принцип жизненной ориентации и морального качества человека, связанный с предпочтением собственных интересов интересам других (индивидуальных и коллективных) субъектов [Социология 2003].

Следует подчеркнуть, что в современном человеческом сообществе эгоистическая составляющая эволюционировала до такого уровня, что достижение собственной выгоды осуществляется осознанно за счет и в ущерб другому, а удовлетворение получается не только от насыщения собственной потребности, но и от осознания того, что другой своей потребности удовлетворить не смог.

Подобного в животной и растительной природе не существует. Даже когда животное насыщается за счет другого, то удовлетворения от страданий последнего не происходит и животное никогда не возьмет себе больше того, что необходимо для выживания. Человек же готов отбирать неограниченно.

Можно ли утверждать, что деятельность любого члена человеческого общества в любой момент времени определяется эгоизмом?

Как определялось ранее, задача любого биологического субъекта (как и объекта) состоит в достижении личного максимального благосостояния при минимальных затратах. В условиях только материальных потребностей и обилия ресурсов эгоистическая суть человека не представляет проблем. Сложности для его окружения возникают при дефиците возможностей в удовлетворении возрастающих потребностей. В этом случае до определенного этапа развития индивид достигает преимуществ перед другими за счет совершенствования собственных природных качеств, но с некоторого момента личность начинает использовать все имеющиеся в доступе инструменты воздействия для того, чтобы помешать окружающим развивать и удовлетворять свои потребности (то есть препятствует другим его «догнать и перегнать»). Подобная искусственная «дельта» (между собой и окружением) позволяет поддерживать в особи чувство уникальности, особенности, превосходства над другими. Все это отнюдь не способствует здоровому развитию всего человеческого сообщества.

Таким образом, главным препятствием на пути к успешному глобальному объединению можно назвать эгоистическую человеческую природу.

Следует подчеркнуть, что модели альтруистического поведения также присутствуют в обществе (слово «альтруизм» происходит от лат. *alter* – другой, другие – поведение, которое определяется заинтересованностью в благосостоянии скорее других, нежели в собственном) [Дэвид, Джери 2001]. Однако сторонники эгоистической основы человека утверждают, что в данном случае имеет место другая форма эгоизма, которая носит название «разумный эгоизм». Последний представляет собой способность личности в определенный период времени нести потери при условии выигрыша в дальнейшем. Причем потери (затраты) могут быть в одной форме потребностей (например, материальной), а выигрыш – в другой (например, социальной или духовной).

Альтруистическое поведение выгодно человеческому сообществу. Как показали научные исследования, сообщество является устойчивым, если в нем присутствует около 10 % альтруистов [Правоторов 2004]. Как только этот баланс нарушается в любую сторону, общество в целом начинает страдать. Можно предположить, что страдания исчезнут в момент, когда все особи в сообществе примут *альтруистическое поведение*. Вполне допустимо, что подобное состояние и является итогом эволюции человечества.

Ради справедливости стоит отметить, что во все времена человеческого существования идеологи государственности отдавали себе отчет в факторе риска, именуемом «эгоизмом». Пути сдерживания его проявлений также были традиционными: воспитание в духе ценностей альтруистического поведения, с одной стороны, и внешний контроль над проявлениями эгоизма в виде развития системы норм, правил и законов социальных взаимоотношений – с другой.

Однако, как свидетельствует тот же исторический опыт, оба описанных механизма не приводили к сколько-нибудь устойчивым результатам (на моделях всего социального сообщества). Пуританское воспитание, основанное на крайней строгости нравов и аскетических ограничениях потребностей, было нежизнеспособным в широких социальных группах.

В свою очередь, правила поведения, введенные социумом с целью самосохранения и уменьшения страданий, также принимались не всем сообществом. Для большинства людей любые внешние ограничения в удовлетворении собственных потребностей, введенные социальным контролем, вызывают сложные эмоциональные конфликты. Психологи доказывают, что невыплеснутые негативные эмоции могут приводить к деформациям личности, психозам, агрессивным поведенческим реакциям, что выражается в протестных движениях, асоциальном поведении, уходе в наркоманию и алкоголизм и т. п. Подтверждением этого являются многочисленные исторические факты социальных взрывов, когда внешний контроль вынужденно ослабевал или исчезал.

Напротив, если применение санкций совершается осознанно и самим человеком, направлено на себя и происходит внутри, то такую форму контроля принято считать самоконтролем или внутренним контролем. Чем выше у членов общества развит самоконтроль, тем меньше этому обществу приходится прибегать к внешнему контролю, и наоборот.

Таким образом, если человеку удастся перевести контроль с внешнего на внутренний уровень, если внутренние, подсознательные установки начинают совпадать с внешними, только тогда исчезают все эмоциональные конфликты и человек переходит в состояние комфортного существования.

Мы считаем, что достичь подобного состояния возможно только через введение системы специального воспитания, которое должно происходить в среде, где все участники демонстрируют ожидаемое поведение. При этом в основе поведения воспитателей должно лежать их истинное, внутреннее свойство.

Механизм, который может как способствовать, так и мешать построению комфортного сообщества, кроется в *социально-индивидуальной природе человека*. Феномен этот чрезвычайно многогранен и многообразен по формам своего выражения. Одно из его проявлений состоит в том, что отношение человека к общественной действительности (интеллектуальное, эмоциональное или практическое), с одной стороны, скрывается в недрах его собственной индивидуальной психики, с другой – никогда не бывает абсолютно индивидуальным, изолированным от мнений и поступков других людей (конкретных индивидов или «обобщенного другого»). Это отношение складывается в процессе общения людей и выражается в общих для какой-то их группы взглядах и поступках, в групповых психологии, сознании и поведении [Дилигенский 1994].

Идея социокультурного воздействия на потребление особи была продемонстрирована многими исследователями, в работах которых показано, что при психологической интеграции индивида в те или иные большие социальные общности происходит интериоризация им выработанных этими общностями ценностей. Более того, эти ценности влияют на всю мотивационную психологию личности. Но данное влияние чаще всего осуществляется путем сложного преобразования социально-политических или идеологических ценностей в личные мотивы [Лейбенштейн 1993].

Можно предположить, что макросоциальные или идеологические значимости, не будучи непосредственным источником ценностей личных, участвуют в их отборе индивидом в качестве своего рода «социального семафора»: они «поощряют» одни личные цели и ориентации, «запрещают» другие, проявляют нейтралитет к третьим. Будучи социально-индивидуальным существом, человек не обяза-

тельно строго следует этим сигналам, но так или иначе считается с ними, пытается как-то согласовывать свои внутренние побуждения с социально санкционированными, нормативными ценностями. Многочисленные исследования социальных психологов говорят о том, что человек ищет подобия с другими, испытывает стремление ассоциироваться с ними [Сарджвеладзе 1982].

Например, английский социолог У. Рансимен в своих исследованиях продемонстрировал тот факт, что представления людей о своем экономическом и социальном положении и уровень их недовольства или удовлетворенности этим положением не соответствуют их реальной ситуации. Субъективная неудовлетворенность является результатом сравнения собственного положения с образцовой, условно «нормальной» ситуацией. Обычно за образец принимается ситуация определенной референтной группы. В качестве таковой может выступать собственное социальное окружение. Или же люди сравнивают свое положение с ситуацией другой известной им группы [Runciman 1966].

Таким образом, количество и качество социальных потребностей у индивида напрямую определяется обществом. Исследователи показывают, что «от того, с какой социальной общностью себя человек идентифицирует, прямо зависят и его собственные ценности и цели» [Дилигенский 1994].

Более того, как общество влияет на человека, так и сам человек оказывает влияние на социальное окружение. Требование социальной среды может выражаться в том, чтобы «подстроить» личность под социальные стереотипы, нормы и предписания посредством постоянного воспроизводства индивидом в своих поступках, представлениях, образе жизни этих же стереотипов, норм и предписаний. При этом личность человека выступает как единица в системе общественных отношений, как реальный носитель этих отношений. Подобное взаимовлияние некоторыми исследователями считается настолько существенным, что они предлагают рассматривать его как целостное системообразование «личность – социальная среда» [Angyal 1965].

Таким образом, в человеческом сообществе природой заложен механизм умножения потребностей, когда вновь рожденный индивид абсорбирует правила удовлетворения потребностей и их развития от окружающего сообщества как базовый уровень. При этом личная активность индивида направлена на расширение потребностей и способов их удовлетворения, что, в свою очередь, оказывает влияние на его ближайшее окружение.

Как следствие, демонстрация сообществом абсорбированных моделей поведения и система воспитания, которая обеспечивает не только заданный уровень, но и желаемое этим обществом будущее поведение (создание аттракторов будущего), может *дать основу для формирования любой заданной психологической основы человека, в том числе и основанной на альтруизме.*

Теперь рассмотрим вопросы *смещения акцента с материальных потребностей в сторону социальных и духовных.* Как отмечалось, по мере удовлетворения потребностей последние эволюционируют количественно и качественно. Мы видим, что в настоящее время человечество самостоятельно «дрейфует» в области развития материальных потребностей, но при этом способы удовлетворения подобного вида потребностей природа не увеличивает. Если взять за основу тот факт, что в процессе эволюции жизни на планете происходила параллельная эво-

люция видов потребностей у человека, то можно предположить, что ожидаемая конечная *цель* развития человечества *является духовной*.

Отсутствие четких критериев понятия «духовность» рисует образ этого состояния как некоего абстрактного, «эфирного» существования, с полным отсутствием материальных и социальных составляющих. На подобных образах основываются различные религиозные течения.

Однако важно разделять понятия «религиозность» и «духовность». Ряд исследователей утверждают, что духовность отличается от религиозности тем, что источником последней является внешний мир в виде предписаний и традиций, тогда как источником духовности является внутренний опыт человека [Barker 2008]. В современном западном мире все более четко прослеживается тенденция «религиозной индивидуализации», которая рассматривается в рамках феномена «субъективного поворота». Данная тенденция выделяется после разделения религии на две формы: «ритуальную» и «внутренней жизни». Последняя основывается на личном и постоянном принятии религиозных ценностей каждым верующим в мистической или этической форме, тогда как в ритуальной религии люди «воспринимают себя прежде всего через принадлежность к установленному и “заданному” порядку вещей, который идет из прошлого и простирается в будущее. Будучи “выше” и “величественнее”, чем индивидуальное “Я”, этот трансцендентный, коллективный, супер-Я порядок является главным “источником значимости” для людей» [Heelas 2005].

В свою очередь, «субъективный поворот» подразумевает, что целью смысла жизни человека становится не соответствие внешнему авторитету, а «мужество стать своим собственным авторитетом» [Taylor 1992], источником которого являются человеческие переживания, состояние сознания, память, эмоции, телесные ощущения и т. д. Как следствие, в религии личность человека и его чувства сегодня стали важнее, чем институциональная религиозность, и поэтому люди все реже ищут ответы на религиозные вопросы в церкви.

Таким образом, в эпоху модерности индивидуализм и все более возрастающая важность «Я» в человеческом сообществе развились до такой степени, что это наложило существенный отпечаток на религиозность и духовность. «Субъективный поворот» в культуре модерности и плюралистический характер современного общества привели к тому, что люди «сами конструируют свою социальную реальность из имеющихся элементов культуры, где ни одна сфера жизни, в том числе религия, не отделена от другой непроходимой стеной» [Степанова 2011]. При этом важность сакрального в человеческой жизни не исчезает, она смещается с абстрактного уровня на индивидуальный. В таком переходе от внешнего объективного целеполагания к внутреннему субъективному росту смыслом религии оказывается сакрализация жизни-по-правилам, а смыслом духовности – сакрализация жизни-в-субъектности [Heelas 2005].

На основе этих утверждений в рамках теории эволюции потребностей можно говорить о том, что индивидуальная духовная цель развития вполне может находиться **внутри объединенного сообщества**. В этом случае духовная жизнь должна представлять собой не некое абстрактное, «эфирное» существование, а быть вполне реализуемой на уровне физического сообщества. Именно психологическое состояние каждого индивида, при котором открытие духовного происходит в совершенствовании взаимосвязи между людьми, может служить основой общества будущего.

На основе данного постулата можно ввести понятие *интегрального сообщества* как высокодифференцированной и вместе с тем высокоинтегрированной социальной системы, в которой интеграция служит для достижения единой общей цели общества, а дифференциация обеспечивает максимальное осознанное индивидуальное участие в этом каждого члена общества.

Данная тема беспокоит многих современных ученых, которые рассматривают мир и человеческое общество как целостную систему тесно взаимосвязанных компонентов, изучая понятия целостного мира, социокультурной целостности, системных и мир-системных подходов и т. п. [Силина 2012].

Подводя итог рассуждениям, приведенным в данной работе, можно утверждать, что обязательным условием достижения благополучия для всего общества является один из видов альтруистического поведения – поведение *интегральное*, когда индивид строит свою систему восприятия мира на основе целей всего общества.

Вторым обязательным условием является духовная цель развития, которая находится внутри интегрального сообщества. Однако актуальным остается вопрос – кто и как будет определять эту духовную цель?

По аналогии с эволюцией рационального мышления можно ожидать, что *понятие духовной цели* должно также эволюционировать. Мы предполагаем, что, так как никто четко не знает свойств *истинной* духовности, то по мере постепенного увеличения взаимосвязи между людьми будут происходить качественные изменения, на основе которых будет конструироваться следующий вариант интерпретации духовной цели.

Факты свидетельствуют о том, что человеческая эволюция никогда не была равномерной для всех членов сообществ. Всегда присутствовали личности с более высоким уровнем системного восприятия мира. Исходя из эволюции потребностей, можно предположить, что человечество постоянно имеет определенную когорту людей, которые неизменно появляются в процессе эволюционного развития общества, абсорбируют вектор его формирования и способны генерировать ближайшие задачи его становления в рамках общего целевого направления («управляемая эволюция целей»).

Отсюда можно сделать вывод, что прогрессивно развитые люди, четко осознавая ответственность и необходимость влияния на эволюцию человеческого сообщества в планетарном масштабе (в отличие от природной, естественной, неуправляемой эволюции, которая имела место до настоящего времени), способны стать основой зарождения *интегрального сообщества*.

Литература

Антоновский А. Ю. Начало социозпистемологии : Эмиль Дюркгейм // Эпистемология & философия науки. 2007. Т. XIV. № 4. С. 142–161.

Васильчук Ю. А. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. Т. 3. М. : Мысль, 2010.

Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М. : Наука, 1994.

Доклад Генерального секретаря о работе организации ООН. Нью-Йорк, 2000 [Электронный ресурс]. URL: www.un.org (дата обращения 7.12.2012).

Дэвид Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. М. : Вече; АСТ, 2001.

Криминология: уч. пособ. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М. : Проспект, 2009.

Лавров Е. И., Капогузов Е. А. Экономический рост: теории и проблемы: уч. пособ. Омск : Изд-во ОмГУ, 2006.

Лейбенштейн Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса // Теория потребительского поведения и спроса / под ред. В. М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1993. С. 304–325.

Малышев Д. Постиндустриальный мир и процессы глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 3. С. 93.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 39 т. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры (Институт Марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), 1961. Т. 21.

Правоторов Г. В. Альтруизм как врожденное свойство // Общественное поведение. 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethology.ru/library/?id=89> (дата обращения 7.12.2012).

Райзберг Б. А. Курс экономики: учебник / под ред. Б. А. Райзберга. М. : ИНФРА-М., 1997.

Сарджвеладзе Н. И. Исследование связи между социальным сходством и притяжением в зарубежной социальной психологии // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 2. С. 147–151.

Силина Е. В. Феномен глобализации: социальный аспект // Век глобализации. 2012. № 2. С. 89–95.

Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин и др. Минск : Интерпрессервис; Книжный дом, 2003.

Степанова Е. А. Новая духовность и старые религии // Религиоведение. 2011. № 1. С. 127–134.

Angyal A. The Holistic Theory of Personality // Psychology of Personality: readings in the theory / Ed. by W. S. Sahakian. Chicago, IL : Rand McNall, 1965. Pp. 319–341.

Barker E. The Church Without and the God Within: Religiosity and/or spirituality? / E. Barker // The Centrality of Religion in Social Life. Hampshire : Ashgate, 2008.

Heelas P., Woodhead L. The Spiritual Revolution: Why Religion is Giving Way to Spirituality. Oxford : Blackwell, 2005.

Maslow A. H. Motivation and Personality. New York : Harper & Brothers, 1954.

Robertson R. Globalization : Social Theory and Global Culture. London : Sage, 1992.

Runciman W. C. Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth-Century Britain. San Francisco, 1966.

Taylor Ch. The Ethics of Authenticity. Cambridge : Harvard University Press, 1992.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ЭРОЗИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Гранин Ю. Д.*

В статье анализируются угрозы национальной идентичности населения многих государств мира в условиях современной глобализации. Последние инспирируются не только рядом современных интеллектуальных течений, но и объективным формированием массовой мультикультурной среды существования, расширение которой вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти. Противостоят символическому насилию масскультуры «глобального потребителя», полагает автор, способна продуманная государственная политика, сочетающая традицию и современность в горизонте сохранения национальной идентичности.

Ключевые слова: глобализация, идентичность, модернизация, модернизм, постмодернизм, символическое насилие.

The paper analyzes the threats to national identity of population of many countries of the world in terms of modern globalization. The latter are inspired by not only a number of modern intellectual tendencies but also by objective formation of mass multicultural environment of existence, the expansion of which is caused by the neo-liberal institutions of the global economy and spread of information technologies which connected the humanity by anonymous power systems. The author believes that a robust public policy, which combines tradition and modernity in the aspect of preserving the national identity, can withstand the symbolic violence of mass culture of the “global consumer”.

Keywords: globalization, identity, modernization, modernism, postmodernism, symbolic violence.

История последних десятилетий, отмеченная клеймом финансово-экономической, политической и культурной глобализации человечества, поставила народы многих стран мира перед проблемой сохранения прежних и поиска новых идентичностей. Почти повсюду, отмечает Сэмюэл Хантингтон, люди задаются вопросом, что у них общего с согражданами и чем они отличаются от прочих, пересматривают свои позиции, меняют точки зрения. Кто мы такие? Чему мы принадлежим? Японцы никак не могут решить, относятся ли они к Азии (вследствие географического положения островов, истории и культуры) или к западной цивилизации, с которой их связывают экономическое процветание, демократия и современный технический уровень. Иранцев нередко описывают как «народ

* Гранин Юрий Дмитриевич – д. ф. н., профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Академии медиаиндустрии. E-mail: mail-granin@mail.ru.

в поисках идентичности», теми же поисками увлечена Южная Африка, а Китай ведет борьбу за национальную идентичность с Тайванем. В Сирии и Бразилии также налицо «кризис идентичности» [Хантингтон 2004: 34–35]. Такой же кризис, продолжает автор, претерпевают Алжир, Германия, Турция, Мексика, Великобритания. В итоге, делает вывод Хантингтон, почти повсеместно, не исключая США и России, идет процесс «фрагментации национальной идентичности», которой «пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным» [Там же: 36] из-за открытости границ и роста миграционных потоков, способствовавших образованию в пределах национальных государств инокультурных диаспор, не желающих интегрироваться в национальную культуру.

Не оспаривая общего вывода об угрозах политического и культурного единства состоявшимся нациям, которые несут современная модернизация и глобализация, следует подчеркнуть: национальная идентичность, конечно, может утрачивать значимость, но вряд ли она способна, как полагает Хантингтон, дробиться на составляющие. В современной литературе существует множество типологий и классификаций идентичности. Их подразделяют на «индивидуальные» и «групповые», «позитивные» и «негативные», «локальные» и «надлокальные», «фундаментальные» и «релятивные». Самыми фундаментальными признаются расовые, этнические, национальные и цивилизационные идентичности, связанные с антропологическими, языковыми, культурными и религиозными различиями людей.

Каждый индивид является носителем комплекса многочисленных иерархически связанных идентичностей, часть из которых актуализируется вместе с изменением географического, политического и социокультурного пространства его жизни. Но поскольку процедуры индивидуальной идентификации осуществляются в чувственно-эмоциональной и когнитивной формах, включая в себя мысленное отнесение к «группе», содержание полученного в акте самосознания ответа на вопрос: «Кто Я (Мы)?» в полной мере зависит от ценностно-оценочных представлений и знаний о «Них». В конечном счете идентичности представляют собой индивидуальные и групповые конструкты – вербализованные результаты отнесения к «воображенным общностям» (Б. Андерсон), определяемые, в свою очередь, предшествующим воспитанием, образовательным и культурным «багажом» и наличествующим в данный момент «окружением»: политическими ландшафтами, информационными и культурными «пространствами», в которые индивиды и группы вынужденно помещены и в которых они существуют.

Поэтому главные угрозы национальной идентичности в эпоху глобальных трансформаций исходят не только от потока инокультурных мигрантов, этнокультурного и политического сепаратизма. В современном мире интеллектуальные, политические и культурные вызовы национальной идентичности идут от целенаправленно развивающегося глобального экономического, политического и информационно-культурного (символического) «насилия». Властно формирующего «новые» – транснациональные (культурные и политические) идентичности и реанимирующего «старые» архаичные (субнациональные, мифопоэтические, религиозные) идентификации, сочетания которых в индивидах и группах весьма причудливы, экзотичны и разнообразны. В той мере, в какой разнообразны экономические, политические и культурные параметры жизни государств и народов, включенных в глобализацию – всемирно-исторический процесс, содержание которого требует концептуальных уточнений.

* * *

Не вступая в полемику о содержании термина «глобализация», по поводу которого до сих пор идут оживленные дискуссии [подробнее см.: Гранин 2014: 19–68; Чумаков 2014], отмечу лишь одно принципиальное обстоятельство: всемирно-исторический характер этой мегатенденции к поэтапному объединению человечества, осуществление которой на протяжении столетий реализовывалось в череде многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных цивилизационных моделей развития¹. Итогом таких попыток оказывалось временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций. Политической формой существования этих цивилизаций в большинстве случаев была «империя», оказывавшаяся мощнейшим политическим средством «переплавки» и ускорения процесса интеграции лингвистически, религиозно и культурно разных элит и населения имперских территорий. Так, параллельно и сменяя друг друга в качестве лидеров, на просторах Евразии формировались и развивались «китайская», «индийская», «эллинско-македонская», «римская», «арабо-мусульманская», «западноевропейская» и «евро-атлантическая» формы и векторы глобализации, соответствующие им «полюсы» регионального и межрегионального развития.

Ни одна из исторических попыток глобализации человечества не увенчалась полным триумфом. Но каждая способствовала экономическим, политическим и культурным трансформациям населяющих регионы социумов, увеличивала число и протяженность транспортных, торгово-экономических, политических и информационно-культурных «сетей» и коммуникаций, содействовала переносу за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни, распространению знаний и артефактов.

Наиболее масштабной и успешной была выросшая из западноевропейской евро-атлантическая форма глобализации, завершившая процесс становления всемирной истории: превращения локальных историй первобытных и постпервобытных (кочевых и аграрно-ремесленных) обществ, политически оформленных в ранние государства и их аналоги, в региональную историю древних и средневековых этнических государств и империй, а затем и во всемирную историю наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй, не только связавших человечество силою государственных форм территориального контроля, но и создавших новые «анонимные» системы власти: транснациональные организации и многонациональные корпорации.

Становление и развитие евро-атлантической формы глобализации было связано не только с появлением и распространением в пределах и за пределами Европы в XVII–XIX столетиях новых форм и институтов экономического развития, но и с формированием и распространением новых политических форм общежития и новых социальных общностей: «национальных государств» и «наций» [подроб-

¹ В данном случае под «цивилизационной моделью» понимаются формы и институты политического, экономического, социального и культурно-духовного развития, самостоятельно выработанные народами (группой народов), заимствованные ими или навязанные им в процессе колонизаций и завоеваний.

нее см.: Гранин 2007: 1–24; 2011]. По сути эта историческая форма глобализации представляла собой «модернистский проект» – была органически связана с идеалами Просвещения, гарантирующими оптимальное – национальное – устройство пространства совместной жизни (лингвистически, конфессионально и культурно) разных народов в Европе и за ее пределами не на основе традиций, а на основе рационально сформированных общей «памяти», общих «ценностей» и общей «судьбы». Однако проект модернизма, с характерным для него обожевлением и верой во всемогущество человеческого разума, уже в конце XIX в. был сначала подточен нищезанемлемостью, подорван двумя мировыми войнами, тоталитаризмом и структурализмом в первой половине XX в., а затем почти полностью разрушен во второй половине XX столетия культурным и философским постмодернизмом.

* * *

Оформившийся в 1960-х гг. в результате кризиса западных либеральных демократий, студенческих «революций» в Западной Европе, борьбы за права и свободы расовых меньшинств в США, с одной стороны, и деколонизации мира – с другой, постмодернизм бросил интеллектуальный вызов не только национальной идентичности и национальным формам общежития. Под сомнение были поставлены интеллектуальные и культурные скрепы всей претендующей на глобальное господство евро-атлантической цивилизации: классическая наука с ее пафосом рационального познания мира и презрением к религиозным догмам и суевериям и культура модерна с ее вниманием к общечеловеческим ценностям и классическим образцам. В социальных науках упор был сделан на отказ от парадигмальных образцов естествознания, логоцентризм и равноправность дискурсов любого рода, а в культуре – на ее плюрализацию, виртуализацию и визуализацию. Модернистской установке на искусственную гомогенизацию, «выравнивание» социокультурного пространства постмодерн противопоставляет якобы естественную плюральность последнего: растущее множество отдельных и вполне конкурентоспособных образований – «картин мира», идеологий, мировоззрений, научных парадигм, политических, экономических и культурных практик, образов жизни и т. п. Тем самым в культурное пространство современного Запада возвратились, казалось бы, давно вытесненные из него архаичные дискурсы и практики: мифы, древние формы религиозных культов, алхимия, астрология, магия. Вырос интерес к противопоставляемым национальной расовой и этнической реальности, маргинальным объектам и ситуациям – языку, фольклору, быту, традициям и обычаям, «безумию», «порнографии», «однополом бракам» и «сексуальному насилию».

В результате использования характерных для постмодернизма интеллектуальных стратегий децентрации² и деконструкции³ разрушению подвергается выстроенное наукой в эпоху модерна западоцентричное (евро-атлантическое) представление о характере становления и эволюции всемирной истории: ее разделение на политически, экономически и культурно «развитый» Центр (Запад) и «догоня-

² Отказа от поиска центральных элементов в тех или иных знаково-символических комбинациях и конструирования новых комбинаций без опоры на какие-либо «центры» или «ядра».

³ Образованный из двух слов – «деструкция» и «конструкция», введенный Ж. Деррида термин «деконструкция» подразумевает «разборку» присутствующих в культуре старых смысловых образований и «сборку» полученных элементов в новых комбинациях.

ющие» его «периферию» и «полупериферию». В исторических и социальных науках появилось мощное интеллектуальное направление «реориентализма»⁴, объявившее о необходимости выхода за пределы абстрактного универсализма и «логики евро-атлантической модерности» (отмеченной колониализмом и имперским различием) в пространство «глобальной истории», «контр-» и «транс-» модерности. Позволяющее будто бы создавать не менее эффективные, чем евро-атлантические, «эпистемы» анализа, теоретические проекты и модели развития, ведущие, как считают, постепенно к созданию иной – нерепрессивной по отношению к «отставшим» народам – глобализации.

В этой связи имеет смысл зафиксировать два наблюдения. Вряд ли кто-то усомнится, что в русле реориентализма/постмодернизма были достигнуты впечатляющие результаты. Парадигма «транссубъектности» Г. Ансальдуа, феномен «межсекционности» (связанный с пересечением и слиянием в опыте небелых женщин расовой дискриминации с гендерной, классовой и сексуальной), проанализированный афроамериканкой К. Креншоу, концепции «преодоления хюбриса нулевой точки» колумбийца С. Кастро-Гомеса и «трансмодерности» Э. Дусселя, концепция «ситуативных знаний и идентичностей» Д. Харрауэй, методология «порабощенных» Ч. Сандоваль и «игровая идентичность» М. Лугонес, концепция «реляционной этики и идентичности» сапатистов и плюралистическая герменевтика В. Миньоло – появление этих концепций и их презентация далекому от гендерных и постколониальных исследований читателю, безусловно, расширили и обогатили пространство интеллектуального поиска.

Вместе с тем настораживает безоговорочное отторжение отечественными адептами постмодернистской философии и методологии модернистского дискурса. Они пишут о наличии в нем «европейских имперских категорий», которые якобы «современная эпистемология вышвырнула как ненужные», об отсутствии в нем «оригинальных мыслительных традиций, к которым можно было бы вернуться», призывают к размежеванию с риторикой модерности, к акту «эпистемологического неповиновения». «Без этого шага, – читаем в статье В. М. Тлостановой, – деколонизация сознания и бытия окажется невозможной, и мы останемся в рамках внутренней оппозиции европоцентричным идеям модерности» [Тлостанова 2010: 216]. Но вот если мы сделаем этот шаг, научившись «забывать все то, чему нас учили прежде, освободиться от мыслительных программ, навязанных нам образованием, культурой, средой, отмеченной имперским разумом», тогда, продолжает автор, изменится «география и биография разума и знания, возникнет транс-эпистемологическое взаимопроникновение и полилог», которые будут способствовать созданию транс-модерного мира, где «не будет господствовать идея агона как смертельного соревнования» [Там же: 216–217].

Неужели автор всерьез полагает, что неравенство, дискриминация и борьба в современном мире вызываются только наличием «мыслительных программ», отмеченных имперским разумом, отсутствием взаимопонимания и «полилога» между людьми, народами и государствами? Если так, это типично модернистское утверждение просветительского толка. А кроме того, миллиарды людей на Земле живут, не подозревая о «пограничном гносисе, связанном с плюритопической

⁴ Преимущественно связанное с именами работающих в Европе, Японии и США ученых – выходцев с Арабского Востока, из Индии и Латинской Америки.

герменевтикой». К кому же тогда обращены эти призывы? К философам? Но если бы вдруг во главе всех правительств встали, не дай Бог, философы, то и тогда диалог бы не состоялся в силу различия теоретических позиций и личных пристрастий. Но продолжим.

Не вдаваясь в нюансы научных споров ориенталистов и реориенталистов, любопытно отметить, что последние тяготеют к идее «критического космополитизма», якобы преодолевающего «культурный империализм» современной (евроатлантической) формы глобализации, историческими субъектами которой, как уже отмечалось, выступали и выступают ведущие национальные государства Запада и созданные при их покровительстве и поддержке крупнейшие ТНК. Поэтому в их работах «нации» и «национальные государства» объявляются устаревшими формами общечеловеческого. И в этой оценке с ними солидарны объявляющие «нации» и «национализм» фиктивными теоретическими конструкциями Р. Брубейкер, Э. Гидденс, К. Вердери и другие представители европейского «неоконструктивизма», неолиберальные политики и экономисты (К. Омаэ, Дж. Сорос, З. Бжезинский), многочисленные политологи и некоторые известные мыслители. Все вместе они доказывают, что национальная идентичность исчерпала свой исторический ресурс, выстраивают «безнациональные» политические проекты грядущего «сетевое общества» (М. Кастельс), «мирового государства» (Т. Левит), «континентальных федераций» (А. Г. Дугин), «глобального гражданского общества» (Д. Дарендорф, Э. Гидденс), «глобального гражданства» (Ю. Хабермас, М. Эван), «общества множеств – рес-коммуны» (А. Негри, М. Хардт) или возглавляемой США «глобальной демократической империи» (Н. Фергюсон, П. Гречко).

В этом споре все точки над «і», конечно, расставит будущее. Но интеллектуальные вызовы национальной идентичности, о которых шла речь, в превращенной форме фиксируют некоторые объективные тенденции современной глобализации, связанные с формированием массовой мультикультурной среды существования, появление и распространение которой вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти. Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения.

* * *

От современной культурной мозаики рябит в глазах. Попадая в пространство Интернета, других СМИ, в кино и просто театры, концерты и супермаркеты, удивляешься многообразию и эстетическому плюрализму предлагаемых культурных блюд. Здесь, как в слоеном пироге, мы можем встретить причудливые смешения стилей и товаров из разных стран мира, пласты вненациональной глобальной культуры, гибридные формы и вновь актуализированные локальные. Не следует, однако, забывать, что большая часть производства продуктов культуры подчинена логике рынка. А потому современная мультикультурная среда – вовсе не пространство свободы. При всем своем разнообразии, и в общем-то, именно благодаря ему, она является пространством управляемого потребления, контролируется ТНК, рыночными стратегиями которых плюральность культурной среды вполне соответствует. В качестве наиболее характерной формы мультикультурализма в условиях неолиберальной глобализации исследователи называют «экзо-

тизацию» специфических культур. Экзотизация безопасна для глобального доминирования тем, что неолиберальный «плюралистический» мультикультурализм создает обманчивую картину гармоничного разнообразия, не имеющую ничего общего с реальностью, не учитывающую подавления и неравенства, которые по-прежнему во многом определяют культурную ситуацию в мире. «Неолиберальный мультикультурализм не заинтересован в перераспределении власти и культурного влияния, но напротив, отвлекает внимание от подобных вопросов путем коммерциализации мультикультуры и превращения ее в товар» [Глобализация... 2005: 185].

Однако рыночная социокультурная стратегия экзотизации часто пробуксовывает, вызывая раздражение тех, кто озабочен сохранением общенациональной идентичности. В США овладение иммигрантом американской культурой и включение в жизнь общества всегда означало овладение английским языком. В современной мультикультурной ситуации американские патриоты бьют тревогу по поводу засилья в Америке «низших» по своему развитию иммигрантских культур и нежелания иммигрантов овладевать английским языком. Но без этого у иммигрантов все равно нет шансов продвинуться в американском обществе. Все технологии ориентированы исключительно на английский язык. Неадаптированные иммигранты могут, разумеется, включаться в этнокриминальные структуры, но вряд ли именно это было для них «американской мечтой». Ситуация глобального билингвизма, сложившаяся в условиях распространения западных информационных технологий, не нова. То же самое переживали этнические языки и диалекты в период формирования национальных государств. И здесь возможны разные стратегии поведения. Возможно, многим покажется эффективной японская: освоение экономических и политических стандартов жизни Запада на основе использования традиций, института семьи, национальных культуры и языка.

Чрезмерное мультикультуральное разнообразие утомляет. Им заполнены СМИ и Интернет. Массовое сознание дезориентируется и лучше соответствует теориям «массового общества», чем в то время, когда эти теории создавались. З. Бауман прав, когда характеризует становящуюся «глобальную цивилизацию» как внешне фрагментированную, но по сути подконтрольную [Бауман 2002: 178]. Как показал Ж. Бодрийяр, в условиях фрагментизации культуры гражданская и культурная идентификации осуществляются через потребление [Бодрийяр 2006]. Н. Стивенсон уточняет принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современной стадии глобализации: она идет не через идеологическую мобилизацию и политическое участие, а через доступ к удовольствиям. Сам доступ контролируется, а потребитель получает во фрагментированной культурной среде «специфическую» идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, но сошла с «конвейера», поставлена на поток [Stevenson 1997]. В свою очередь, растущая множественность самоидентификаций (религиозная, этническая, экологистская) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически индивидуализированную массу. «Массовая культура» так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, *формирующий новую идентичность глобального потребителя*, в которой сочетаются нивелировка и допущенная, более того, «изготовленная» мера своеобразия. Экономическая борьба становится все в большей степени борьбой информационной, борьбой за сознание,

отсюда стремление ТНК при помощи правительственных органов контролировать сбор и распространение информации. Свобода предпринимательства оборачивается насаждением определенных культурных моделей в целях усвоения этих моделей потребителем и роста прибылей. В мире, где в экономике доминируют финансовые спекуляции, а в политике растет манипулирование, в культуре будет преобладать потребительство как образ жизни.

Социокультурная интеграция при воздействии государственных структур всегда сопровождала глобализационные процессы [см.: Чумаков 2011]. Но сегодня «символическое насилие» получило новый импульс, более того, стало чем-то естественным, перешло на уровень фона, социальной атмосферы. Добиваться экономических успехов, воздействуя на сознание, оказалось эффективнее, чем трансформировать физический материал. Здесь и таятся социокультурные угрозы национальному государству как политической форме евро-атлантической цивилизации. Формирование идентичности ускользает из его рук. Интеграционные процессы по формированию глобальных транснациональных идентичностей идут в массовом сознании как через воздействие «информационного империализма», так уже и через самоорганизацию. А со стихийной перестройкой сознания совладать весьма сложно. Этос эффективности, погони за успехом, престижем трансформирует наличные идентичности, «сегрегирует» их, по выражению З. Баумана [Бауман 2004: 101]. Эталоном здесь выступает транснациональная идентичность глобальной буржуазии, которую тот же З. Бауман назвал космополитизмом «туриста». В результате социокультурное развитие человечества сегодня идет как противостояние транскультурной идентичности и идентичностей этнокультурных и гражданских, имеющих привязку к национальному государству [Журавский и др. 2003: 77].

Каковы перспективы этого противостояния? Нивеляторский потенциал транснациональной и транскультурной идентичности невелик. Присущие этой идентичности меркантильность, стандартизация и общекультурная ограниченность не создают необходимого поля притяжения, которым в свое время обладали общенациональные идентичности национальных государств по отношению к этнолокальным идентичностям. Имперская мифология США, которые мифологизируют и свою реальную историю, но еще более конструируют истории вымышленные – интегратор низкого потенциала в силу своей примитивности. А главное – вторичности: Голливуд с назойливостью творит имперский миф из заимствованных культурных образцов [Пономарева 2005]. Для истинной империи, даже для национального государства, воздействующего на окраины, это не характерно. Они всегда были оригинальны в социокультурном отношении – это залог успеха. Отсутствием оригинальности объясняются такие черты голливудской мифологии, как агрессивность и перемещение событий в некую сверхреальность.

В этих условиях национальные культуры по-прежнему остаются мощным фактором мирового развития. Это не просто мультикультурализм, а позитивное многообразие. И здесь велико значение национального государства, которое должно, как пишет А. А. Галкин, «не только оборонять свою идентичность от культурной и псевдокультурной экспансии, но и способствовать реализации объективно возрастающего стремления народов к сохранению своеобразия и самобытности» [Галкин 2004: 18]. Примером позитивного сохранения культурной идентичности в условиях давления космополитической культуры стала, благодаря

помощи своего национального государства, французская культура. Национальным государствам, если они ответственно подходят к вопросам идентичности, необходимо осуществлять контроль над информационными потоками. В каком-то смысле этот контроль является защитой демократии, а работа правительства, направленная на укрепление у населения чувства единой судьбы и культуры, является одной из центральных задач. Отсюда важность культурной политики национального государства, по крайней мере в отношении элитных образцов, символов национальной культуры. Зрелые национально-культурные идентичности приобретают непреходящую ценность в глобальном мире.

Перспективы социокультурного развития в условиях глобализации зависят от того, готова ли евро-атлантическая цивилизация к реальному межкультурному диалогу. Такой диалог в глобализующемся мире становится императивной необходимостью. Следует согласиться с Ю. Хабермасом в том, что поддержание национального в глобальной культуре имеет сегодня не угасающее, а напротив, усиливающееся значение [Хабермас 2005]. Рыночные формы общежития далеко не всегда способствуют продуктивному диалогу культур. В этих условиях нация-государство выполняет гуманистическую функцию сохранения социокультурной исторической памяти, а также социального пространства, где эта память «обитает» и воспроизводится в новых поколениях. Противоречивой формой взаимодействия национального и наднационального является формирование «европейской идентичности» в ходе реализации проекта единой Европы. Пока в целом это позитивный пример подобного взаимодействия.

Более глобальные формы идентичности пока проблематичны, хотя в литературе активно обсуждается идущая еще от Канта идея «глобального гражданства». Особенно активно эту идею сегодня обосновывает Ю. Хабермас, исходя из своего, гражданско-правового, понимания нации [Он же 2001]. М. Эван считает, что глобальное гражданство возможно по принципу автоматического его получения вместе с получением гражданства страны – члена ООН или же в форме индивидуального членства в ООН [Evan 1997]. В отечественной литературе тезис о возможности глобального гражданства обосновывает М. В. Ильин, утверждая, что перемещения по миру должны быть урегулированы таким образом, чтобы комплекс прав и обязанностей индивида мог реализовываться независимо от его места пребывания, а гражданин мирового сообщества мог бы свободно осуществлять выбор этого самого места. Но, думаю, в обозримой перспективе появление «глобального гражданства» утопично. Реальная перспектива глобализации должна быть связана скорее со сложным взаимодействием наднационального, национального и локального уровней. Любая попытка реализации принципа глобального гражданства может привести к непредсказуемым последствиям, поскольку многие существующие национальные государства представляют собой не что иное, как непрочные централизованные и экспансионистские империи, навязанные национальностям вопреки их воле и сохраняющие целостность лишь благодаря законам, силе и патриотическим символам.

Сегодня в условиях отсутствия блокового контроля многие этносы стремятся к независимости. История учит, что это обратимый процесс, и его приостановка предохранит от многих социальных издержек. Провоцировать на сепаратизм с помощью призрака глобального гражданства в условиях нестабильного мира крайне нежелательно. Если не все национальные государства перешли из фор-

мального состояния в реальное, то предпочтительнее предоставить им время и возможность для этого. Можно, конечно, пытаться «вырваться из западни национального», как это предлагает, например, У. Бек, и, «преодолевая националистический фанатизм», создавать «сугубо конституционным, правовым путем» «наднациональные идентичность, культуру и государственные структуры». Но вряд ли «обретение национальными государствами космополитического характера» станет «ответом на вызовы глобализации» [подробнее см.: Бек 2007: 56]. «Сугубо правовой» подход к проблеме не учитывает общей логики глобализационного процесса: перехода от политической к социокультурной интеграции человечества, способной реализоваться лишь во взаимном диалоге культур и цивилизаций. Но перспективы и формы такого диалога еще не ясны.

Пока символическому насилию евро-атлантической формы глобализации наиболее успешно противостоит «китайско-конфуцианская» цивилизация, хорошо сочетающая традицию и современность в горизонте сохранения национальной идентичности. Метанарратив, который окончательно примиряет традицию и западную «современность» в данном культурном ареале, – «это, безусловно, *идея национального успеха* – не марксизм-маоизм и не либеральная демократия, а именно такая специфичная форма национализма послужила залогом того, что традиционные и современные институты достаточно гармонично работают в одном направлении» [Кармадонов 2008: 38].

* * *

На этом фоне перспективы России как особой локальной цивилизации, так и не решившей спор «западников» и «славянофилов», но фактически отказавшейся от поиска собственной национальной идеи, совсем не радужны. Евро-атлантические ценности и институты в массовом сознании остаются чем-то необязательным и условным, а собственные традиции в ряде случаев сведены к этнографически-рудиментарному состоянию. В настоящее время они реально объединены по принципу «абсурдной дополнительности», а не в рамках долговременного проекта строительства национального государства, об отсутствии которого приходится только сожалеть. Если массовая культура современной Японии представляет собой «кентаврическое образование», в котором западные и национальные ценности соединены на основе общественного консенсуса, то в России такое согласие отсутствует не только в обществе, но и в политическом классе.

Свидетельством тому – содержание нашего телевидения. Формально государство взяло под контроль важнейшие эфирные каналы. Но почему тогда в сетке вещания Первого канала, ВГТРК, ТВ Центра, НТВ и ТНТ продолжают преобладать не только американские боевики, но и низкопробные сериалы, многочисленные «ток-шоу» и «реалити-шоу»: «Камеди Клабы», «Дома-2», «Уральские» и прочие «пельмени», где подвизаются кривляки-кавээнщики? Почему с телеэкранов льются высосанные из пальца «сенсации» и «скандалы», пропагандируются «Мистические истории», «Битвы экстрасенсов», «X-версии» и другая псевдонаучная чушь?

Рационально объяснить это можно как минимум двумя причинами: либо структуры, имеющие контрольные пакеты акций в указанных телекомпаниях, не контролируют произведенный ими телеконтент, либо он их вполне устраивает, поскольку соответствует их культурному багажу. Последнее было бы абсурдно,

если бы не опыт последних российских модернизаций (реформ в сфере образования и науки), которые успешно буксуют на месте.

И это закономерно в обществе, которое переживает культурный кризис, где сформированные ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяются СМИ мифами самого разного толка и лженаукой. Итогом стало изменение системы координат массового сознания, в иерархии ценностей которого наука оказалась в самом низу пирамиды. Не случайно протесты ученых против поспешной «реформы» РАН не были поддержаны не только народом, но и вузовскими преподавателями. О политических и иных «элитах» даже не хочется говорить: они утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций науки. В том числе и благодаря телевидению.

В условиях почти полного отсутствия качественной аналитики в печати и на телевидении ставка сделана на политические «ток-шоу», где толкутся одни и те же лица, имитируется столкновение мнений с заранее заданным результатом за счет искусно подобранного состава участников. Это явление, разумеется, не только российское. Но следует понимать, что виртуализация (экранизация) политического процесса и пропаганда идеологии «просвещенного консерватизма» и патриотизма может быть эффективной лишь в условиях реального плюрализма мнений просвещенных и образованных людей. А в обществе, где научное мировоззрение целенаправленно заменяется мифами и лженаукой, а «высокая культура» становится уделом немногих, пропагандистский порыв власти неизбежно упрощается до самых примитивных и крайне опасных форм. Но власти предрасположены, похоже, этого не замечают.

В итоге символическая система общества – общества с размытой национальной идентичностью – оказывается уязвимой в настоящих и грядущих культурных сражениях стремительно глобализирующегося мира. Главное, что вызывает тревогу, – то, что российская культура-цивилизация вступает в эти сражения, по сути, символически обезоруженной, с «голыми руками» и в своей деконструированной незащитной «телесности» (А. С. Панарин). Шансы такого «символически разоблаченного» общества перед вызовами чужих и агрессивных символических систем выглядят достаточно ничтожными.

Литература

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Праксис, 2002.
- Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М. : Весь мир, 2004.
- Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль. 2004. № 7.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления. М. : Республика, Культурная революция, 2006.
- Галкин А. А. Национальное государство в изменившихся условиях // Транснациональные процессы: XXI век. М. : Современная экономика и право, 2004.
- Глобализация и мультикультурализм / под ред. Н. С. Кирабаева. М. : РУДН, 2005.
- Гранин Ю. Д. Глобализация и национальные формы глобализационных стратегий // Философские науки. 2007. № 9. С. 1–27.

Гранин Ю. Д. Станет ли Россия «национальным государством»? // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 15–26.

Гранин Ю. Д. Национальное государство в глобализирующемся мире. Социально-философский анализ. М. : РУСНИКА, 2014.

Журавский А. В., Садов О. В., Фетисов А. В. Субъекты миропорядка XXI века // Глобализация и столкновение идентичностей. М. : Центр этнорелигиозных и политических исследований РАГС, 2003. С. 60–83.

Кармадонов О. А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 29–41.

Пономарева Д. Киноимперскость // Политический журнал. 2005. № 24.

Тлостанова М. В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности. С. 191–217.

Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб. : Наука, 2001.

Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005.

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. : АСТ, Транзиткнига, 2004.

Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М. : Праксис, 2004.

Чумаков А. Н. Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации. 2011. № 2. С. 174–180.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2014.

Evan W. M. Identification with the Human Species: A Challenge for the Twenty-first Century // Human Relations. 1997. Vol. 50. No. 8.

Stevenson N. Globalization, National Cultures and Cultural Citizenship // Sociological Quarterly. 1997. Vol. 38. No. 1.

ТУРИЗМ КАК ВОЗМОЖНАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ ОСНОВАМ МИРОВОГО ГРАЖДАНСТВА

Теймури В., Биглари Б.*

Цель данной статьи – кратко изучить характеристики глобализирующегося мира и мирового гражданства, подчеркивая исключительную роль и значимость туристической индустрии как подходящего средства и возможности для изучения необходимых навыков и практического применения для граждан мира.

Ключевые слова: глобализирующийся мир, туризм, образование, мировое гражданство.

The aim of this article is to briefly study the characteristics of globalized world and world citizenship emphasizing the exceptional role and significance of tourist industry as an appropriate tool and opportunity for the study of necessary skills and its practical application for the citizens of the world.

Keywords: globalizing world, tourism, education, world citizenship.

Введение

В последние 60 лет наблюдается устойчивый рост в сфере туризма, превратившегося в результате в одну из самых крупных отраслей. В настоящее время мы не можем игнорировать растущее влияние туризма на различные аспекты жизни (экологические, экономические, культурные, общественные). Данные, опубликованные международными организациями, служат тому подтверждением. По данным Всемирной туристической организации, в 2011 г. количество международных туристов составило 982 млн человек, что указывает на значимость туризма в современной жизни. С другой стороны, процесс развития глобализации также выходит за пределы государственных границ и становится одним из самых значимых явлений в сегодняшнем мире.

Туризм является междисциплинарной областью и охватывает многие сферы жизни, его сущность заключается в тесной взаимосвязи со всеми видами деятельности, культурной и общественной средой, а также со сферой внутреннего и внешнего планирования. Глобализирующееся общество (или по-другому – единый мир), при всем своем огромном размере и быстром распространении новых средств коммуникации стало очень маленьким и превратилось в глобальную деревню, где все события, происходящие в мире, стали связанными и оказывают влияние друг на друга.

С точки зрения политической и правительственной системы, страны являются независимыми, их культура, язык, история, законы и другие компоненты нацио-

* Теймури Вали – Иранский национальный центр исследований по глобализации (Тегеран, Иран). E-mail: waliteymouri@yahoo.fr.

Биглари Бахарэ – магистр экономики, Институт гуманитарных и культурных исследований (Тегеран, Иран). E-mail: Bah_biglari@yahoo.com.

нальной идентичности также отличаются. Однако развитие новых технологий, транспорта, информированности и особенно способов проведения досуга, путешествия, ожидания от путешествий и рекреационная деятельность стали общими индикаторами для всех народов и некоторым образом стандартизировали национальную идентичность. Невозможно добиться успеха без учета этих факторов. Таким образом, важным для успеха в обществе является установление и поддержание эффективных связей между людьми.

В таком обществе гораздо больше возможностей для общения, проживания и совместной деятельности с людьми с различным культурным багажом. Для успешной адаптации к изменениям и трансформациям в современном мире наибольшее значение приобретает просвещение в области мирового гражданства. Являясь гражданами мирового сообщества, люди играют важную роль в достижении этой цели, а одним из способов ее достижения является практическое обучение граждан совместному проживанию. Глобализирующееся общество должно подготовить своих граждан к жизни в эпоху глобализации.

Главными целями обучения основам мирового гражданства являются: формирование умения различать и получать информацию о культурах разных народов (при этом особое внимание уделяется существующим культурным и моральным ценностям), увеличение способности к восприятию, пониманию и терпимости к культурным различиям, разрешение конфликтов мирным способом. Между тем индустрия туризма благодаря существующим возможностям для взаимодействия и общения между местными жителями и туристами может оказывать положительное влияние на отношения между людьми.

Туристы, перед тем как приехать в другую страну, всегда стараются изучить информацию о культуре, правилах и обычаях, языке, способах общения с местным населением, о том, что здесь запрещено и разрешено. Местные жители, также думая об экономических, социальных, культурных и политических последствиях посещения туристами их родной местности, стараются изучить способы эффективных связей и удовлетворения потребностей туристов. В этом случае обе группы получают навыки, необходимые для временного совместного проживания и извлечения выгоды из него. Существующие культурные и поведенческие различия привлекают туристов, и посещение новой страны представляется еще более заманчивым. При длительных путешествиях туристы и местные жители пытаются раскрыть существующее историческое и культурное сходство, насколько это возможно в условиях ограниченной по времени поездки, они становятся ближе друг к другу. Такая модель поведения может помочь получить практический опыт жизни гражданам единого глобализированного общества. В данной статье, уделяя должное внимание важности этой темы, мы исследуем роль туризма в практическом обучении граждан навыкам совместного проживания.

Глобализация

Изучение изменений, произошедших за последние 50 лет в мире, показало, что самые существенные трансформации произошли в убеждениях, ценностях и образе жизни людей, и день ото дня эти изменения распространяются все более интенсивно. Благодаря мировым экономическим и политическим преобразованиям, а также прогрессу информационных технологий они в свою очередь наложили отпечаток на различные аспекты культурной и общественной жизни, превра-

тив обычного человека в человека глобализированного [Lotf Abadi 2006; Golmohammadi 2007; Chumakov 2010].

Жизнь сегодняшнего человека не ограничивается только семьей, обществом и страной, он является неотъемлемой частью всего человечества – человек превратился в существо глобального масштаба.

Процесс глобализации в направлении увеличения количества информации о самом человеке, а также общественной и природной среде длился с самого начала истории, но в последнее время по мере роста знаний и технологий он стал еще более стремительным [Kazemi 2001; Global Studies... 2014].

Глобализация способствует очень быстрому и широкому распространению современного образа жизни и культуры во всех сферах жизни и является причиной изменений ценностей, индивидуальности, человеческих отношений и чувств людей всего мира. Исследование и научное понимание глобализации как бурно развивающегося и перспективного явления, тесно связанного с культурными ценностями, судьбой национальной идентичности, повседневной жизнью и даже с семьей и жизнью каждого из нас, является неоспоримой необходимостью [Global Studies... 2014].

Понятие «глобализация» имеет несколько определений. М. Уотерз определяет глобализацию как социальный процесс, который размывает географические границы социокультурных отношений, и люди все более осознают преимущества исчезновения этих границ [Waterz 2000].

Глобализация – это процесс, в котором социальные отношения, как и природа, становятся безграничными и не имеющими расстояния, так как люди всего мира взаимодействуют друг с другом [Nahavandiyani 2004].

Э. Гидденс считает, что глобализация – это экономическое явление, в основе которого лежит коммуникация в мировом масштабе, можно сказать, что с зарождением мировой экономики независимая национальная экономика и внутреннее экономическое управление с каждым днем все больше теряют свою значимость [Rahmani 2011: 27].

Т. Фридман определяет глобализацию как жесткую интеграцию рынков, национальных правительств и технологий до невиданного уровня и считает, что во многих странах глобализация – это развитие черного рынка [Niyakouyi 2007: 2–3].

Мы не можем дать единого определения данному явлению, но общим почти во всех определениях является то, что «глобализация представляет собой процесс, расширяющийся во времени и пространстве как результат перемещения капитала, благодаря которому население мира объединяется относительно сознательно в единое мировое общество» [Golmohammadi 2007].

Признаками этого процесса являются: изменение значения пространства и времени; проблемы, оказывающиеся сходными для людей всего мира; быстро растущее количество международных сетей, организаций и международных компаний; рост связей и культурных мероприятий; синхронность всех этих явлений глобализации [Cohen 2000: 24].

Существуют две точки зрения на глобализацию. Одни считают ее навязанным явлением, возникшим сегодня из-за необходимости научных, политических, экономических изменений и развития связей, и страны вынуждены координировать свою деятельность с этим процессом. Основываясь на данном представлении, нам

следует признать, что в конце концов в сфере искусства, экономики, политики, нравственности, а также среди групп людей в их поведении будет доминировать особая единая культура. Другая точка зрения на глобализацию заключается в том, что последняя не является доминирующим фактором и не означает превосходства одной особой культуры, но поскольку все люди являются членами мирового сообщества, они должны думать о проблемах, возникающих в обществе, а также объединяться для устранения препятствий и трудностей, с которыми сталкивается человечество.

В этой связи некоторые утверждают, что распространение мировой культуры является причиной формирования региональных и национальных культур, поскольку местные культуры имеют более мощную систему ценностей и мировая культура не может «переварить» их в себе. Когда происходит утверждение мировой культуры, это говорит о внутренней слабости локальной культуры [Mohsenpour 2000].

В любом случае глобализация в области культуры имеет очень важные последствия, которые любое общество должно осознавать, чтобы сохранять и развивать свою культуру, а также использовать возможности, предоставляемые глобализацией.

Культура как наиболее фундаментальный, обширный и распространенный общественный капитал со множеством различных аспектов, возможно, является самой важной сферой, в которой происходят изменения. Глобализация благодаря современным информационным технологиям затрагивает все сферы и особенно культуру. Культурная глобализация означает ценностную глобализацию, неизменные правила и традиции одной или нескольких культур.

Культурный аспект глобализации является одним из самых проблематичных, и в последние 20 лет он добавил еще больше вопросов. Мы считаем, что глобализация в области культуры – как две стороны одной медали. Так, с одной стороны, она уделяет внимание таким общим элементам культуры человечества, как религия, человечество и человеческая природа, но с другой – учитывает неоднородность, плюрализм и понимание культурного разнообразия [Pahlavan 2001: 404]. Другими словами, глобализация – это мирное сосуществование и взаимоуважение всех народов и их культур [Mohammadkhani, Teymouri 2011].

Мировое гражданство

Одна из категорий, которая представлена в процессе глобализации, – это гражданство. В общественном понимании гражданство – это категория, которая, с одной стороны, связана с социальной и национальной принадлежностью (а в религиозных странах – еще и с культурной и религиозной принадлежностью), а с другой – с особенностями экономической и политической системы.

Мировое гражданство – это понятие, которое имеет два различных значения. Так, с одной стороны, это комбинация национальных экономик в рамках мировой экономики, что побуждает национальные правительства к участию в совместной деятельности на региональном и глобальном уровнях, а также способствует процессу транснационализации экономики и политической системы. Этот внутринациональный процесс под влиянием неизбежных социальных и политических факторов заложил некоторую основу мирового гражданства. Но, с другой стороны, мировое гражданство означает развитие локального гражданства на мировой арене [Ameli 2001: 180].

Понятие «гражданство», во-первых, имеет общие черты с жизненными навыками на национальном и местном уровнях, во-вторых, связано с жизненными навыками в мировом сообществе [Lotf Abadi 2006: 19].

Гражданин мира – это человек, который имеет достаточно информации о современном мире, а также ценностях и их разнообразии, осознает свою роль как гражданина, принимает активное участие во всех делах на местном и глобальном уровнях [Oxfam... 2004].

Процесс глобализации привел к развитию концепции мирового гражданства, которое стало подразумевать человечество без границ. Граждане не должны быть оторваны от мирового прогресса, должны получать знания и умения для того, чтобы быть полезными мировому сообществу.

Кроме того, граждане должны вносить посильный вклад в общую мировую культуру и при этом оставаться связанными со своей культурой, способствовать ее дальнейшему развитию. Люди, активно участвующие в общественной жизни, исходя из потребностей общества, могут различными способами помогать его оздоровлению и процветанию, а также оздоровлению и процветанию локального, национального и мирового пространства. Несмотря на то, что все люди независимо от социального и экономического положения, опыта имеют гражданские права и обязанности, очевидно, что их эффективность и способность к выполнению этих обязательств как граждан современного общества зависит от качества и масштаба их творческого потенциала. Предоставляемые возможности для обучения в учебных центрах должны соответствовать социальным изменениям в разных сферах, и в этом интерактивном двустороннем процессе должны быть также учтены стремительные изменения в обществе [Fathi *et al.* 2009].

Обучение основам мирового гражданства

Исследование изменений, происходивших на протяжении нескольких последних десятилетий, показывает, что в образе жизни и системе ценностей людей произошли перемены, которые, как нам известно, повлияли на события в современном мире. Эти перемены превращают человека в гражданина мира. Для того чтобы соответствовать изменениям, происходящим в современном мире, все большую значимость приобретает обучение основам мирового гражданства.

В современном мире с его растущей взаимозависимостью обучение основам мирового гражданства во многих странах стало важным занятием. Вследствие экономических, политических, технологических и экологических проблем люди в разных странах постоянно контактируют с людьми из других государств, поэтому для того, чтобы люди лучше понимали друг друга, необходимо их обучать принципам межкультурного общения. Обучение основам мирового гражданства является методом, который способствует развитию мышления за пределами проблем местного и государственного значения [Ghayedi 2006: 200].

Поскольку в настоящее время люди могут общаться друг с другом в любой точке планеты, идентификация других людей и взаимодействие с ними становятся все более распространенными и необходимыми, а обучение основам совместного проживания оказывается важным. Этот процесс предполагает использование таких качеств, как обучаемость, умение подать себя и эффективная коммуникация. Также это предполагает осознание ответственности и важности взаимодей-

ствия с другими людьми, следовательно, необходимо признание других культур и значимости таких отношений.

Обучение основам гражданства должно помочь людям ясно и правильно осознавать свою роль на местном уровне и на уровне мирового сообщества. Одной из важных целей такого обучения должна стать помощь в формировании личной, национальной и общемировой идентичности, для того чтобы принимать активное участие в решении важных проблем, таких как противоречия, войны, бедность и т. д.

Некоторые ученые выделяют следующие цели обучения основам мирового гражданства:

1. Признание культуры других стран.
2. Информирование о мировых проблемах и роли ООН в решении этих проблем.
3. Осознание проблем, связанных с правами человека, понимание человека в его взаимодействии с образом жизни.

Другие исследователи концепции обучения гражданству отмечают следующие цели:

1. Способность исследовать проблему и находить способы ее решения с точки зрения гражданина мирового сообщества.
2. Способность сотрудничать с другими людьми на основе взаимодействия в рамках определенной деятельности или обязательств.
3. Способность понимать культурные различия.
4. Способность критического и структурированного мышления.
5. Склонность к разрешению противоречий мирным способом.
6. Стремление к изменению жизненных и потребительских привычек в целях охраны окружающей среды.
7. Акцентирование внимания на проблемах прав человека и их защиты.
8. Акцентирование внимания на способности участвовать в политических действиях на местном, государственном и международном уровнях.

Обучение основам гражданства воспитывает у граждан вежливость, доброжелательность и чувство долга по отношению друг к другу, когда они сталкиваются с общественными проблемами [Hoveida, Naderi 2009: 104].

Существуют три общих формы для определения гражданина мира, которые согласованы на международном уровне:

1. Глобализированные знания, умения и мировоззрение, а также деятельность.
2. Демократические знания, умения и отношения.
3. Умение применять информационные технологии.

Специфические черты гражданина мира

Для того чтобы гражданин мира мог взаимодействовать с другими жителями планеты, необходимо в первую очередь получить определенные знания о мире. Кроме того, будущий гражданин должен обладать следующими характеристиками: быть готовым к неожиданным событиям, развивать чувство ответственности за свое будущее и будущие поколения, уметь связать настоящее и будущее, способствовать формированию будущего, быть способным быстро осуществлять изменения в мире и решать проблемы.

Мир меняется, и в процессе этих изменений в отсутствие понимания важности возникших вопросов, знаний и готовности у нас будет множество проблем. Эффективное обучение помогает изменять культурные, социальные и экономические ценности и управлять их обновлением, а также сохранить знания, понимание и умения. Следует помнить, что изменения – это не циклический и направленный процесс, они протекают постепенно и являются обратимыми. Необходимо контролировать наши знания и способности с учетом разрешений и запретов. В сегодняшнем меняющемся мире спокойствие и здравые рассуждения важнее, чем энтузиазм.

Туризм и глобализация

Благодаря быстрому росту и развитию туризм стал глобальной отраслью, новым явлением, способствующим развитию современной цивилизации, он оказывает влияние на все сферы жизни и является наиболее динамично развивающейся сферой культурно-экономической деятельности, что привело к изменениям жизненного пространства во многих странах мира.

Одной из основных особенностей человека является способность понимать явления и получать информацию о неизвестном. Путешествие является одним из проявлений данной способности. Цели и поведение местных жителей и туристов находятся под влиянием соответствующих культур, к которым принадлежит каждый из них. Во время посещения новой страны туристы знакомятся с ее культурой, между гостями и местными жителями происходит культурный обмен, они взаимодействуют и влияют на культуру друг друга.

Одной из целей туристов является межкультурный обмен. По этому поводу существуют две точки зрения. Одни считают, что одностороннее развитие туризма исключительно в целях экономической выгоды имеет отрицательные последствия для местной культуры, в числе которых можно назвать имитацию туристского поведения, изменение языка, недостаточное внимание к культурной элите. Другие полагают, что такое взаимодействие туристов и местного населения уменьшает культурные различия.

Очевиден процесс слияния и взаимовлияния туризма и глобализации. Туризм является положительным аспектом глобализации, который подчеркивает местные особенности и их привлекательность.

Между тем процесс глобализации помогает устранить препятствия и границы, мешающие посещению других стран, и, по мнению некоторых ученых, ведет к созданию общего рынка в сфере туризма. Изменения в международных границах происходят благодаря положительным аспектам развития туризма и являются следствием глобализации [Ranjbariyan, Zahedi 2005: 212].

Выполняя роль проводника, туризм играет важную роль в процессе глобализации, сближая культуры разных народов. В связи с упрощением визовых режимов и знакомства с новой культурой туристический рынок развивается, учитывая растущие потребности разных путешественников.

С развитием туризма также растет любознательность людей, они хотят новых ощущений. Для стран третьего мира международный туризм является мощным фактором модернизации и развития [Lee 1999: 1].

Быстрый технологический прогресс и растущее количество стран, движущихся от государственного контроля к созданию открытой экономики, способствуют

процессам глобализации. Это влечет за собой важные изменения в области международного туризма. Процесс глобализации идет ускоренными темпами, но международный туризм по-прежнему является важной статьей дохода для большинства промышленных стран. Даже неглубокий анализ модели развития туризма показывает, что отрасль развивается и у туристов появляется все больше возможностей выбирать места для отдыха [Sharafi *et al.* 2012: 21].

Туризм и мировое гражданство

Если мы коснемся философии туризма, то обнаружим, что самыми важными причинами для путешествий на протяжении всей истории, несомненно, являются познание неизвестного, получение новой информации о других людях и местах. Когда туристы преодолевают трудности, связанные с путешествиями, и тратят на это большие деньги, конечно, в дополнение к таким целям, как отдых и коммерция, в большинстве случаев они хотят получить новые информацию и опыт.

Индустрия туризма основана на естественной потребности человека в познании нового, получении знаний и опыта, а также на установлении мира и взаимопонимания между народами.

Продуктивное и постоянное развитие туризма приводит к тому, что люди, принадлежащие к разным культурам, с различным менталитетом и предпочтениями, по крайней мере, на некоторое время оказываются рядом, объединенные общей деятельностью.

Помимо того что туризм является отраслью экономики, это еще и возможность межкультурной коммуникации. В принципе, существующие между людьми различия, в том числе и культурные, побуждают к общению с представителями другой культуры и изучению культурных особенностей, и, что еще более важно, изучению тех аспектов культуры, которые часто ускользают от человека вследствие его этноцентрических взглядов.

Культурные различия побуждают к знакомству с другими культурами [Nomaouon 2005: 31].

В то же время индустрия туризма благодаря существующим возможностям взаимодействия и личного общения между местными жителями и туристами, посещающими эту страну, может оказывать положительное влияние в плане формирования позитивных эмоций между этими двумя группами. Перед посещением новой страны туристы всегда пытаются получить информацию о культуре, законах, обычаях, языке местных жителей.

В странах, принимающих туристов, думая об экономических, социальных, культурных и политических последствиях этих визитов, стараются выявить способы эффективного общения и удовлетворения потребностей туристов. В этом случае обе группы приобретают необходимую подготовку для временного совместного проживания и извлечения выгоды из этого сосуществования.

В едином глобализованном обществе такая модель поведения может быть подходящей для реализации на практике умения быть гражданином глобализованного общества. Культура является самой привлекательной областью туризма. Она делает каждый народ особенным, без культуры люди были бы все одинаковыми, а туризм потерял бы привлекательность, так как основой туризма являются различия и их причины [Papeli Yazdi, Saghayi 2011: 88].

Поскольку культурные различия в индустрии туризма способствуют росту межнациональных контактов в процессе глобализации, мы также должны уважать

существующее культурное разнообразие, совершенствуя понимание культурных различий между разными народами. Благодаря туризму появляются возможности культурного обмена между туристами и местными жителями, таким образом эти две группы узнают и начинают постепенно уважать культуру друг друга.

Культурные взаимодействия, происходящие при посещении новой страны, развивают кругозор обеих групп (туристов и местных жителей), уменьшают предрассудки и сближают людей. К тому же с туристической целью можно посещать те страны, где туристические обязательства переплетаются с нравственными целями мировых организаций; таким образом мы можем использовать эту сферу в целях содействия миру и взаимопониманию между народами, сохранению и уважению культурной самобытности.

Туризм параллельно с развитием СМИ способствует тому, что люди разных стран могут в любое время познакомиться с культурными особенностями других народов. Развитие межкультурного общения привело к тому, что культура, обычаи и законы выходят за границы государств, происходит формирование общих мировых ценностей. Считается, что процесс глобализации и особенно культурная глобализация ведут к установлению одной культуры во всем мире, а культуры всех остальных народов и даже их язык будут забыты. Но на самом деле очевидно: процесс глобализации не означает, что родная, этническая и региональная культура должна быть забыта, а наоборот, методы, способствующие глобализации, такие как туризм, ведут к усилению внегосударственных групповых идентичностей, среди которых самой важной является этническая принадлежность.

С точки зрения культуры туризм дает возможность развиваться региональным культурам и искусству. Как уже говорилось, туризм – это не только путешествие и отдых, но также и обмен информацией, в том числе культурной, между туристами и местными жителями. Это способствует укреплению национальной идентичности местного населения, появлению новых социальных возможностей и уменьшению социального неравенства [Mahallati 2009: 178].

По нашему мнению, ничто не способствует знакомству народов так, как туризм, и это знакомство меняет в положительную сторону отношение людей друг к другу, формируя дружеские отношения.

Если проводить правильную политику развития туризма, это может способствовать знакомству людей с образом жизни других народов, племен, вероисповеданий, с их законами, обычаями, культурой и субкультурами. Таким образом будут реализованы культурный обмен и социальное взаимодействие в областях, расширяющих мировоззрение членов общества и обогащающих культурный опыт населения страны [Zahedi 2006: 45].

Выводы

Главным признаком глобализированного общества являются тесные связи и взаимодействия между различными народами и культурами. В таком обществе гораздо больше возможностей для общения, проживания и совместной деятельности людей с разным культурным багажом. Для того чтобы достичь этого, люди должны уважать ценности, законы и обычаи местного, национального и глобального общества. Для соответствия изменениям и трансформациям сегодняшнего мира особо важное значение приобретает обучение основам мирового гражданства.

ства. В нашем понимании глобализация – это мирное сосуществование всех народов и культур, а также проявление уважения друг к другу.

Глобализирующееся общество должно подготовить своих граждан к жизни в эпоху глобализации. Одной из главных целей обучения основам мирового гражданства является признание и получение информации о культурах различных народов, при этом особое внимание уделяется существующим культурным и моральным ценностям, увеличению способности к восприятию, пониманию и терпимости к культурным различиям, разрешению конфликтов мирным способом. Для того чтобы обучать граждан на основе общепринятых ценностей глобализирующегося общества, необходимо, чтобы образование было практическим и эффективным. Другими словами, такое образование должно быть основано на практическом применении.

В то же время общение «лицом к лицу» и прямые культурные контакты во время туристических поездок предоставляют замечательную возможность людям сблизиться друг с другом, узнать друг друга и получить необходимые навыки для мирного сосуществования и взаимоуважения в объединенном обществе. Туризм предоставляет возможность для непосредственного культурного взаимодействия между различными группами людей в рамках модели «хозяин – турист» в «пространстве» места назначения. Фактически туристы и местные жители, проживая какое-то время рядом друг с другом, переживают опыт своего рода общего гражданства.

Они живут рядом друг с другом и одновременно изучают культуру друг друга. Они обращают внимание на существующие различия и сходства в культурах и ценностях, но при этом учатся уважать законы и обычаи других людей. Туристы и принимающая сторона стараются представить наиболее важные особенности существующих исторических и культурных общностей, по крайней мере в момент визита. Существующие различия не являются препятствием для сближения.

Именно такой подход может стать оптимальным для практического применения в глобализованном обществе. Очевидно, что для увеличения положительного влияния и устранения возможного культурного шока необходимо, чтобы и туристы, и местные жители получали нужные знания.

Литература

Ameli S. R. Globalized Interaction, Citizenship and Religion // *The Social Science Letter*. 2001. No. 18. Pp. 167–200.

Cohen R. *Global Sociology*. Basingstoke : Macmillan, 2000.

Chumakov A. N. *Philosophy of Globalization. Selected Articles*. Moscow : MAX-PRESS, 2010.

Fathi, Ejargah, Korosh, Gholam Hossein Aalayi. World Citizen Training, Efficient Schools, Second Year, Educational Year 2008–2009. 2009. No. 4 (Continuously 8): 27–31.

Gee, Chak. *Vay. Tourism in Comprehensive Look* / transl. by A. Parsiyan, S. M. Aarabi. Tehran : Cultural Research's Office, 2003.

Ghayedi Y. Future Citizen Training // *Quarterly of Educational Innovations*. 2006. No. 17. Pp. 183–210.

- Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay, with a foreword by M. Gorbachev. Amsterdam; New York, NY, 2014. XI.
- Golmohammadi A. The Globalization of Culture and Identity. Tehran : Nei Publisher, 2007.
- Homayoon M. H. Globalization and Intercultural Communications // Quarterly of Imam Sadigh University. 2005. No. 6.
- Hoveida R., Naderi N. The Surveying of Staff's Organizational Citizenship Behavioral Level // Executive Management Research Bulletin. 2009. No. 1 (Continuously 33). Pp. 103–118.
- Kazemi A. A. The Globalization of Culture and Politics (Theoretical Criticism and Analysis, Recognition of Knowledge). Tehran : Ghomes Publisher, 2001.
- Lee J. Tourism and Development in Third World. Tehran : Commercial Publisher and Print Company, 1999.
- Lotf Abadi H. Education of National and Global Citizenship Accompanied by Strengthening of Identity and Student's Value System // Quarterly of Educational Innovations. 2006. No. 17. Pp. 11–46.
- Mahallati S. The Searches in Leisure Time: Travelling over the World. 2009. Vol. 1. Tehran : Shahid Beheshti University, Publisher and Print Center.
- Mohammadkhani K., Teymouri W. Global Leaders and Cultural Intelligence // Strategic Studies of Globalization Journal. 2011. Vol. 2. Pp. 93–110.
- Mohsenpour B. The Role of Teaching and Training in Confronting with Globalization of Modernity Culture // Scientific, Research Environment. 2000. No. 8(3, 4). Autumn and Winter.
- Nahavandiyani M. We and Globalization. Tehran : Institute for Humanities and Cultural Studies, 2004.
- Niyakouyi A. Globalization and Development with a Look to Iran. Tehran : Student Book, 2007.
- Oxfam, a Curriculum for Global Citizenship: A Guide for Teachers and Education Workers, Oxford : Oxfam, 2004.
- Pahlavan Ch. Speeches on Civilization and Culture Area. Tehran : Emroz Publisher, 2001.
- Papeli Yazdi M. H., Saghayy M. Tourism (Nature and Concepts). Tehran : Humanities' Studies Development and Research Center. 2011.
- Rahmani J. Necessity of Strategy Management Use in the Seminaries in Globalization Age // Scientific – Research Quarterly of Globalization Strategic Studies. 2011. Pp. 19–47.
- Ranjbaryan B., Zahedi M. The Recognition of Tourism. Esphahan : Chahar Bagh Publisher, 2005.
- Sajjadi S. M. Globalization and Its Challengeable Outcomes for Teaching and Training. Psychological and Training Science Magazine. 2003. No. 3, 4. Pp. 113–128.
- Sharafi S., Biran Vandzadeh M., Taghavi Goodarzi S., Alizadeh S. D. Space Distribution of Tourism Capabilities Using Geographical System (GIS) for the Purpose of Programming in Brojerd Town // Geographical Quarterly of Tourism Space. 2012. No. 2. Pp. 17–37.

Shekari A., Rahimi A. The Nature of Globalization. Tehran : Andishe Novin Publisher, 2007.

United Nations World Tourism Organization. 2000. National and Regional Programming of Tourism. Tehran : Cultural Researches Office.

Waterz M. Globalizations / transl. by G. Mardani, S. Moridi. Tehran : Industrial Management Organization, 2000.

Zahedi Sh. S. Foundations of Sustainable Tourism and Eco-Tourism. Tehran : Allameh Taba Tabayi University, 2006.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ЭКОНОМИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ. ОБЩИЕ ИТОГИ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ*

Гринберг Р. С.**

Наша страна по-прежнему находится в сложных условиях переходного периода от одной социально-экономической системы к другой, и рассчитывать на его скорое завершение, судя по всему, не приходится. Однако шансы на построение в РФ гражданского общества плюралистической демократии и социального рыночного хозяйства сохраняются, несмотря на все сложности и препятствия. Дефекты современной экономики России очень серьезны, однако это не значит, что их нельзя преодолеть. Главное – извлечь уроки из прошлого и не делать новых ошибок.

Ключевые слова: рыночная экономика, реформы, системная трансформация, промышленное производство, инвестиции, малый бизнес, экономическая социодинамика.

Our country is still in a difficult situation of a transition period from one social and economic system to another and it is clear that this period will not finish soon. However, despite all the difficulties and obstacles, there is still a chance to build a civil society with pluralistic democracy and social market economy in Russia. The drawbacks of contemporary Russian economy are very serious but this does not mean that we are unable to overcome them. The main thing is to learn from the past and not to make new mistakes any more.

Keywords: market economy, reforms, system transformation, industrial production, investments, small business, economic sociodynamics.

Россия все еще находится в суровых условиях перехода от одной социально-экономической системы к другой, и, судя по всему, он завершится не завтра. К тому же это переход к «нормальности», которой не было. Тем не менее шансы на движение страны к гражданскому обществу, плюралистической демократии и социальному рыночному хозяйству – при всех задержках и даже откатах, что, похоже, имеет место сегодня – сохраняются. Главное – уметь извлечь уроки из прошлого и не делать новых ошибок.

Справедливости ради надо выделить целый ряд положительных итогов состоявшихся преобразований. Их очевидный успех состоит в том, что преодолена

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 14-02-00330.

** Гринберг Руслан Семенович – д. э. н., профессор, директор Института экономики РАН.

изолированность страны от внешнего мира, демонтированы механизмы командной экономики и внешнеторговой монополии. В результате исчез униженный дефицит товаров и услуг, значительно расширился их ассортимент. С прекращением идеологической войны с «вещизмом» восстановлено право людей на уют. Раскрепощена ранее скованная личная инициатива. Растет зрелость предпринимательского класса, призванного сформировать основу благополучия страны. Население стремительно изживает исторически приобретенные иждивенческие комплексы. Вопреки разного рода предсказаниям, россияне достаточно быстро усвоили «рыночный» образ мысли и действия. Устранена типичная для советского строя уравниловка в личных доходах и виден ощутимый прогресс в дисциплине и этике труда: имеет смысл зарабатывать деньги, если появилась возможность беспрепятственно обменивать их на ранее недоступные товары и услуги.

После 70 лет господства административно-директивной экономической системы в стране были достаточно быстро созданы и начали функционировать формальные институты рыночной экономики, то есть коммерческие банки, товарные и фондовые рынки, валютные биржи, качественно новые налоговые механизмы, правила антимонопольного регулирования и т. д.

И все же результаты рыночных преобразований с отрицательным знаком более зримы и очевидны. Они явно преобладают над успехами. И дело здесь не только в том, что за годы реформ страна утратила половину своего экономического потенциала. Хуже то, что пока никак не удается приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Сюда же надо отнести появление массовой бедности, масштабы которой за годы радикальных перемен стремительно увеличивались за счет размывания сложившегося в СССР пусть не слишком богатого по западным критериям, но все-таки среднего класса.

Разного рода исследования материальных возможностей российских домохозяйств свидетельствуют о том, что плодами проведенных преобразований реально пользуется не больше четверти населения страны, а половина ее жителей ведет борьбу за существование более суровую, чем в советские времена. Поляризация личных доходов носит действительно скандальный характер. По данным аналитиков банка Credit Suisse, владельцами более трети всего богатства отечественных домохозяйств являются 110 человек [Российская... 2013].

Нельзя, конечно, забывать, что на результативность отечественных реформ продолжают влиять весьма мощные объективные факторы, затруднившие системную трансформацию в России в большей степени, чем у партнеров по бывшему СЭВ. Так, в странах Центральной и Восточной Европы социалистическое бытие длилось 40 лет и в большинстве случаев было навязано извне, а в России социализм господствовал более 70 лет и был, так сказать, целиком отечественным, а не «импортированным продуктом». Кроме того, надо иметь в виду, что в отличие от стран ЦВЕ перед российскими реформаторами стояла задача проведения системной трансформации при стремительном распаде ранее единого государства.

Суперцентрализованная система экономики плюс полиэтничность населения бывшего СССР в условиях демократизации общественной жизни существенно облегчили реализацию идей национально-хозяйственного сепаратизма, который, как правило, игнорирует резоны экономической целесообразности. Каковы бы ни

были надежды лидеров новых независимых государств (избавимся от «грабительского» центра, и легче будет проводить реформы), действительность показала, что разрыв единого экономического пространства затруднил, а не облегчил переход к рыночной экономике каждой суверенной республики бывшего СССР, и Россия отнюдь не стала здесь исключением. Наконец, на старте реформ серьезным испытанием для перестройки экономики России стало лежащее на ней огромное бремя гипертрофированного военно-промышленного комплекса.

Тем не менее можно уверенно утверждать, что разочаровывающие итоги системной трансформации в России в первую очередь рукотворны и только во вторую – предопределены специфическими неблагоприятными стартовыми условиями.

Опираясь на постулаты неоклассической ортодоксии, реформаторы считали, что предлагаемый ими радикальный вариант трансформации даст быстрый и устойчивый рост эффективности. Но реалии оказались иными.

Рассмотрим важнейшие показатели экономического развития РФ за почти четверть века реформ (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика промышленной и сельскохозяйственной продукции, инвестиций в основной капитал и реальных доходов населения России
(в % к 1990 г.)**

	1993 г.	1995 г.	1998 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2013 г.	2015 г.*
Производство промышленной продукции	64,9	49,7	46,2	54,2	72,7	83,0	74,1	79,5	86,7	89,0
Производство продукции сельского хозяйства	82,7	67,0	56,0	61,9	71,2	84,1	85,3	75,7	94,1	98,4
Инвестиции в основной капитал	44,9	30,7	21,0	25,9	42,5	67,9	58,7	62,4	73,7	73,6
Реальные (располагаемые) доходы населения	51,1	40,0	32,8 (1999)	36,7	63,5	82,7	85,3	90,3	98,0	99,8

* Данные Прогноза социально-экономического развития РФ на 2015 г. и на плановый период 2016–2017 гг.

Рассчитано по: Российский... 2000: 57; 2002: 37, 38; Россия... 2014: 40–42.

Из приведенных в табл. 1 данных видно, что по важнейшим социально-экономическим показателям за почти 25-летний период не достигнут уровень даже 1990 г.

При этом на протяжении данных лет наблюдалась тенденция примитивизации российской экономики. Иными словами, имело место снижение качества экономической динамики независимо от того, была ли она отрицательной (как в 90-е гг.) или положительной (как в «тучные» нулевые годы).

Качественное развитие экономики, как известно, зависит от технико-технологического оснащения промышленного производства, определяющего место в ее структуре высокотехнологичного сектора (совокупность авиационной, радиотехнической, средств связи, электронной, ракетно-космической, оборонной отраслей), и его ядра – машиностроения, достигающего в развитых странах 30–50 %

в структуре промышленного производства. Как же выглядела Россия на этом фоне?

Таблица 2

**Структура промышленного производства России
(в % к итогу)**

Отрасли промышленности	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2013 г.
1	2	3	4	5	6	7
Объем промышленного производства, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Электроэнергетика и топливная промышленность	10,4	25,6	25,4	26,8	25,0	28,7
Черная и цветная металлургия	10,3	13,9	15,8	13,9	13,3	9,5
Химическая и нефтехимическая промышленность	6,9	7,1	6,2	6,4	7,0	6,4
Машиностроение и металлообработка	28,0	16,0	16,4	13,0	13,8	14,0
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	5,2	4,6	4,0	3,4	3,3	2,6
Промышленность строительных материалов	3,4	4,3	2,4	3,1	4,1	2,9
Легкая промышленность	11,0	2,2	1,4	0,8	0,7	0,7
Пищевая промышленность	12,1	10,6	11,1	10,9	10,8	10,4

Рассчитано по: Российский... 2003: 341, 344, 356–369, 373, 376, 379, 384, 394; Россия... 2014: 240–242.

Из табл. 2 следует, что структура промышленного производства в РФ приобрела за годы реформ очевидную сырьевую направленность. Почти в 3 раза увеличился удельный вес топливно-энергетического комплекса в общем объеме промышленного производства, в 2 раза сократилась доля инвестиционного комплекса. Так, удельный вес машиностроения и металлообработки в промышленном производстве составлял в 2013 г. только 14 %, что в 3–4 раза меньше, чем в развитых странах.

Примитивизации подверглась структура не только промышленного производства, но и внешней торговли, прежде всего экспорта. В то время как 85 % товарного экспорта страны приходится на минеральные ресурсы, металл, древесину, доля продукции в нем производств, определяющих научно-технический прогресс (машиностроение и металлообработка), сократилась с 20 до 5 % [Россия... 2014: 529, 532].

Произошло существенное ухудшение качества основных фондов – базовой основы развития экономики: износ достиг 50 % [Российский... 2003: 302; Россия... 2009: 71; 2014: 34, 74, 78].

При сохранении физического объема основных фондов за годы реформ в условиях беспрецедентного сокращения инвестиций в основной капитал, составивших в 2013 г. лишь 73,7 % от уровня 1990 г., имело место их физическое и моральное старение, особенно активной части (табл. 3). В результате страна утрачивает конкурентоспособность на мировом рынке в области технологий и высоко-

технологичной продукции. Доля России на мировом рынке наукоемкой продукции составляет ныне менее 1 % (для сравнения: США – 36 %, Япония – 30 %).

Таблица 3

Динамика возрастной структуры производственного оборудования в промышленности

	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
% оборудования на конец года в возрасте: до 5 лет	35,5	29,4	4,7	5,7	6,7	7,8	8,6
свыше 20 лет	10,7	15,0	38,2	41,6	44,9	48,2	51,5
Средний возраст оборудования, лет	9,5	10,8	18,7	19,4	20,1	20,7	21,2

Источник: Российский... 2005: 392.

Данные табл. 3 демонстрируют, что за 1980–1990 гг. доля производственного оборудования в промышленности со сроком службы свыше 20 лет возросла в 1,4 раза, в следующее десятилетие – более чем в 2,5 раза и в период «экономического роста» (2000–2004 гг.) – более чем в 1,3 раза, что сопоставимо с первым указанным десятилетием. Средний возраст оборудования в промышленности ныне достигает четверти века¹.

Старение оборудования, с одной стороны, ведет к нарастанию числа и масштабов техногенных катастроф, с другой – к неизбежному снижению технологического уровня производства. Так, по оценкам экспертов Всемирного экономического форума, в 2004 г. Россия занимала 73-е место в мировом рейтинге по индексу технологической готовности [Экономика... 2004: 6]. Наши технические и технологические базы отстают от баз развитых стран на 17–20 лет. Последние обновления были в конце 1980-х – начале 90-х гг.

Согласно мнению экспертов, объем технологической продукции России на мировом рынке составляет 0,3 % [Российская... 2007; 2008].

Полностью деградировали обрабатывающие производства, особенно машиностроение, определяющее научно-технический прогресс в промышленности.

В настоящее время в РФ в обрабатывающих видах производств (по данным Росстата на конец 2012 г.) насчитывается 405 тыс. организаций (8,3 % от общего числа организаций в экономике России, причем действующих – лишь 60 % от наличия) со среднегодовой численностью работников 7,6 млн человек [Россия... 2013: 202–203, 250]. В 1990 г. по прежней отраслевой классификации число указанных предприятий составляло 26,9 тыс., то есть к 2012 г. оно возросло в 9–10 раз (действующих на 1.01.2012 г.). При этом средняя численность работников сократилась вдвое (в 1990 г. – 16,4 млн чел.), а объем промышленного производства в 2012 г. (в таблице 2013 г.) (в сопоставимых ценах) по сравнению с 1990 г. (в таблице 1991 г.) – на 12,8 %, в том числе производство машин и оборудования – на 46,5 %, транспортных средств и оборудования – на 30,4 %² (табл. 4). Произошел

¹ Нелишне отметить, что с 2005 г. в общедоступных справочниках Росстата перестают публиковаться данные о возрастной структуре производственного оборудования.

² Производство по видам продукции машиностроения в 1992–2012 гг. см.: Россия... 2011: 254–255, 257, 259; 2013: 265, 267–268.

процесс дезинтеграции обрабатывающих производств на основе массового банкротства крупных и средних предприятий, свертывания профильного производства и сокращения численности промышленно-производственного персонала. Среднегодовая численность работников на одном действующем предприятии в 2012 г. составляла 32 человека, в то время как до реформирования – 610 человек.

Оставшиеся производственные мощности обрабатывающих производств в настоящее время используются в пределах 50 %, а по ряду производств – и того меньше (например, по выпуску металлорежущих станков – лишь на 13 %) [Россия... 2011: 217; 2013: 247–248].

Проводимые обследования предпринимательской уверенности и экономической ситуации в обрабатывающих производствах свидетельствуют, что основными факторами, ограничивающими рост производства, остаются неопределенность экономической ситуации в стране, невостребованность продукции на внутреннем рынке и высокий уровень налогообложения [Россия... 2011: 222, 224].

Сложившийся и прогнозируемый механизм реформирования экономики «поощряет» тенденции закрепления сырьевой структуры общественного воспроизводства. Об этом наглядно свидетельствуют данные табл. 4.

Таблица 4

**Индексы производства по видам экономической деятельности
(1991 г. = 100 %)**

	1992 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2013 г.
Добыча полезных ископаемых	88,2	70,7	74,3	99,1	105,6	106,6	110,8
В том числе добыча топливно-энергетических ресурсов	94,7	77,8	80,7	111,4	117,6	120,5	123,9
Обрабатывающие производства	81,8	47,5	50,9	68,9	82,9	77,8	88,7
В том числе:							
Производство машин и оборудования	84,4	38,1	32,3	44,9	63,3	48,7	53,7
Производство транспортных средств и оборудования	85,3	45,0	53,1	52,7	59,7	52,0	68,7

Источник: Россия... 2014: 243–244.

Инвестиции в высокотехнологический комплекс, представленный в табл. 5 машиностроением и металлообработкой, из года в год сокращаются.

Таблица 5

**Удельный вес инвестиций в машиностроение и металлообработку
(производство машин, оборудования, транспортных средств) в общем объеме
инвестиций в основной капитал**

Годы	Удельный вес, %
1990	8,3
1992	4,9
1995	3,0
1998	3,2
2000	2,8
2005	2,3
2013	2,5

Источники: Российский... 2003: 596; Россия... 2005: 354; 2014: 459.

Из данных, представленных в табл. 5, видно, что в структуре общих инвестиций в основной капитал доля инвестиций в развитие машиностроения и металлообработки в 1990–2013 гг. сократилась в 3,3 раза – с 8,3 % в 1990 г. до 2,5 % в 2013 г. При этом общие инвестиции в основной капитал в указанный период из года в год сокращались и в 2013 г. составляли лишь 73,7 % к уровню 1990 г.

Сырьевая направленность российского воспроизводственного комплекса поддерживается и сложившейся отраслевой структурой оплаты труда (табл. 6).

Таблица 6

**Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата
по видам экономической деятельности, в % к средней по РФ**

Виды экономической деятельности	1995 г. (472,4 р./мес.)	2000 г. (2223 р./мес.)	2005 г. (8555 р./мес.)	2010 г. (20 952 р./мес.)	2013 г. (29 960 р./мес.)
Добыча полезных ископаемых	225,9	267,2	230,6	190,4	181,3
Добыча топливно- энергетических ресурсов	256,5	314,2	274,2	220,8	204,8
Финансовая деятельность	159,9	235,3	262,6	239,2	212,0
Операции с недвижимым имуще- ством, аренда и предоставление услуг	88,1	110,5	119,7	122,3	114,4
Производство машин и оборудо- вания	80,0	88,8	97,9	95,4	93,7
Производство электрооборудова- ния, электронного и оптического оборудования	78,5	90,1	96,1	96,3	97,6
Здравоохранение и предоставле- ние социальных услуг	73,0	60,0	69,0	75,0	82,0
Образование	65,5	55,8	63,5	67,2	78,2
Сельское хозяйство	54,9	44,3	42,6	50,9	52,2

Рассчитано по: Россия... 2014: 135–137.

В экономике России, как известно, не востребован научно-технический прогресс и недооценивается инновационное развитие, о чем свидетельствует низкий уровень внутренних затрат на исследования и разработки (1,12 % в ВВП России, в развитых странах Запада – в 3–4 раза выше), ничтожно низкий уровень финан-

сирования науки из средств федерального бюджета (0,56 % от ВВП против 4–6 % в высокоразвитых странах и 4 % по действующему федеральному российскому закону) [Россия... 2014: 371]. Вследствие этого произошел полный застой в создании, а тем более в использовании передовых производственных технологий. Так, в 2000–2012 гг. в среднем за год существовало не более 900 предложений по производственным технологиям, или 0,5 % от общего числа применяющихся в 2012 г. технологий. При этом из 191,4 тыс. внедряемых в производство в России передовых технологий в 2012 г. 46 % используются более 6 лет [Россия... 2013: 385–388].

Между тем в период до 1990 г. в России имелись весьма значимые научно-технические достижения, в частности высокий уровень изобретательства. Например, в 1987 г. в нашей стране было зарегистрировано 83,7 тыс. изобретений, в США – 82,9 тыс., в Японии – 62,4 тыс., в Германии – 28,7 тыс. В настоящее время со значительным отрывом лидирует Япония – до 3000 патентов в год на 1 млн жителей, затем Южная Корея – 2200, США – 650, Германия – 600, Австралия – 500. Россия отстает от США и Германии в 4 раза, от Австралии – в 3,5 раза, не говоря уже о Японии (в 18 раз) и Южной Корее (в 14 раз).

Самыми изобретательными компаниями в 2010 г. были IBM, Samsung, Microsoft, Canon, Panasonic, Toshiba, Sony, Intel и LG Electronic. Скажем, IBM ежегодно вкладывает в научно-технические исследования и инновационные разработки 6 млрд долларов. В России же, к сожалению, общие инвестиции в производство машин, всех видов оборудования и транспортных средств в 2012 г. составляли примерно 9 млрд долларов. В структуре инвестиций на развитие указанных видов экономической деятельности в 2012 г. приходилось лишь 2,2 % [Россия... 2013: 469–471].

Вместе с физическим и моральным старением основных промышленных фондов, особенно техники и технологий, ухудшились все параметры человеческого потенциала. Численность населения уменьшилась с 148,2 млн человек на 1 января 1991 г. до 143,3 млн человек на 1 января 2013 г.

Существенно изменилась структура численности занятых в экономике по видам экономической деятельности. Численность занятых в материальном производстве (промышленности, сельском хозяйстве) и в научной сфере за годы реформ существенно сократилась, и одновременно резко возросла доля занятых в торговле, финансах и управлении (в 2,4 раза) [Российский... 2003: 137; Россия... 2013: 104]. Продолжающееся падение производства в высокотехнологичных отраслях промышленности и уменьшение государственных ассигнований на развитие науки и техники привели к резкому сокращению научных кадров и, естественно, научных исследований и разработок.

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в стране ежегодно снижается и в 2012 г. составила 47,4 % от дореформенного (1992 г.) уровня (табл. 7).

Таблица 7

**Численность занятых НИОКР в России, тыс. чел.
(на конец года)**

	1992 г.	2000 г.	2012 г.	2012 г. в % к 1992 г.
Численность персонала – всего	1532,6	887,7	726,3	47,4
В том числе:				
исследователи	804,0	425,9	372,6	46,3
техники	180,7	75,2	58,9	32,6

Источник: Россия... 2014: 366.

Отсутствие в стране промышленной политики, господство рыночного либерализма – основная причина развала промышленного потенциала страны в целом и особенно машиностроения. Высокотехнологичный сектор экономики, ядром которого служит машиностроение, является системообразующим звеном любой экономики. От него зависят производственный потенциал страны, уровень обороноспособности и социальной устойчивости. Провозглашенная в правительственных кругах модернизация экономики, успех промышленной политики в целом зависят от возрождения отечественного машиностроения. Его развитие непосредственно связано с увеличением масштабов НИОКР и ростом объемов производства в таких наукоемких отраслях, как приборостроение, IT-технологии, радиоэлектроника, средства связи, промышленные роботы, авиакосмические комплексы и в настоящее время – нанотехнологии.

Мировой опыт и экономические расчеты показывают, что сбалансированное развитие экономики может обеспечиваться при условии, если в структуре промышленного производства на долю машиностроения будет приходиться не менее 25–30 %. Расходы на наиболее перспективные инновации должны преобладать, а на разработку и использование принципиально новых производственных технологий должно приходиться не менее 50–60 % (в развитых странах даже 60–80 %, тогда как в России – 10–15 %) [Россия... 2013: 385–388].

Как преодолеть деиндустриализацию

Проблема деиндустриализации экономики новой России была впервые замечена уже спустя два-три года после начала этапа ее радикальной рыночной трансформации, когда обнаружилось, что структурные перекосы в экономике позднего Советского Союза не только не исчезли в результате отмены в стране директивного планирования, но и стали усугубляться. Мы наивно надеялись на силы саморегулирования, которые, так сказать, по определению должны были привести структуру нашей экономики к современному виду. Но вышло, как известно, по-другому.

Отмена государственной монополии на внешнеторговые операции, свободное ценообразование, быстрая либерализация валютного режима – все это привело к тому, что исчез так мучивший советских людей унижительный товарный дефицит и резко увеличилось предложение продовольственных и потребительских товаров. Эти изменения весьма благоприятно воздействовали на потребителей. В це-

лом тогда был сделан крен в сторону удовлетворения потребительского спроса. И успех такой операции был очевиден.

Правда, при этом «забыли», что потребители должны иметь деньги, чтобы покупать ранее недоступные товары и услуги, а следовательно, должны их где-то зарабатывать. И вот здесь начались проблемы, которые, при всех успехах рыночных преобразований в стране существуют до сих пор. Брошенная в ничем не ограниченную рыночную стихию подавляющая часть советской обрабатывающей промышленности получила сокрушительный удар в виде стремительной утраты возможностей сбыта, и в результате так же стремительно стала сужаться ее доля в общей хозяйственной деятельности и России, и всех других новоиспеченных независимых государств.

Собственно, тогда и возникла проблема, которую я называю примитивизацией структуры экономики и которая, к сожалению, стала тенденцией. Конечно, и в сегодняшней российской обрабатывающей промышленности имеются отдельные замечательные успехи. Как когда-то были герои социалистического труда, так и сейчас есть герои капиталистического труда, которые занимаются серийным производством готовых изделий. Но их доля в валовом производстве скандально низкая.

Для страны, которая начиная с 30-х и до начала 90-х гг. имела традиции мощного индустриального ландшафта, это, конечно, унижительно. Не буду здесь вдаваться в разнообразные причины такого развития событий, назову главную. В начале реформ нам хотелось иметь структуру, которая отвечает современным стандартам, но произошел очень большой перекося в сторону сил саморегулирования и наблюдался преднамеренный отказ от «видимой руки» государства. В результате сегодня мы вновь находимся перед выбором: либо продолжение деиндустриализации и сползание в зону «технологического захолустья», либо резкий рывок в области реиндустриализации.

Существует много различных представлений о том, как это нужно сделать. Если отбросить самые экзотические и экстравагантные, то «водораздел» определяется двумя школами мышления, различающимися отношением к экономической теории и практике, прежде всего к роли государства в хозяйственных процессах. Разграничение четко прослеживается по ряду позиций, и я хочу коротко их обозначить.

Первая позиция – макроэкономическая стабильность, что на простом языке означает низкую инфляцию. Представители не поддерживаемой мною школы мышления постоянно призывают к тому, что она не должна превышать 3–4 %. Тогда будто бы понизится стоимость кредита, начнется долгосрочное кредитование, появятся желаемые «длинные деньги» и начнется инвестиционный бум.

Другая школа мышления, к которой принадлежу и я, считает, что небольшая инфляция – весьма значимый, но не решающий фактор для того, чтобы реиндустриализация началась не только в риторике, но и на практике. Сегодня нет недостатка в финансовых ресурсах. И дело не только в том, что деньги дороги. Просто у кредитора и заемщика большой страх, что средства, потраченные на производство тех или иных продуктов, не дадут желаемого результата: изготовленные товары не найдут сбыта.

Вторая позиция – бездефицитный бюджет. Здоровые государственные финансы – это очень хорошо. Весь развитый мир находится сегодня в зоне турбулент-

ности только потому, что там допустили чрезмерный дефицит бюджета. Однако, с моей точки зрения, это было неизбежно, потому что нужно было каким-то образом останавливать кризис. Иногда говорят, что увеличение государственных расходов через политику «количественного смягчения» – это не что иное, как «заливание пожара керосином». Но на самом деле это неверно. Пожар заливают все-таки водой. А вот когда случится наводнение, то есть скачок инфляции, тогда будем им заниматься.

Так или иначе, добиваться бездефицитного бюджета во времена вялого частного спроса – сомнительное намерение. В такие периоды, как показывают теория и практика, вообще нет альтернативы государственным расходам, как бы мы ни относились к государству. Поэтому неверно просто стремиться к бездефицитному бюджету, которого, согласно официальным прогнозам, мы должны были достичь к 2015 г.

Третья позиция – рестриктивная денежная политика. Начиная с 90-х гг. все время идет разговор о том, что она безальтернативна, поскольку сдерживает инфляцию. Если же будет инфляция, не будет никакой экономической активности. На самом деле рестриктивная денежная политика продуктивна в зрелых экономиках, где редки монополистические злоупотребления. В других случаях такая политика далеко не всегда помогает добиться низкой инфляции, что, собственно, мы и видим в России.

Четвертая позиция – курсовая политика. По-моему, даже небольшое повышение реального курса рубля вредит экономике. Подозреваю, что на самом деле за этим скрывается средство антиинфляционного характера. Кроме того, такая политика серьезно увеличивает девальвационные риски. Когда у вас инфляция 6–7 %, а реальный курс национальной валюты растет, возникают большие разрывы между ее внутренней и внешней динамикой и, как следствие, увеличивается вероятность обвальной девальвации.

Следующая, пятая, позиция – очень важная: совершенствование инвестиционного климата. Его почему-то ставят во главу угла, когда говорят о необходимости начать процесс реиндустриализации. Прежде всего педалируется установка на создание благоприятных условий только для потенциальных инвесторов: снижение налогового бремени, гипертрофированные надежды на прямые иностранные инвестиции и малый бизнес.

Разумеется, благоприятные условия для инвесторов необходимы, но для решения задач реиндустриализации российской экономики явно недостаточны. Постоянно идет разговор о снижении налогового бремени для потенциальных инвесторов как об основном драйвере экономического роста. Я убежден, что это далеко не так. Исследования последних лет, в том числе таких гуру современной экономической науки, как Пол Кругман или Джозеф Стиглиц, доказывают эмпирически, что излишнее неравенство не способствует, а вредит росту. У нас скандальное неравенство. И если оно будет усиливаться, то проблема справедливости или несправедливости превратится из этической в реальную проблему «закупорки» роста, потому что сужение среднего класса неизбежно ведет к снижению покупательной способности.

Надежды на прямые иностранные инвестиции как «палочку-выручалочку» также сомнительны: даже при идеальном климате их не будет, если не будет собственных инвестиций. Прямые иностранные инвестиции в Россию и без того зна-

чительны и направлены туда, где возникает быстрая и большая прибыль: в сырьевые отрасли и пищевую промышленность.

Про малый бизнес постоянно говорят, что нужно достигать западных стандартов, то есть 60–70 % ВВП, у нас – 20 %. Между тем наш малый бизнес очень развит, очень эффективен и очень организован, а не дает он 70 % ВВП потому, что нет большого индустриального бизнеса, который, в отличие от топливно-сырьевого, как раз и нуждается в малых предприятиях.

Если бы у нас были крупные корпорации, выпускающие готовую продукцию, то стихийно возникло бы много малых и средних предприятий, которые производили бы для них узлы и детали. Так что никакое «одно окно», придуманное для инициации малой деятельности, ничему не поможет. Так, в строительстве и сфере услуг малый бизнес существует и очень мощно работает и без всякого «окна», нельзя же серьезно думать, что молодые бизнесмены «лежат на печи» и ждут, пока Министерство экономического развития создаст им благоприятные условия. Когда предприниматели видят, что их продукция продается, они справляются и с нашим неправовым сознанием, и с любыми административными барьерами.

Шестая позиция – прекращение роста заработной платы из-за якобы систематического повышения производительности труда. Этот пункт особенно прижился в «Стратегии-2020». Однако, во-первых, если, как в старину, просто соотносить долю заработной платы с валовым внутренним продуктом, то есть устанавливать норму эксплуатации, то она у нас в два раза выше, чем в зрелых странах. Во-вторых, наша средняя заработная плата – это «средняя температура по больнице». У нас менеджеры получают в тысячу, а не в 10–15 раз больше, чем трудящиеся, и поэтому неправомерно говорить о производительности труда шахтера, который не имеет отношения к оборудованию. К оборудованию имеют отношение менеджеры, и если они его не меняют, то можно сколь угодно понижать или повышать заработную плату шахтерам – ничего не изменится.

Седьмая позиция – важный «водораздел» проходит по линии так называемых системных реформ. Утверждается, что мы стали их резво проводить в начале нулевых годов, а потом будто бы все прекратили, и стало плохо. Что такое системная реформа? На нормальном русском языке – это коммерциализация или установка на самоокупаемость «всего и вся», в том числе максимальное самофинансирование науки, образования, культуры и здравоохранения. Как видно, сегодня этот курс так или иначе реализуется, что абсолютно контрпродуктивно как для страны в целом, так и для реиндустриализации ее экономики в частности.

Восьмая позиция – вредоносность «государства всеобщего благоденствия». С гордостью утверждается, что плоская шкала налогообложения – абсолютное благо. Завидует весь мир. Да здравствует мученик, наш новый русский Жерар Депардьё! Далее следует вывод: чем слабее перераспределение первичных доходов, тем лучше для экономической активности и роста. Я уже говорил о том, что происходит ровно наоборот.

Наконец, даже те, которые соглашаются с нами, что государственная активность должна иметь приоритет, особенно тогда, когда экономика во всем мире развивается вяло, отдают предпочтение сначала ректификации госаппарата, а лишь затем – промышленной политике. Однако в данном случае не может быть никакой иерархии. Необходимо проводить промышленную политику и реинду-

стриализацию с тем аппаратом, который есть, и он сам будет улучшаться по мере изменения содержания его работы.

КЭС спасает рыночную теорию

Рынок как способ устройства хозяйственной жизни не имеет альтернативы, его жизнеспособность не подвергается сомнению, но его «невидимая рука» с очевидностью должна быть дополнена «видимой рукой» государства. Сегодня практически все государства мира пытаются выйти из глобального финансового кризиса именно путем активного вмешательства в хозяйственную жизнь. Чего стоит одна накачка ликвидностью финансовой системы и частичная национализация попавших в сложное положение предприятий и компаний, наблюдаемые практически во всех странах мира. По иронии судьбы, именно американцы, призывавшие всех к свободному рынку, едва ли не первыми вынужденно прибегли к фактически социалистическим мерам.

Упоение «свободной» экономикой прошло, мир устал от радикального, безудержного либерализма. Ему на смену идет система, еще не получившая своего «изма». Пока же очевидно, что без мощной и систематической государственной активности теперь уже не обойтись. У «нового капитализма» будут свои проблемы, и возможно, не менее серьезные, чем у «старого». При этом надо иметь в виду отсутствие ясных критериев участия или неучастия государства в хозяйственной жизни общества. Так что мир вполне может впасть в другую крайность – гипертрофированное, ненормальное обобществление в комбинации с порочным протекционизмом.

К числу наиболее приоритетных следует отнести проблему и текущего кризиса, который, разумеется, сейчас первым приходит на ум, и догматизма, ответственного за многие бедствия отдельных стран и всего мира в последние десятилетия. Но центральной нерешенной проблемой я назвал бы режим взаимоотношений государственных институтов и частного предпринимательства, государства и рынка. От ее понимания, толкования и в конце концов манипулирования ею так или иначе зависят остальные важнейшие проблемы современной экономики и их решение.

Системный кризис лишь усугубляется оттого, что его пытаются – в очередной раз – преодолеть или излечиться от него теми же старыми способами, какие применялись со все меньшим успехом уже много-много лет. Но хотим мы того или нет, говорить теперь надо не о том, каким образом капиталистическая система сможет, залечив новые раны, существовать дальше «в прежнем режиме», а о том, что придет ей на смену.

Последние события в мировой экономике убедительно показывают, что взаимоотношения государства и рынка на деле гораздо теснее, чем простое взаимодействие. Выход из кризиса потребует формирования иного понимания, развития новой модели экономики и, в частности, другой модели государственного регулирования, новых теоретических обоснований. Речь идет о новом фундаменте, о принципиально новой модели экономики, адекватно отражающей современные социально-экономические реалии.

Надеюсь, этому могла бы способствовать разрабатываемая мною совместно с профессором А. Я. Рубинштейном Концепция экономической социодинамики (КЭС) [Гринберг, Рубинштейн 2008].

Смысл ее сводится к признанию существования наряду с частными предпочтениями общественных интересов, которые к ним не сводятся. Если частные предпочтения индивидов выявляет рынок, то предпочтения общества в стихийном процессе саморегулирования не обнаруживаются: они определяются политической системой и общественными институтами. Очевидно, что интересы, выявляемые политической системой, не могут быть сведены к предпочтениям индивидов, выявляемым рыночным путем. При этом каждая ветвь общественных интересов претендует на определенный объем ресурсов, необходимых для их реализации. Формируемые по разным законам и в различных институциональных средах, эти интересы вступают в состязание лишь на стадии их реализации – в борьбе за обладание ограниченными ресурсами.

Суть концепции заключается в возможности гармонизации социальных интересов и индивидуальных предпочтений. Государство как исполнительная власть само является рыночным субъектом, чье поведение определяется его специфическими интересами и имеющимися ресурсами. Существуют обычные рыночные игроки, располагающие собственными ресурсами и действующие по правилам, устанавливаемым государством. Но есть государственные структуры, которые, используя общественные ресурсы, действуют по правилам, установленным самим же государством как законодательной властью. Таким образом, концепция экономической социодинамики предлагает совершенно новую трактовку понятия «смешанная экономика», отнюдь не сужая, а наоборот, расширяя сферу действия механизмов рынка, «оттеняя» совместимость частной инициативы и государственной активности.

Экономическая социодинамика – не просто теоретическая конструкция. Она является практической основой для деятельности государства, связанной, в частности, с финансированием социальной сферы. Сегодня она вполне способна дать ответ на многие актуальные вопросы хозяйственной жизни страны. В КЭС ключевой категорией служит «социальная полезность» блага, которая обосновывает объективную необходимость не спорадического, а систематического общественного финансирования культуры, науки, здравоохранения, образования.

Современная же экономика России, рыночная, но асоциальная, ориентирована на сиюминутную прибыль при практически полном забвении и игнорировании общественного интереса.

Есть множество жизненно необходимых обществу благ, которые рынку не интересны – они не дают немедленной прибыли. Но и здорового общества без них не бывает. Наука, образование, культура, здравоохранение – четыре основные сферы, которые должно опекать и в значительной мере финансировать государство – больше никому. Только оно способно создать порядок, при котором работающий поддерживает безработного, здоровый – больного, молодой – старого. При советской власти доминировал очень, как выяснилось, утопический лозунг: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Но лозунг сегодняшнего дня: «Думай только о себе» – социальной стабильности и экономической модернизации отнюдь не способствует.

Концепция экономической социодинамики коренным образом меняет понятие «государственная активность»: на место «государственного вмешательства» приходит равноправное участие государства в хозяйственной жизни страны, а место столь негативного «бюджетного бремени» занимают социально обоснован-

ные и целесообразные государственные расходы на реализацию общественных интересов, представляющие собой инвестиции в человеческий капитал.

Что впереди?

Основными факторами текущей стагнации российской экономики являются: 1) так называемая инвестиционная пауза, связанная с завершением ранее начатых мегапроектов (Олимпиада, Универсиада, остров Русский и т. п.); 2) снижение мировых цен на нефть; 3) западные санкции. В этих суровых условиях инициирование и реализация государством структурной политики и массированного финансирования инфраструктурных проектов – безальтернативный императив. В России есть промышленные анклавы, которые еще способны приблизиться по эффективности и капиталу к зарубежным аналогам, и надо сосредоточить внимание именно на таких отраслях.

При этом необходимо определиться с критериями расстановки приоритетов. Здесь уместно заметить, что не существует совершенного и не зависящего от субъективных устремлений механизма определения приоритетов структурной перестройки экономики. Как нет «совершенного» рынка, обеспечивающего оптимальную аллокацию ресурсов, так нет и идеального, «научно обоснованного» государственного механизма выявления потребностей общества в той или иной структуре экономики. Однако чем демократичнее общество, тем при прочих равных условиях быстрее будет замечена ошибка в расстановке приоритетов.

Далее. В приоритеты структурной политики следует закладывать те направления развития, по которым Россия еще сохраняет конкурентные преимущества – реальные или теперь уже в большей мере потенциальные. Это в целом подлежит тщательному системному изучению с участием научных коллективов, включающих представителей экономических и естественных дисциплин.

Кроме того, определение приоритетов современной промышленной политики должно носить не отраслевой, а межотраслевой характер. Такие проекты обычно характеризуются высокой степенью затратности, большими инвестиционными рисками и длительным производственным циклом. Иначе говоря, они не могут быть осуществлены без систематической господдержки из-за «слабых рыночных стимулов». Нужно только помнить, что именно способность производить подобные системы удерживает ту или иную страну в ряду ведущих мировых индустриальных держав.

Но чтобы попасть в этот ряд, необходимо, на мой взгляд, выполнение трех базовых условий.

Первое – отказ от демонизации роли государства в экономике. Необходимо понять, что дискуссии об уместности или неуместности государственных инвестиционных проектов лежат за пределами современной научной экономической мысли, и надо прекратить в этой связи запугивать себя так называемым государственным капитализмом. В свое время подобная демонизация рыночных механизмов, когда объективной необходимости их всемерного развития противопоставлялась не экономическая реальность, а идеологема об их несовместимости с сохранением чистоты «социалистических» принципов примата так называемой общественной (а по сути государственной) собственности на средства производства, дорого обошлась советской экономике. Стоит ли сегодня повторять ту же ошибку с теми же последствиями, апеллируя не к сложившейся экономической реальности, а к невозможности поступиться принципами теперь уже «чистоты

рынка»? Дискуссии в этой области должны вестись лишь в отношении оценки экономической эффективности предлагаемых к реализации проектов и механизмов контроля целевого использования инвестиций.

Второе – радикальное изменение денежно-кредитной политики для финансового обеспечения инвестиционного маневра. Суть этого маневра выходит за пределы данной статьи. Здесь следует лишь напомнить, что кризис 2009 г. показал: финансовая «подушка безопасности» позволяет в течение определенного времени не допустить «обвала» финансовой системы и социальных показателей, но она не предотвращает обвального падения производства. Именно отсталость перерабатывающих производств не позволила в 2009 г. компенсировать падение внешнего спроса на энергосырьевые товары увеличением внутреннего, как это произошло в Китае, где стимулирование данного спроса увеличило последний в кризисном году почти на 15 %, что позволило обеспечить более чем 9 %-ный прирост ВВП.

Третье – в силу объективно существующих ограничений государственные проекты могут обеспечить технологические прорывы пусть в очень важных, но лишь отдельных сегментах национального хозяйства. Государство должно выполнить исключительно важную роль придания мощного первоначального инвестиционного импульса модернизации. Обязательным же условием ее успешности является активное участие в этом процессе частнопредпринимательского сектора, который должен «подхватить» и развить этот первоначальный импульс, что требует применения механизмов государственно-частного партнерства.

Однако такого рода партнерство должно опираться не на волевые усилия со стороны государственной власти, а на экономическую заинтересованность в нем некой критической массы предпринимательского слоя. Без этого усилия государства в данном направлении либо приведут к крайне ограниченным результатам для национальной экономики, либо будут использованы зарубежными конкурентами. К сожалению, такого рода интерес у российских предпринимателей сегодня, как правило, отсутствует. И все дело в том, что главным инструментом конкурентной борьбы для отечественных предпринимателей является не технологическая и организационная модернизация, а «крыша» со стороны человека, занимающего ту или иную «государеву должность», на что указывают сами предприниматели и признают высшие должностные лица государства.

Дефекты современной экономики России очень серьезны. Многие из них приобрели системный характер. Но это не означает, что их нельзя преодолеть.

Противники промышленной политики, сторонники так называемого радикал-либерального направления экономической мысли, справедливо отмечают, что и отрицательных примеров такой политики вполне достаточно. Но это как раз тот случай, когда уместно привести известное изречение Бертольда Брехта: «Если вы боретесь, вы можете проиграть, но если вы не боретесь, вы уже проиграли». Риски, конечно, существуют, но сложно представить себе экономическую деятельность без рисков вообще. Ясно одно: страны, которые действительно совершили экономический прорыв и превратились из развивающихся в развитые, сделали это исключительно с помощью успешной промышленной политики.

Литература

Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М. : ИЭ РАН, 2008.

- Российская газета. 2007. 4 декабря.
- Российская газета. 2008. 1 октября.
- Российская газета. 2013. 11 октября.
- Российский статистический ежегодник: стат. сб. М. : Госкомстат России, 2000.
- Российский статистический ежегодник: стат. сб. М. : Госкомстат России, 2002.
- Российский статистический ежегодник: стат. сб. М. : Госкомстат России, 2003.
- Российский статистический ежегодник. М. : Росстат, 2005.
- Россия в цифрах: крат. стат. сб. М. : Росстат, 2005.
- Россия в цифрах: крат. стат. сб. М. : Росстат, 2009.
- Россия в цифрах: крат. стат. сб. М. : Росстат, 2011.
- Россия в цифрах: крат. стат. сб. М. : Росстат, 2013.
- Россия в цифрах: крат. стат. сб. М. : Росстат, 2014.
- Экономика и жизнь. 2004. № 9.

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Viktor I. Danilyan. The Structure of Value and the Structure of Economy in the Age of Globalization (pp. 3–20).

Ilya V. Ilyin, Olga G. Leonova. The Tendencies of Development of Globalization Political Processes (pp. 21–35).

Irina V. Ivakhnyuk. The Development of Migration Theory in Terms of Globalization (pp. 36–51).

Tomasz Kamusella. What do We Learn When Learning the World? (pp. 52–65).

Processes of globalization

Valery V. Snakin. The Dynamics of Biodiversity, Continental Drift and Globalization (pp. 66–74).

Ivan A. Aleshkovski, Vladimir A. Iontsev. Regulating International Migration Processes in Terms of Globalization (pp. 75–87).

Marina A. Shulga. Europeanization: Some Peculiarities of One Concept (pp. 88–95).

Global issues

Alexander B. Veber. Passions about Climate. Who and Why is against the Fight against Global Warming? (pp. 96–105).

Olga A. Mazur. Near East: On the Edge of Contradictions (pp. 106–113).

Dmitry Yu. Rudenko, Kristina Yu. Zinkovskaya. The Processes of Convergence in Global Economy (pp. 114–124).

Nature, society, and humans

Eduard V. Girusov. Social and Environmental Education (pp. 125–129).

Vladimir V. Krasnov. The Premises of Creating of Integral Society (pp. 130–141).

Yury D. Granin. Globalization: Erosion of National Identity (pp. 142–153).

Wali Teymouri, Bahareh Biglari. Tourism as an Appropriate Model to Educate World Citizenship (pp. 154–165).

Russia in the global world

Ruslan S. Grinberg. Economy of Modern Russia: The Situation, Problems, Perspectives. The Results of System Transformation (pp. 166–181).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. 2003. Мировоззственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономика. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузицина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации».

1(15), 2015. – 184 с.

Ответственная за выпуск *Е. В. Еманова*
Технический редактор *Е. А. Никифорова*
Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*
Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г.

© Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 20.03.2015. Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,83.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»

Полиграфкомбинат «Офсет»

400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.

Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10